

Латвийская Православная Церковь  
Институт русского культурного наследия Латвии

# **Латвийский православный хронограф**

**Выпуск III**

Синод Латвийской Православной Церкви

Рига  
2018



*Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший  
Александр, Митрополит Рижский и всея Латвии*

*Редакционная коллегия выражает сердечную  
благодарность и признательность  
Его Высокопреосвященству,  
Высокопреосвященнейшему Александру, Митрополиту  
Рижскому и всея Латвии,  
за всемерную поддержку и искреннее участие  
в издании «Латвийского православного хронографа»*

*По благословению  
Его Высокопреосвященства,  
Высокопреосвященнейшего Александра,  
Митрополита Рижского и всея Латвии*

**Редколлегия:**

Ответственный редактор – протоиерей Олег Пелевин

Научный редактор – Татьяна Фейгмане, доктор истории

Литературный редактор – Оксана Дементьева,  
магистр филологии

Рецензент – Преосвященнейший Александр,  
Епископ Даугавпилсский и Резекненский,  
магистр богословия

Макетирование – Анна Снегирёва

«Латвийский православный хронограф» – сборник, посвященный истории Православной Церкви на Латвийской земле, а также актуальным вопросам русской культурной и духовной жизни.

В третьем выпуске «Хронографа» одно из центральных мест отведено работе православных духовных учебных заведений Рижской епархии в начале XX века. Затронуты и проблемы современного духовного воспитания учащейся молодёжи. Читатель познакомится с заключительной частью воспоминаний Константина Климова. Впервые увидит свет переписка профессора Синайского с художником Климовым, относящаяся к 1946–1949 годам. Читатель познакомится и со статьей, посвященной 150-летию со дня рождения художника Н. П. Богданова-Бельского.

ISBN 978-

© Латвийская Православная Церковь

© Институт русского культурного наследия Латвии

Отпечатано в типографии «Zelta Rudens Printing»



# Дорога к храму

*Татьяна Пулле,  
директор Рижской  
Анниньмуйжской  
средней школы*



*Первое посещение Рижской средней школы  
«Анниньмуйжа» Его Высокопреосвященством,  
Высокопреосвященнейшим Александром,  
Митрополитом Рижским и всея Латвии.  
Владыку Митрополита встречают малыши  
из ансамбля «Веснянка». 2006 год*

Как человек ищет и находит свою дорогу к Богу? Для многих из нас, педагогов, учащихся и родителей Рижской школы «Анниньмуйжа», всё началось в 2006 году, с приезда Владыки Митрополита в нашу школу и его

встречи с нами. С этой встречи начали зарождаться традиции, которые изменили педагогический мир и среду общения в нашей школе.

Тогда, в 2006 году, по благословению Высокопреосвященнейшего Александра Митрополита Рижского и всея Латвии, состоялось освящение здания школы. В освящении участвовали клирики Рижского Кафедрального собора Рождества Христова. Освящение происходило при молитвенном участии первого директора школы Адольфа Болеславовича Скоковского, администрации, учителей, учащихся, родителей и работников. Это событие для всех было долгожданным, тем более, что школа в то время делала свои первые шаги в области сотрудничества с Латвийской Православной Церковью.

В то время зарождалась традиция встреч Митрополита Рижского и всея Латвии с директорами школ. Многие из нас получили советы и наставления, услышали от Владыки мудрое слово поддержки в нашем нелёгком деле.

Педагоги и родители обратили внимание на то, что современное образование теряет духовные и нравственные основы. Выбирая место будущей учёбы своего ребёнка, родители почему-то в первую очередь обращают внимание на то, какие учебные программы реализует школа, по каким предметам ученики занимают призовые места на олимпиадах, какие языки изучаются в школе и с какими вузами школа поддерживает партнёрские отношения. Казалось, что школа как общественный институт перестала выполнять свою главную функцию – воспитательную.

По нашему представлению, важным в обучении являлось воспитание детей на основе отечественного языка и духовных ценностей Православия. К сожалению, современные дети, «теряя» родной язык, теряют не только представление о добре и зле, но и понимание того, что такое «хорошо» и что такое «плохо», где «верх», а где «низ». Исторически в нашем родном языке было заложено это представление о «высоком» и «низком». С утратой родной речи теряются представления о духовности, размываются границы нравственности человека.

Педагоги школы задумались над этой проблемой и пригласили в школу с лекциями председателя Православного педагогического общества Санкт-Петербурга имени святых Кирилла и Мефодия, кандидата педагогических наук, директора царскосельской школы «Гуманитарий», кандидата филологических наук Василия Семенцова. Он провёл мастер-классы для педагогов нашей школы и рассказал о корнесловном методе обучения (корнесловно-смысловой метод – это не только набор приёмов, который учитель может применить на уроках, но и образ мыслей, который обращает людей к корням слов, к корням отечественной истории, к корням собственного рода; эти корни обретают глубинный смысл, поскольку уходят в Отечество Небесное. – *ред.*), а также дал возможность нашим учителям поработать на международной конференции в группах по предметам и в классах школы «Гуманитарий».

Позже, весной 2009 года к администрации школы обратилась группа родителей, которым была безразлична судьба их детей, с просьбой открыть класс духовно-

нравственного развития детей. С 1 сентября 2009 года по благословению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Александра, Митрополита Рижского и всея Латвии, мы открыли такой 1-й класс.

Занятия в 1-м классе духовного развития имели систему, они включали в себя еженедельные уроки православного вероучения, беседы с батюшкой, занятия по духовному развитию детей, изобразительному искусству, живописи, ваянию. Проводились уроки духовного чтения, занятия рукоделием, изучение православных традиций, занятия в духовном театре «Зернышко», обучение пению.

Даже обычные уроки православного вероучения дают очень важный результат: ребята просят, чтобы такие занятия продолжались и в 4-м, и в 5-м классах, когда официальные уроки христианского вероучения уже отсутствуют в школьной программе. А те наши самые первые ученики, которые окончили класс духовно-нравственного развития, сегодня ученики 8-го класса.

Традиция общения учеников с преподавателем христианского вероучения сохраняется на долгие годы: в основной и средней школе он проводит с ними классные часы, участвует на уроках разных предметов – повод для серьёзного душевного разговора всегда находится.

Тогда же, в 2009 году, зародилась традиция большого Рождественского концерта, который уже 8 лет собирает в актовом зале школы учащихся, родителей, педагогов, жителей микрорайона. Вначале на праздник приходили учащиеся школы, учителя и родители, собиралось около 300–400 человек. А в 2017 году впервые к празднику

присоединились ученики и педагоги латышской Имантской средней школы, педагоги района, которые сейчас уже вышли на пенсию. Всего в празднике приняло участие более 700 человек.

Вся работа нашей школы с детьми направлена на развитие высоких человеческих качеств, необходимых для нравственной ориентации в условиях современной жизни.

По благословению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Александра, Митрополита Рижского и всея Латвии, 16 апреля 2010 года в Риге состоялась первая выставка подарков и творческих работ, приготовленных руками воспитанников наших Воскресных школ и Рижской средней школы «Анниньмуйжа» к празднику Святой Пасхи. Она была подготовлена обществом по работе с детьми и молодежью «Родник» при участии школы.

В январе 2011 года впервые организовали и провели настоящую Рождественскую ярмарку не только для детей, но и для взрослых. Важной частью работы по организации такой формы воспитания, как ярмарка (Рождественская или Пасхальная) является то, что ей не только предшествует большая подготовительная работа (занятия, на которых учащиеся знакомятся с историей и традициями праздника; работа в мастерских по созданию поделок, подарков; подготовка концертной программы), но и возможность соработничества людей разных поколений. Так, при подготовке Пасхальной ярмарки вместе работают родители и ребята: мамы проводят мастер-классы для девочек по вышиванию икон, по

живописи. Мастер-классы традиционно проводят учителя христианского вероучения Филимонова Ирина Михайловна и Хлебникова Елена Вячеславовна. В дни проведения ярмарок проходят выставки работ ветерана Великой Отечественной войны, исполнителя песен времён войны, художника Кармазина, с которым у ребят и учителей школы очень давняя и тёплая дружба, выставки работ по вышиванию бисером библейских сюжетов. Кроме того, на ярмарке находятся и забавы для ребят – весёлые игры, выступления воспитанников соседних школ, ансамбля фольклорной песни «Веснянка». А вырученные на ярмарках деньги отправляются на благотворительные нужды: на игрушки малышам в детский дом, на изготовление подарков старикам в пансионат «Лиепа».

Сегодня не только мы готовим рождественские подарки обитателям пансионата, но и они, ожидая приезда ребят и педагогов, своими руками делают подарки для школы. Традиция проведения ярмарок в школе молодая, но уже сейчас в ней с радостью принимают участие сотни учащихся, их родители, бабушки и дедушки и просто жители микрорайона, часто люди разных вероисповеданий семьями приходят на ярмарки в школу.

А начиналось всё с идеи православного общества по работе с детьми и молодёжью «Родник»: первые латвийские ярмарки, в которых принимали участие воспитанники воскресных и ученики рижских школ, проходили в нашей школе. Это было удивительное единение: священники всегда были рядом с детьми и родителями.

*Первое посещение Рижской  
средней школы «Анниньмуйжа»  
Высокопреосвященнейшим  
Александром, Митрополитом  
Рижским и всея Латвии, в  
сопровождении клирика ЛПЦ  
Артемия Кучинского и  
первого директора школы  
А. Б. Скоковского. 2006 год*



*Владыка Митрополит и коллектив Рижской средней школы  
«Анниньмуйжа»: радость и тепло первой встречи. 2006 год*





*Протоиерей Олег Пелевин и директор школы Т. И. Пулле  
на Рождественском праздничном концерте в Рижской  
средней школе «Анниньмуйжа». 16 января 2015 года*



*Большой традиционный концерт, в котором принимают  
участие сотни учеников, родителей, учителя и жители  
микрорайона «Иманта». В празднике всегда участвуют  
и священнослужители Латвийской Православной Церкви.  
Рождество 2018 года*



Традиция распространяется: такие ярмарки организуют другие школы Риги.

На протяжении многих лет удивительной и очень важной в жизни педагогов, родителей и учеников стала традиция проведения службы в храме в День последнего звонка. Это каждый раз очень торжественное событие, одна служба не похожа на другую. Учителя, которые несколько лет участвуют в этой службе, и родители, которые выпустили уже нескольких детей в нашей школе и не раз принимали участие в таких праздниках, отмечают, что их дети меняются во время богослужения. А в 2012 году все, кто собрался на службу, были тронуты до глубины души: к выпускникам, педагогам и родителям вышел и провёл богослужение Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнейший Александр, Митрополит Рижский и вся Латвии.

Православное общество по работе с детьми и молодёжью «Родник», работая в помещении школы, подарило нам очень важную традицию: сотрудничество с духовным лагерем «Колосок».

Много лет мы помним просмотр и обсуждение фильма «Поп». Фильм ещё не вышел тогда в прокат, но нам в школу его привезли, и все старшеклассники смогли его посмотреть. Такой звенящей тишины наш актовый зал ещё не знал. И когда фильм закончился, ещё долго никто не поднимался со своего места, все молчали. Очень важно, что в это время вместе с ребятами его смотрел батюшка, который после просмотра пояснил, о каких событиях идёт речь, а потом долго отвечал на вопросы ребят.

Праздники, посвящённые православным святым, – ещё одна традиция школы. Самыми первыми были праздники, посвящённые святым Сергию Радонежскому и Серафиму Саровскому.

А совсем недавно школа по благословению Владыки Митрополита начала проект «Церковь, школа, семья и моральные ценности». Оказалось, что ребятам необходим открытый разговор о духовности, нравственности, они готовы слушать, задавать вопросы. Первые встречи с пастырями различных конфессий были с интересом восприняты. Ребята готовы к более долгому и серьёзному общению.

Конечно, нашим ученикам повезло: у них есть возможность учиться в классе духовно-нравственного воспитания, участники фольклорного ансамбля «Веснянка» вместе с педагогами и родителями имеют возможность в Пасхальные праздники встречаться с Владыкой, общаться с ним, слушать его рассказы о храме, святынях, молитве. На одной из таких встреч Владыка Митрополит более часа отвечал детям на их вопросы о вере, о своём служении, о святых, о спасении души, о культуре. Уже выросло целое поколение наших учеников, для которых такое уникальное, очень близкое общение стало возможным.

Может быть, не случайно выпускники школы потом ищут свой путь, становясь священниками, учителями, врачами, писателями, выбирают профессии, связанные с работой на радио, телевидении, участвуют в благотворительных акциях, помогая жителям пансионатов, школ, где учатся дети-инвалиды.

Православная Церковь в наше время бьёт в колокола, спасая нравственность общества, указывая нам на пороки, которыми одержим современный мир. Очень важной в общественной жизни Латвии является ежегодная конференция «Церковь, семья и школа». Конференция – уникальное событие: замечательно, что организаторам удается объединять в едином пространстве представителей разных христианских конфессий, специалистов различных областей науки, представителей управленческого аппарата, педагогов и родителей.

Радует, что каждый год не только растёт число участников, но и качественно меняется их состав: если несколько лет назад большую часть участников представляли священники, люди монашествующие, прихожане храмов, и лишь небольшая группа педагогов, общественных деятелей принимала участие в работе, то в этом году состав изменился в пользу работников образования, культуры, науки, представителей власти. Думаю, на самом деле профессии, объединяющие участников конференции, родственны: так или иначе они связаны со служением, с одной стороны, с заботой о воспитании души ребёнка – с другой. Это люди, приехавшие из разных регионов Латвии, европейских стран, России. Люди, которых не «отбирают», не «посылают», не «командируют» и не «направляют» на конференцию. Просто они понимают исключительную важность воспитательных проблем, поднимаемых Православной Церковью и обществом. На конференции работа не прекращается ни на минуту: она идёт в зале, в кулуарах, около книжных «развалов», на лекциях во все дни работы, а потом и в личном общении.

Под особым попечением Владыки находится его родная школа в Граверах. Когда-то мы встречали педагогов и учащихся этой школы у себя в школе (наши ребята очень готовились, собирали ребятам подарки), позже собирали книги и учебники, а потом родители организовали гуманитарную помощь жителям Гравер. Так начинаются очень важные связи в обществе, среди педагогов, детей.

Таким образом Владыка собирает разрозненный педагогический православный мир вокруг себя.

Наш мир дивно устроен и мудро управляется Создателем, желающим высшего блага, – спасения для каждого Своего любимейшего чада, сына или дочери. Слово «педагог» по-гречески означает «детоводитель». Куда он призван вести детей? Конечно, к Свету Истины, Свету, ведущему в жизнь вечную.

# Православные духовные учебные заведения Рижской епархии в начале XX века

*Сергей Цоя,  
магистр истории, преподаватель  
Рижской Анниньмуйжской  
средней школы*



*Здание Рижской духовной семинарии в начале XX века.  
Рига, ул. Пушкинская, 9 (ныне – бульвар Кронвальда, 9).  
Фото из персонального архива Д. И. Трубецкого*

История Рижской епархии начала XX века по сей день остаётся малоизученной. Так сложилось, что большинство современных исследователей своё внимание

сосредоточили на межвоенных годах или на драматических событиях Второй мировой войны, но не уделяют внимание последним двум дореволюционным десятилетиям. Однако без знания предыдущих эпох сложно разобраться и в последующих событиях.

О деятельности духовных учебных заведений Рижской епархии начала XX века известно мало. Научной литературы о Рижской православной духовной семинарии (далее в тексте – Рижская духовная семинария, как учебное заведение чаще всего именовали в дореволюционное время), Рижском духовном училище и Иллу́кстском (сейчас – город Илуксте) женском духовном училище нет. Имеются лишь краткие упоминания про данные учебные заведения в некоторых книгах и статьях<sup>1</sup>.

В Латвийском государственном историческом архиве (далее – ЛГИА) имеется фонд духовной семинарии – № 7416, первая опись которого относится к дореволюционному периоду. Однако до настоящего времени сохранилась лишь малая доля от бывшей в наличии документации учебного заведения. Материалы по началу XX века сохранились лишь частично. Похожая ситуация с фондом № 5723 Рижского духовного училища. Фонда же Иллу́кстского женского духовного училища в архиве и вовсе нет. Некоторые сведения содержатся в Государственном казённом учреждении Центрального архива Нижегородской области (далее – ГКУ ЦАНО)<sup>2</sup>. Если бы не информация из Рижских епархиальных ведомостей (в сносках – РЕВ) и газет того времени, то написать более-менее цельную историю этих учебных заведений вряд ли было бы возможно. Однако данные из Епархи-

альных ведомостей и газет носят ограниченный характер. Там публиковались разрядные списки учащихся, причём за некоторые годы эта информация отсутствует, статистика (далеко не полная), иногда – краткие отчёты о деятельности учебных заведений (особенно часто об Илукстском женском духовном училище), информация о праздниках и посещении учебных заведений архиереями. Воспоминаний бывших учащихся практически не сохранилось<sup>3</sup>.

Имеющиеся источники позволяют о многом судить лишь приблизительно (например, о бухгалтерии, микроклимате в учебных заведениях). Тем не менее автор статьи попытался обобщить имеющиеся данные и написать историю этих учебных заведений, охватывающую период с 1900 по 1918 год.

Текст разделен на три блока, в каждом из которых в отдельности говорится про одно из указанных учебных заведений. Блоки тематически делятся на подразделы. В настоящей работе указываются старые дореволюционные географические названия (в скобках современные) и календарные даты по юлианскому стилю, лишь иногда (в скобках) по григорианскому. Принимая во внимание, что в дореволюционное время в состав Рижской епархии входила и территория современной Эстонии, в работе затрагиваются вопросы истории Православия не только Латвии, но и её северного соседа.



## 1. Рижская духовная семинария

В 1847 году в Риге было открыто православное латышско-эстонское духовное училище, которое в 1851 году было преобразовано в семинарию. Днём основания семинарии стало 1(14) октября 1851 года – праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Срок обучения с 1857 года составлял шесть лет. Сложность была в том, чтобы совместить общероссийские принципы с местными условиями. Большая часть учащихся состояла из представителей местных народов, для которых русский язык не был родным. Примерно треть составляли православные латыши, треть эстонцы, остальные были русскими. Такой принцип подбора воспитанников в целом соблюдался все дореволюционные годы.

С 1884 года был введен новый семинарский устав, ликвидировавший некоторые элементы самоуправления, существовавшего со времён либеральных реформ Александра II. С 1857 по 1877 год выпуски делались раз в два года (до этого выпусков не было), потом ежегодно. По 1901 год включительно учебное заведение окончило 497 человек<sup>4</sup>.

С 1879/80 учебного года и до лета 1915 года семинария находилась по адресу ул. Пушкинская, 9 (сейчас – бульвар Кронвальда, 9). Здание было построено в 1877–1879 годах в стиле эклектики по проекту архитектора Г. К. Шееля (1829–1909). На третьем этаже, внутри над вестибюлем, находилась домовая церковь, посвящённая Покрову Пресвятой Богородицы. В 1905 году в здание было

проведено электричество<sup>5</sup>. К началу осени 1914 года главное здание и некоторые пристройки были отремонтированы<sup>6</sup>.

### *1.1. Преподаватели*

Состав преподавателей был стабильным и с течением времени мало менялся. Его высокая квалификация не вызывает сомнений, большинство преподавателей были выпускниками Духовных академий, знали по нескольку языков, что для образованных людей дореволюционной России было обычным явлением. Среди преподавателей семинарии на рубеже XIX и XX веков значился в будущем известный мыслитель, русский религиозный философ, богослов, писатель, профессор Московской духовной академии Михаил Михайлович Тареев (1867–1934)<sup>7</sup>.

Преподавателем философских предметов в семинарии с 1880 года работал выпускник Киевской духовной академии, кандидат богословия протоиерей Алексей Петрович Аристов (1853–1931). С 1895 по 1909 год он являлся ректором заведения. В разное время был священником в рижских Троицко-Задвинской и Алексеевской церквях. Исполнял ряд других обязанностей: в том числе был председателем совета Петропавловского братства, членом Училищного совета по православным народным школам, с 1896 по 1906 год – редактором неофициальной части «Рижских епархиальных ведомостей». А. П. Аристов был прекрасно образованным человеком с философским складом ума и сильным чувством справедливости. Именно последним, в сложных ситуациях, он и

руководствовался. Пользовался большим авторитетом и оставил о себе добрую память у коллег и воспитанников семинарии<sup>8</sup>. Ушёл в отставку согласно прошению, которое утвердил Святейший Синод (далее в тексте – Св. Синод). Учащиеся встретили эту весть с сожалением. Потом Алексей Аристов служил настоятелем Александро-Невского собора в Ревеле (Таллинн)<sup>9</sup>.

Новым ректором был назначен кандидат богословия Московской духовной академии протоиерей Алексей Константинович Лебедев (1856–1918), бывший с 1906 года смотрителем Рижского духовного училища. В должности ректора он состоял до своей кончины<sup>10</sup>.

В 1918 году исполняющим обязанности ректора значился кандидат богословия, выпускник Московской духовной академии Дмитрий Петрович Брянцев (1869 – после 1921). Он преподавал в учебном заведении с 1901 года. В 1912 году, будучи в чине статского советника, стал исполнять обязанности инспектора семинарии. Позже, где-то в 1918 году, был рукоположен в священники<sup>11</sup>.

В 1902 году преподавательский состав семинарии был следующим: ректор А. Аристов (Св. Писание), инспектор Н. Брянцев (Св. Писание), помощник инспектора П. Дав<sup>12</sup> (заведующий библиотекой), А. Андреев (Церковное пение), Д. Брянцев (логика, психология, краткая история философии и дидактики), Н. Дагаев (Св. Писание), П. Жунин<sup>13</sup> (латышский язык), А. Иосифов (основное, догматическое и нравственное богословие), Ф. Киприанович (всеобщая и русская история), Ф. Либеровский (литургия, гомилетика, практическое руководство для пастырей), И. Малышкин (русская словесность с истори-

ей литературы), П. Мец (Церковная и Библейская история, история русской Церкви, эстонский язык), П. Михельсон<sup>14</sup> (физика, математика, древнееврейский язык), В. Плисс (обличительное богословие, история русского старообрядчества), М. Тареев (латинский язык), П. Шахов (немецкий язык), А. Шустов (иконопись), И. Щукин (древнегреческий язык), П. Аpsит (начальник образцовой школы при семинарии). В штате работников были также: К. Шахов (духовник и священник семинарской церкви), А. Телицын (эконом), Н. Яковлев (врач)<sup>15</sup>.

В 1912–1915 годах преподавательский состав Рижской духовной семинарии был таким: ректор А. Лебедев, инспектор Д. Брянцев (Св. Писание), помощник инспектора Н. Аболенский (Св. Писание, логика, философия, дидактика), затем должность помощника инспектора занимал П. Троицкий, И. Виттанд (немецкий язык), П. Дав (латинский язык), Н. Дагаев (Св. Писание, древнееврейский язык), П. Жунин (латышский язык), А. Иосифов (основное, догматическое и нравственное богословие), К. Куралесин (церковное пение), Д. Лебедев (история Церкви, философия, дидактика, французский язык), И. Малышкин (теория словесности и история русской литературы), П. Михельсон (математика, физика и космография, древнееврейский язык), Н. Осин (иконопись), В. Плисс (история русского старообрядчества), полковник И. Пушкарский (гимнастика), С. Савицкий (гражданская история), В. Щукин (гомилетика, литургия, практическое руководство для пастырей, древнегреческий язык), И. Щукин (древнегреческий язык), И. Юрьенс (эстонский язык), С. Трубицын (эконом). Классными

наставниками в то время являлись: Н. Аболенский, П. Дав, Д. Лебедев, И. Тихвинский<sup>16</sup>.

Штат работников был достаточно большим. Помимо преподавателей имелся ещё персонал, обслуживавший здание семинарии, общежитие и кухню (швейцар, коридорные, спальные, ночные дежурные, дворник, прачка, повар, фельдшер и другие), насчитывавший более десяти человек.

Руководство семинарии, преподавательский состав и учащиеся по происхождению были в основном из низших слоёв общества (дети крестьян, сельских священнослужителей), и атмосфера в учебном заведении была достаточно демократической<sup>17</sup>.

Жалованье преподавателей колебалось в зависимости от нагрузки, квалификации и чинов по табели о рангах. В среднем преподаватели получали от 40 до 120 рублей<sup>18</sup> в месяц. Ректор около 200 рублей, инспектор около 150 рублей<sup>19</sup>. Обслуживающему персоналу платили немного, вместе взятым – от 120 до 150 рублей в месяц<sup>20</sup>.

Содержание преподавателей и служащих семинарии со временем улучшалось, однако улучшение материального достатка шло медленно. Так, вместе с надбавками, различными доплатами и льготами (столовыми, квартирными и другим) перед началом Первой мировой войны на содержание каждого преподавателя выделялось до 1800 рублей в год<sup>21</sup>.

На жалованье преподавателям и служащим, на содержание семинаристов (питание, одежда, канцелярские товары), общежития, хозяйственные дела, необходимые ремонтные работы и тому подобное тратилось около

3000–4000 рублей в месяц. В летний период жизнь в учебном заведении замирала, воспитанники разъезжались по домам, и расходы снижались. Размер средств, которыми располагало заведение, с течением времени увеличивался. Приход формировался из государственных дотаций, средств, собранных по церквям епархии, полученных от благотворительных обществ и за счёт платы родителей учащихся. Примерный бюджет в начале XX века (до начала Первой мировой войны) составлял 30 000–40 000 рублей в год<sup>22</sup>. В силу плохой сохранности архивного фонда заведения вывести точные цифры по годам не представляется возможным.

### *1.2. Учебный процесс*

В начале XX века срок обучения в семинариях продолжал оставаться шестилетним. Учебный год начинался в последние дни августа и заканчивался в первой половине июня; делился на четыре четверти. В мае – первой половине июня проводились экзамены. Перезэкзаменовки проходили в августе. Год начинался и заканчивался торжественными богослужениями<sup>23</sup>.

В учебную программу были включены следующие предметы: Священное Писание Ветхого Завета, Священное Писание Нового Завета, основное богословие, догматическое православное богословие, обличительное богословие, нравственное богословие, сравнительное богословие, прикладное руководство пастырям, литургика, гомилетика, церковная история, философия и дидактика, теория словесности и история русской литературы,

логика, психология, гражданская история, история русского старообрядчества, математика, физика и космография, древнегреческий, латинский, древнееврейский (необязательный предмет), немецкий, французский, латышский и эстонский языки, медицина, иконопись, церковное пение<sup>24</sup>.

Из приведённого перечня видно, что помимо богословских предметов большое внимание уделялось преподаванию классических и современных языков. В программе дореволюционной семинарии были также латышский и эстонский языки, которые преподавались на протяжении всех шести лет обучения. Их знание требовалось для пастырской деятельности в Прибалтийском крае. Учащиеся по выбору изучали один из них, что было дополнительной нагрузкой к принятой по такому же стандарту программе в подобных заведениях России. Кроме того, были общеобразовательные предметы: математика, физика и другие, так как выпускники получали ещё и среднее образование. Медицину в круг предметов включили в конце XIX века, дабы представители клира могли оказывать первую врачебную помощь, что особо актуально было для сельской местности. Для подготовки выпускников к учительскому званию, с 1897 года при семинарии работала образцовая двухклассная церковно-приходская школа (при её открытии туда сразу же поступил 61 мальчик)<sup>25</sup>. Учащиеся старших классов проходили там практику и давали пробные уроки.

С 1909/10 учебного года в духовных семинариях стали вводить новый предмет – «Обличение основ социализма»<sup>26</sup>. В Риге этот курс с начала 1910 календарного



года вёл А. Иосифов<sup>27</sup>.

В основе обучения был четырёхлетний курс прогимназий (гимназии с облегченной программой), но с особенностями духовных учебных заведений. Окончившие четыре класса и сдавшие дополнительные экзамены (не требовалось для тех, кто окончил полноценную гимназию) могли поступать в светские высшие учебные заведения. До 1906 года таких учащихся принимали только в Юрьевский (Тартуский) и Варшавский университеты<sup>28</sup>. Поэтому часть учащихся покидала учебное заведение уже после четырёх лет обучения. На сугубо богословские предметы особый упор делался в последних двух классах.

### *1.3. Учащиеся*

Ежегодно в семинарию принимали 30–40 мальчиков в возрасте 14–16 лет, главным образом, из тех, кто окончил Рижское духовное училище. При приёме проводились экзамены по Закону Божию и русскому языку. От экзаменов освобождались ученики, хорошо окончившие Духовное училище. Те же, кто программу училища освоил с трудом, лишались права обучаться в семинарии<sup>29</sup>. Большинство учащихся было из сельской местности или иногородними и поэтому поселялись в семинарском общежитии. Они обеспечивались одеждой, постельным бельём, канцелярскими принадлежностями, трёхразовым питанием. Например, в 1901 году большая часть учащихся была из крестьян – 103 из 167 (на начало года). При этом в семинарском общежитии проживал

151 человек. За полное содержание приходилось платить 115 рублей в год, за половинное (без предоставления одежды, белья, обуви и учебников) 75 рублей в год<sup>30</sup>. В 1913 году за содержание в семинарии казённокоштные (обучавшиеся за счёт казны) ученики платили по 50 рублей в год, стипендиаты по 50 рублей в год, своекоштные (оплачивавшие полностью всё) – по 120 рублей в год, не считая одежды. С иноепархияльных учеников взималось на 15 рублей больше. Плата производилась трижды в год, по частям. На первоначальное обзаведение родители вновь поступавших вносили по 15 рублей единовременно<sup>31</sup>. Бывали случаи исключения из семинарии за неуплату.

У большинства семинаристов были бедные родители, коим трудно было содержать своих детей, имелись и сироты. Руководство заведения изучало материальное положение учащихся. Некоторые от платы освобождались вовсе, в частности сироты, лучшие семинаристы получали стипендии<sup>32</sup>. С 1897 года под покровительством местного архиерея работало «Общество вспомоществования нуждающихся учащихся в духовно-учебных заведениях Рижской епархии». Его делами заведовал совет под председательством ректора семинарии. В 1901 году на счету общества было 2958,10 руб. неприкосновенного капитала, расходного – 126,30 руб.<sup>33</sup>. К 1912 году неприкосновенный капитал составил 4550 руб., а расходный – 624,46 руб.<sup>34</sup>. Нуждающиеся семинаристы получали помощь от общества. Из расходного капитала погашались их затраты на учёбу и содержание, выплачивались стипендии. Свою лепту вносили также православные брат-

ства, содержавшие отдельных учащихся. Иногда устраивались благотворительные вечера и концерты, на которых выступал семинарский хор. Так, в 1904 году в здании ремесленного училища был исполнен ряд произведений духовной музыки, а также марш из оперы «Фауст» (муз. Шарля Гуно), «Боевая песнь русского воина», романсы. Присутствовали Владыка Агафангел, госпожа М. Н. Мансурова (1833–1914) и другие. Собранные средства (чистый доход в 1904 году составил 676,05 руб., на предыдущем подобном мероприятии в 1903 году – 690,53 руб.) распределялись среди беднейших учащихся<sup>35</sup>.

В итоге многие воспитанники обучались за счёт государства или на средства различных благотворительных обществ, и круг таких лиц постепенно расширился. В 1901 году из 167 учащихся (на начало года) полным казённым содержанием пользовались 60 человек, половинным – 30, 4 получали стипендии. В 1908/09 учебном году из 171 учащихся (на начало года) 93 полностью обучались за счёт казны<sup>36</sup>.

Требования были жёсткими, далеко не каждый мог успешно пройти программу и окончить семинарию. Ежегодно целая группа учащихся пересдавала экзамены (иногда до трети от общего числа); некоторых оставляли на второй год; были и отчисленные из-за неуспеваемости. Завершали обучение, как правило, не более половины от поступивших. Из 30–40 зачисленных в первый класс оканчивали полный курс обучения в семинарии чаще всего менее 20 человек.

Таблица № 1

**Количество учащихся в Рижской духовной  
семинарии в 1900–1918 годах  
(на конец учебного года)<sup>37</sup>**

| Учебный год | Общее количество учащихся | Из них окончившие семинарию |
|-------------|---------------------------|-----------------------------|
| 1899/00     | 147                       | 17                          |
| 1900/01     | 157                       | 18                          |
| 1901/02     | 162                       | 19                          |
| 1902/03     | 166                       | 27                          |
| 1903/04     | 162                       | 21                          |
| 1904/05     | 164                       | 22                          |
| 1905/06     | 163                       | 28                          |
| 1906/07     | Около 165                 | 19                          |
| 1907/08     | 153                       | 8                           |
| 1908/09     | 162                       | 19                          |
| 1909/10     | 159                       | 13                          |
| 1910/11     | 158                       | 14                          |
| 1911/12     | 156                       | 11                          |
| 1912/13     | 159                       | 16                          |
| 1913/14     | 174                       | 17                          |
| 1914/15     | 168                       | 12                          |
| 1915/16     | 127                       | 10                          |
| 1916/17     | 160                       | 14                          |
| 1917/18     | 141                       | Около 40                    |

В конце каждого учебного года в зависимости от успеваемости воспитанников распределяли на два разряда, по так называемому «разрядному списку». Этим определялись дальнейшие условия пребывания в учебном заведении. В первый разряд обычно входило несколько самых успешных учащихся, во второй – большая часть остальных. Те же, кто пересдавал экзамены или оставался на второй год, оказывались вне разрядов. Материальные льготы последним не предоставлялись. Лучшим выпускникам присваивалось звание студента. Они получали преимущественные права при поступлении в духовные академии. За период с 1899 по 1908 год 17 выпускников поступили в академии, 61 в различные светские высшие учебные заведения<sup>38</sup>. Иногда принимали вольнослушателей. Так, осенью 1914 года до занятий в старшие богословские классы были допущены два вольнослушателя, служившие в церквях Риги (один псаломщиком, другой иеродиакон). По окончании учёбы последние должны были получить удостоверения, которые давали право быть рукоположенным в священники, но им не присваивались все права окончивших полный семинарский курс<sup>39</sup>.

Каждый день начинался и заканчивался молитвами. После утренних молитв читали Евангелие, затем по средам и пятницам учащиеся присутствовали на богослужениях. Воспитанники знакомились с содержанием специально выписанных газет и журналов. Предпочтение отдавалось духовным изданиям, но в книгохранилище были и светские<sup>40</sup>. Библиотека в семинарии была

одной из самых больших в Риге и содержала много ценных книг<sup>41</sup>.

При семинарии работал кружок углубленного изучения истории России и сопредельных стран. Вёл его преподаватель Стефан Савицкий<sup>42</sup>. Так, в 1910 и 1911 годах к годовщинам отмены крепостного права в России читались доклады об истории крепостного права, затрагивались вопросы современного положения крестьян. В 1910 году состоялся цикл заседаний на тему: «Старый порядок и революция во Франции», посвящён Великой французской революции. Обычно читался доклад или несколько докладов, потом шло их обсуждение<sup>43</sup>.

Весной и в начале осени совершались экскурсии, в частности в Москву и Псков. Посещались православные святыни: Троице-Сергиева лавра, храм Василия Блаженного, собор Христа Спасителя и другие<sup>44</sup>.

Семинария находилась под попечительством местных архиереев. Владыка Агафангел (Преображенский, 1854–1928), управлявший епархией с 1897 по 1910 год, и епископ (с 1912 года архиепископ) Рижский и Митавский (в 1910–1917 годах) Иоанн (Смирнов, 1844–1919) всячески заботились о распространении образования и просвещения. Владыки регулярно посещали семинарию, навещали учащихся по праздникам, присутствовали на некоторых экзаменах, проводили архиерейские богослужения в начале и по окончании учебного года<sup>45</sup>, заботились о материальном обеспечении воспитанников.

### *1.4. Праздники*

Помимо церковных праздников, которые в семинарии регулярно отмечались, проводились торжества, приуроченные к памятным датам и государственным дням того времени.

Крупным событием для всех православных Прибалтийского края явилось пятидесятилетие учреждения самостоятельной Рижской епархии. Активную роль в организации торжеств приняли преподаватели и учащиеся семинарии. Епархия, как известно, была учреждена 1 июля 1850 года, но юбилей отмечался, согласно решению Св. Синода, с 30 сентября по 2 октября 1900 года, так как летом многие жители Риги, в том числе и семинаристы, находились вне города<sup>46</sup>.

Для организации торжеств была образована специальная комиссия под председательством ректора семинарии А. Аристова, в её состав также вошли смотритель Рижского духовного училища протоиерей М. Сушков, член консистории протоиерей И. Яковлев, рижскоградский благочинный священник В. Березский и ключарь Кафедрального собора священник В. Плисс. Комиссия составила программу мероприятий праздника, её одобрил Владыка и утвердил Св. Синод. В «Рижских епархиальных ведомостях» и «Рижском вестнике» (в сносках – РВ) были напечатаны соответствующие исторические статьи. Рижское Петропавловское братство издало на русском, латышском и эстонском языках брошюру под названием «Истинная Церковь Христова». На праздник прибыли архиепископ Казанский и Свияжский Арсений

(Брянцев, 1839–1914), в 1887–1897 годах управлявший Рижской епархией, и епископ Гродненский и Брестский Иоаким (Левитский, 1853–1921)<sup>47</sup>, в прошлом ректор Рижской духовной семинарии.

Торжества прошли в следующем порядке:

1) Накануне, 29 сентября в 18:00 во всех церквях епархии совершались заупокойные всенощные бдения (парастас).

2) 30 сентября прошли заупокойные Литургии и панихиды по всем почившим императорам, начиная с Николая I, волею которого положено начало и бытие Рижской епархии, а также по всем почившим Рижским архиереям. В бывшем Кафедральном соборе – Петропавловской церкви, где покоятся Рижские Архипастыри Вениамин (Карелин, 1822–1874; епископ Рижский и Митавский в 1867–1874 годах) и Филарет II (Филаретов, 1824–1882; епископ Рижский и Митавский в 1877–1882 годах), в присутствии воспитанников Рижской духовной семинарии, духовного училища, а также учеников и учителей церковно-приходских школ Риги, состоялось архиерейское служение Божественной литургии. Ученики и учителя церковно-приходских школ из других мест епархии присутствовали на богослужениях в своих приходских храмах. Учащиеся в дни празднований освобождались от занятий.

3) 30 сентября в 17:00 из Рижской женской Свято-Троицкой общины крестным ходом (участвовали благочинные и приходские священники) торжественно перенесли Псково-Печерскую чудотворную икону Божией Матери в Кафедральный собор ко всенощному бдению,



которое началось в 18:00 и совершалось архиерейским служением. Всенощные бдения также совершались во всех церквях епархии.

4) 1 октября в 10:00 в Кафедральном соборе, при участии учеников духовной семинарии, духовного училища и всех рижских церковно-приходских школ и их учителей, состоялось архиерейское служение Божественной литургии. Затем из всех рижских церквей прихожане крестным ходом двинулись к Кафедральному собору, а из Кафедрального собора, после окончания богослужения, с Псково-Печерской иконой Божией Матери к Петропавловскому храму. По прибытию в Петропавловскую церковь состоялся молебен с провозглашением многолетия Царствующему дому, Св. Синоду, местному Архипастырю и всем православным христианам Рижской епархии. Затем крестным ходом верующие возвратились к своим церквям.

5) В прочих храмах 1 октября Литургия началась в 8:00 с произнесения поучений. В соборных церквях Ревеля (Таллинн), Митава (Елгава) и Юрьева (Тарту) Литургии совершались торжественно и в молебне участвовало всё местное духовенство.

6) 2 октября в 9:00, во главе с архимандритом, в Рижской Петропавловской церкви совершалось соборное служение Божественной литургии и молебен Божией Матери перед Её Чудотворной иконой.

7) В этот же день, в 13:00 в доме русского общества «Улей» состоялся торжественный акт, на котором присутствовали представители духовенства, гражданского и военного управления, а также почётные гости и воспи-

танники духовных учебных заведений города. По прибытию архиерея и после пения «Царю Небесный», ректор семинарии А. П. Аристов кратко рассказал историю распространения Православия в Прибалтийском крае. Затем было песнопение соединённых архиерейского и семинарского хоров. Затем В. Плисс произнес торжественную речь о значении Православия. Далее происходило чтение поздравительных телеграмм, пение теми же хорами юбилейной кантаты:

«Творцу хвалебное моление  
Воздай, Балтийская страна!»

составленной В. В. Шукшиным, гимна «Боже, Царя храни» и провозглашение многолетия.

8) В тот же день учащиеся семинарии, духовного училища и церковно-приходских школ Рижской епархии присутствовали в своих храмах на Литургии, а после богослужения в школах читалась посвященная празднику брошюра, изданная Рижским Петропавловским братством для бесплатной раздачи<sup>48</sup>.

1 октября 1901 года было отпраздновано пятидесятилетие Рижской духовной семинарии. Программа была следующей: 29 сентября в семинарской церкви прошло всенощное бдение, 30 сентября заупокойная литургия и панихида с поминовением умерших русских царей, митрополитов, рижских архиепископов и епископов, ректоров, инспекторов и преподавателей семинарии, а также всех лиц, имевших отношение к учебному заведению. Вечером 30 сентября состоялось всенощное бдение. 1 октяб-

ря Литургия с благодарственным молебном. Потом торжественный акт в зале семинарии<sup>49</sup>.

Праздник превратился в общегородской. Службы проходили в том числе и в Рижском Кафедральном Христорождественском соборе. Прибыл епископ Гродненский и Брестский Иоаким. 30 сентября в Кафедральном соборе он совершил заупокойную литургию. В день праздника и в день Покрова Божией Матери – праздника семинарского храма – была принесена чудотворная Псково-Печёрская икона Божией Матери «Умиление» и отслужено торжественное утреннее богослужение. В два часа дня в зале семинарии состоялся торжественный акт. В 19:00 в зале «Улей» состоялся юбилейный музыкально-литературный вечер, организованный учащимися<sup>50</sup>.

4 октября 1901 года в Пернове (Пярну) выпускники семинарии также отпраздновали пятидесятилетие своего родного учебного заведения. Мысль об этом подал перновский отец благочинный, разославший письменное предложение подведомственному духовенству прибыть для празднования юбилея. Предложение встретило горячий отклик. Владыка Агафангел дал благословение на проведение мероприятия<sup>51</sup>.

К пятидесятилетию Рижской духовной семинарии была издана книга о ней.<sup>52</sup> Было решено учредить стипендию от бывших воспитанников<sup>53</sup>. В 1902 году на XXV съезде духовенства были выработаны положения о стипендии, которые включали: 1) стипендию предоставлять достойнейшему из двух последних классов семинарии, из детей священно-церковно-служителей и учителей

народных школ Рижской епархии; 2) тот, кто будет её получать, потом должен отслужить в епархиальном ведомстве не менее трёх лет (в случае неисполнения должен вернуть полученные деньги); 3) назначать стипендию будет педагогический совет семинарии; 4) собранный капитал остаётся неприкосновенным, а на выдачу стипендии расходуются деньги с процентов капитала<sup>54</sup>. В дальнейшем, однако, нет больше упоминаний об этом начинании. Возможно, собранные средства потом объединили с и так уже существовавшими капиталами «Общества вспомоществования нуждающихся учащихся в духовно-учебных заведениях Рижской епархии».

3–5 июля (16–18 июля) 1910 года преподаватели и учащиеся православных духовных учебных заведений отмечали официальный государственный праздник – двухсотлетие присоединения Прибалтийского края к России. В эти дни в Риге пребывали Император Николай II с семьей, представители правительства России, в том числе премьер-министр П.А. Столыпин<sup>55</sup>. Преподаватель семинарии И. Юрьенс написал и издал брошюру к двухсотлетию присоединения Прибалтийского края к России<sup>56</sup>.

21 февраля 1913 года вечером в Рижской духовной семинарии состоялся акт, посвящённый трёхсотлетию Дома Романовых.

План мероприятия был таким:

- 1) Молитва «Царю Небесный», общее пение.
- 2) Речь ректора семинарии протоиерея А. К. Лебедева «Ипатьевский монастырь – колыбель Дома Романовых».

3) Юбилейная кантата «Жизнь за Царя», исполнил семинарский хор.

4) Ученик 3 класса В. Успенский прочитал стихотворение Е. Федотова «К трёхсотлетию Дома Романовых».

5) «Старый дом», стихотворение М. П. Розенгейма, прочитал ученик 6 класса К. Охотин.

6) «Слава Дому Романовых» кантата М. А. Гольтисона, слова С. Никитина, исполнил семинарский хор.

7) «Событие воцарения Дома Романовых с церковно-исторической точки зрения», реферат Д. О. Лебедева.

8) Стихотворение «Козьма Минин» А. А. Навроцкого, прочитал ученик 6 класса С. Арсеньев.

9) «Два великана» М. Ю. Лермонтова, соло исполнил учащийся А. Кузьмин.

10) «Династия Романовых», реферат Н. И. Аболенского.

11) Подвиг Сусанина. Исполнил семинарский хор.

12) Стихотворение «Иван Сусанин» К. Ф. Рылеева, прочитал ученик 5 класса В. Гладков.

13) Стихотворение Е. П. Ростопчиной «На памятник, сооруженный Сусанину», прочитал учащийся 2 класса А. Израэль.

14) «Славься, славься...», из оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя», исполнил семинарский хор.

15) «Боже Царя храни», исполнил семинарский хор.

16) Молитва «Достойно есть», общее пение<sup>57</sup>.

Стоит отметить, что в стенах семинарии висели портреты последних двух Императоров и Рижских Владык, написанные учащимися<sup>58</sup>.

Проводились и более скромные торжества, в частности отмечались круглые даты руководителей учебного заведения и его преподавателей. Так, 5 октября 1903 года отпраздновали двадцатипятилетие служения на духовно-педагогическом поприще ректора духовной семинарии протоиерея А. П. Аристова<sup>59</sup>, а в августе 1913 года двадцатипятилетие духовно-учебной деятельности кафедрального протоиерея и преподавателя В. И. Плисса<sup>60</sup>.

С конца XIX века устраивались литературно-музыкальные вечера<sup>61</sup>. Проходили чтения, посвященные деятелям культуры и науки. Например, осенью 1911 года состоялись чтения к двухсотлетней годовщине со дня рождения М.В. Ломоносова<sup>62</sup>.

При пребывании в Риге православных святынь их приносили и в семинарию. Так, 1 октября 1904 года, в день храмового праздника заведения, его стены посетила чудотворная икона Псково-Печерской Божией Матери «Умиление»<sup>63</sup>.

12 февраля 1914 года состоялся торжественный акт по случаю посещения семинарии англиканским священником, доктором богословия Вальтером Фриером. Он прибыл в Российскую Империю для пропаганды идеи сближения Православной Церкви и Англиканской. Прочитал лекцию на английском языке. Преподаватель семинарии И. П. Малышкин произнес речь, посвященную Шекспиру, семинарский хор исполнил несколько музыкальных произведений. На мероприятии также присутствовал архиепископ Иоанн (Смирнов)<sup>64</sup>.

### *1.5. Оппозиционные настроения*

Несмотря на внешнее благополучие, ситуацию в семинарии в рассматриваемый период нельзя в полной мере считать беспроблемной.

Наряду с примерным поведением большинства учащихся, приходилось сталкиваться с нарушениями дисциплины, неуважительным отношением к преподавателям, пропусками занятий, произвольными отлучками в город, демонстративными выходками и даже случаями пьянства воспитанников<sup>65</sup>. Были и оппозиционные настроения к семинарским порядкам.

Сложная ситуация сложилась во время Первой русской революции 1905–1907 годов, когда многие молодые люди подпали под влияние левых и либеральных идей. Некоторые воспитанники духовных учебных заведений России участвовали в забастовках и беспорядках. Летом 1905 года состоялся съезд семинаристов во Владимире, в котором участвовали представители девяти семинарий. В обществе обсуждались проекты реформ в семинариях. Говорилось о необходимости преподавать больше общеобразовательных предметов вместо богословских. Предлагалось демократизировать внутренние порядки, ввести элементы самоуправления по примеру 60–70-х годов XIX века. Св. Синод обратился к учебным заведениям с просьбой высказать свои предложения относительно возможных реформ. В семинариях были созданы специальные комиссии, которые должны были к февралю 1906 года представить свои соображения. Проекты реформ активно обсуждались преподавателями

духовных учебных заведений и в Риге. Ими было внесено много предложений на этот счёт<sup>67</sup>. Однако многое из того, что предлагали радикально настроенные реформаторы, без сомнения выглядит странным, ибо это были специальные учебные заведения, нацеленные на подготовку прежде всего священнослужителей. Исходя из этих соображений формировался подбор преподаваемых дисциплин и внутренние порядки.

Широкое распространение оппозиционных настроений и накал общей ситуации самым непосредственным образом сказался на жизни и Рижской духовной семинарии. Так, далеко не все воспитанники собирались в дальнейшем идти по пастырскому пути. В 1899 году из 19 окончивших семинарию на епархиальную службу поступило 16 человек, в 1900 из 17 – 13, в 1901 из 18 – 12, в 1902 из 19 – 6, в 1903 из 27 – 19, в 1904 из 21 – 11, в 1905 из 22 – 11, в 1906 из 28 – 15, в 1907 из 19 – 4, в 1908 из 8 – 4<sup>68</sup>. Для многих учащихся семинария была лишь местом для получения образования. Таких учащихся раздражали, как они полагали, излишне строгие порядки в семинарии, им незачем было изучать богословские предметы<sup>69</sup>.

Лишь благодаря высокому личному авторитету ректора А. П. Аристова, в 1905 году удалось удержать рижских семинаристов от участия в революционном движении<sup>70</sup>. Существенных же перемен в жизни семинарий так и не последовало<sup>71</sup>. В 1909 году Аристов ушёл в отставку, а недовольство продолжало бытовать.

Вопиющей выглядит попытка воспитанников духовных учебных заведений России провести всеобщую за-



бастовку в конце 1913 года. Замешанными в этом оказались и представители Рижской семинарии. У воспитанника четвёртого класса Ивана Раста жандармерия произвела обыск. Оказалось, что семинаристы из Риги вели переписку с семинаристами из Ставрополя, в которой последние склоняли рижан к забастовке и голодовке. Об этом было доложено архиепископу Рижскому и Митавскому Иоанну (Смирнову). Инспектор семинарии посетил владыку и потом долго беседовал с семинаристами о недопустимости подобных действий<sup>72</sup>.

Указанное выше свидетельствует о проблемах в системе подбора воспитанников. Руководство Рижской семинарии зачастую закрывало глаза на нарушения дисциплины и случаи неповиновения; строгие взыскания производились редко. Обычно ограничивались словесными внушениями, реже провинившихся лишали казённого содержания. Давая характеристики окончившим заведение, пытались подчеркнуть прежде всего их положительные качества.

Семинария в Риге давала высококачественное образование и являлась светочем в деле просвещения и образования. Обучение там прошли сотни молодых людей. Однако с основной своей задачей – подготовкой священнослужителей, учебное заведение справлялось не в полной мере. Это стало одной из причин, почему у Латвийской Православной Церкви (далее – ЛПЦ) в 1920-е годы так остро ощущался дефицит кадров, хотя дореволюционная семинария выпустила более чем достаточное количество потенциальных пастырей.

### ***1.6. Война, эвакуация и прекращение деятельности***

Начавшаяся летом 1914 года Первая мировая война поначалу вызвала всеобщий патриотический подъем. Известие о начале боевых действий нашло широкий отклик и в Рижской православной духовной семинарии. Везде присутствовали патриотическая риторика, разговоры о необходимости сплотиться в годину тяжёлых испытаний, выражалось желание помочь стране. Собирались пожертвования, силами учащихся изготавливались тёплые вещи для фронта, проводились патриотические беседы и шествия.

Так, 21 октября (2 ноября) 1914 года, в день восшествия на престол Николая II, с благословения ректора учащиеся устроили патриотическую манифестацию. Во втором часу дня воспитанники, неся портрет Царя и флаги, в полном составе вышли из семинарии. Их пение привлекло внимание горожан. У памятника Петру I инспектор семинарии произнёс речь о начале военных действий против Турции. После этого учащиеся пропели «Вечную память павшим за Веру, Царя и Отечество». Затем были исполнены гимны всех союзных держав, сопровождавшиеся криками «ура!». Потом семинаристы направились к консульствам Англии, Франции и Бельгии, затем к Кафедральному собору. У собора провозгласили многолетие Царствующему Дому и верховному главнокомандующему. Затем вновь у памятника Петру I была произнесена патриотическая речь. После этого направились к Архиерейскому дому. Владыку попроси-

ли «повергнуть к стопам» Его Императорского Величества всеподданнические чувства учащихся. 28 октября от обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблера (1845–1929), было получено письмо с благодарностью за выражение верноподданнических чувств. Письмо было прочитано в актовом зале семинарии, по случаю его получения был совершен молебен о здравии Государя<sup>73</sup>.

Характерным явлением времени стали прошения многих учащихся (до четверти от общего состава старших классов) об увольнении, в связи с переходом в школы прапорщиков или отправке добровольцами на фронт<sup>74</sup>.

Власти сознавали, что Рига находится недалеко от зоны боевых действий, и город может быть занят войсками неприятеля. Уже 20 августа 1914 года было принято временное положение «О вывозе за счёт казны, по военным обстоятельствам, государственного имущества, правительственных учреждений, служащих и их семейств»<sup>75</sup>. Но до середины 1915 года жизнь семинарии шла своим чередом, в обычном порядке. Летом был произведён последний полноценный выпуск учащихся дореволюционной Рижской православной духовной семинарии<sup>76</sup>. В первой же половине указанного года с фронтов стали приходить тревожные вести, русская армия отступала, немецкие войска приближались к столице Лифляндской губернии.

Несмотря на то, что к лету 1915 года фронт стабилизировался, 18 июля военные власти неожиданно предписали всем духовным учреждениям 19 июля покинуть Ригу (осталась только часть духовенства). Сначала предполагалось семинарию эвакуировать в Псков. Там

временно, в Покровской церковно-приходской школе, она и разместились. Но псковские власти отказали Рижской семинарии в долговременном приюте. Город и так был переполнен беженцами, и жизнь оказалась парализованной. В итоге пришлось искать новое пристанище (в Пскове пребывали с 20 июля по 5 сентября 1915 года). Надеялись перебраться в Юрьев, руководство семинарии искало там подходящие помещения. Но так как и Юрьев оказался близко к фронту, это место сочли неподходящим. В Юрьеве 18-19 августа были проведены лишь переекзаменовки учащихся. Наконец выбор пал на Нижний Новгород, куда 10 сентября и переехала семинария. Разместились в Серафимовском приюте, где 2 октября 1915 года, с задержкой на месяц, в Рижской духовной семинарии начался очередной учебный год. Представителям от руководства потом ещё несколько раз приходилось ездить в Ригу, дабы перевезти имущество, которое не успели забрать<sup>77</sup>.

Для нормальной работы не хватало учащихся, ведь некоторые добровольцами ушли на фронт, иные по разным причинам не смогли приехать. Поэтому в число учеников Рижской семинарии в 1916–1917 годах стали включать воспитанников из других учебных заведений, в частности, из Нижегородской семинарии. В эвакуации учащимся жилось тяжело. Средства были скудные, а в ходе войны всё стало стремительно дорожать. Денег на содержание семинарии дополнительно выделялось мало и приходилось обходиться тем, что имелось<sup>78</sup>.

Был организован комитет по сбору пожертвований на стипендии имени покойного преподавателя семинарии

П. М. Михкельсона<sup>79</sup> (умер в конце 1914 года), так как многие учащиеся бедствовали.

В 1918 году (главным образом, в январе-июне, но некоторые и осенью 1918 года) воспитанники Рижской духовной семинарии (около 40 человек) получили документы об окончании учебного заведения. Причем свидетельства из-за сложившейся чрезвычайной ситуации выдавали даже тем, кто не прошёл все необходимые шесть лет обучения и в должном объёме не освоил программу<sup>80</sup>. Этот выпуск оказался последним.

На базе семинарии была организована Тринадцатая Нижегородская школа второй ступени. Таким образом, Рижская семинария как духовное учебное заведение прекратила свою деятельность<sup>81</sup>.

Возрождённая в 1926 году и проработавшая до 1936 года Рижская православная духовная семинария выглядела совсем иначе<sup>82</sup>. Из старых педагогических кадров в межвоенные годы в ней не преподавал никто. Были совсем другие условия существования и работы. Многие предметы в программе отсутствовали, так как большая часть воспитанников уже имела среднее образование.

## 2. Рижское духовное училище

С введением в 1867 году нового устава от Рижской духовной семинарии нужно было отделить православное духовное училище, которое до этого составляло два её низших класса. Училище должно было содержаться на средства Св. Синода и с денег, изыскиваемых духовен-

ством епархий. Кроме того, требовалось подыскать подходящие помещения. Все организационные вопросы удалось решить лишь через несколько лет. В итоге Рижское духовное училище для мальчиков как отдельное учебное заведение начало работать в 1870 году. Изначально как двухклассное, в каждом классе учились два года (набор новых учащихся сначала также производился раз в два года), с 1876 года – четырёхклассное, по году обучения в каждом классе. Позднее училище работало по уставу, утверждённому для подобных учебных заведений 22 августа 1884 года.

В 1870–1879 годах училище находилось во втором архиерейском доме по улице Малая Замковая (М. Пилс), 2а. С 1879 по 1886 год на Московском форштадте, в доме наследников купца Карпова, где ранее располагалась духовная семинария. Потом на Суворовской улице (сейчас – Кр. Барона, 99), в специально построенном для него в 1883–1886 годах на средства Св. Синода здании в стиле эклектики, по проекту Д. В. Люшина (1846–1891)<sup>83</sup>. Домовая церковь была освящена во имя Св. апостола Андрея Первозванного. Храмовый праздник отмечался 30 ноября<sup>84</sup> и проходил торжественно<sup>85</sup>. Например, в 1907 году перед Литургией было совершено водосвятие и святой водой окроплены классы при духовном пении учениками тропаря и величания св. Апостолу. После Литургии присутствующие направились в трапезную, где был пропет тропарь св. Апостолу. Далее смотритель училища поздравил всех с праздником и благословил праздничную трапезу<sup>86</sup>.

В последнем здании, где училище пребывало с осени 1886 года и до лета 1915 года, помещения были хорошо приспособлены для проживания учащихся и учебных целей: большие, светлые и высокие комнаты классов, всевозможные приспособления для хозяйственной части; в комплексе имелись баня и больница. Домовая церковь, бесспорно, являлась лучшей из домовых православных церквей города Риги. Её украшал прекрасный иконостас с иконами замечательной работы<sup>87</sup>.

### *2.1. Учителя*

Изначально учебное заведение не имело своего преподавательского состава, занятия вели учителя из семинарии. Собственный педагогический коллектив сложился только к началу 90-х годов XIX века<sup>88</sup>.

Кадры были высококвалифицированными. Около половины учителей были выпускниками духовных академий, остальные обладали средним духовным образованием. Как и в семинарии, большая часть учителей была прислана на служение в Ригу из разных губерний Российской империи.

С 1899 года смотрителем училища был выпускник Киевской духовной академии, кандидат богословия протоиерей Михаил Павлович Сушков (1853–1907). С 1900 года он также служил в Кафедральном Христорождественском соборе<sup>89</sup>. В 1904 году его сменил магистр богословия, выпускник Московской духовной академии, статский советник Андрей Григорьевич Дружинин (1860–1906), являвшийся смотрителем до своей кончины<sup>90</sup>. В 1906–1909

годах смотрителем состоял протоиерей Алексей Константинович Лебедев. С 1910 и до окончания деятельности духовного учебного заведения смотрителем был кандидат богословия Московской духовной академии, священник Иаков Прокопьевич Матусевич (1866–?). Он же выполнял обязанности священника училищной церкви<sup>91</sup>.

В 1902 году в училище работали: смотритель М. Сушков (преподавал катехизис и церковный устав), помощник смотрителя М. Ковалевский, помощник смотрителя И. Тихвинский (Закон Божий), учителя – А. Андреев (церковное пение), П. Веселов (арифметика, география), И. Золин (чистописание, русский и церковнославянский языки), Я. Крауклис (латинский язык), П. Синайский (древнегреческий язык), В. Щукин (русский и церковнославянский языки). Надзирателями за учащимися были: И. Ламанский, С. Баронов. Н. Яковлев (врач)<sup>92</sup>.

Преподавательский состав Рижского духовного училища в 1912–1915 годах был таким: смотритель И. Матусевич (катехизис и церковный устав), помощник смотрителя И. Тихвинский (Священная история Ветхого и Нового Заветов), помощник смотрителя С. Осипов, учителя – А. Бекаревич (церковное пение), М. Дагаев (русский и церковнославянский языки), Н. Лихачев (древнегреческий язык), Г. Малышкин (латинский язык), П. Филиппов (гимнастика). Г. Блюмен (врач). Надзиратели: П. Веселов (арифметика и география), М. Иванов, И. Шершунов (чистописание, черчение)<sup>93</sup>. Также имелся целый штат (на начало 1914 года – 15 человек) обслуживающего персонала здания училища, общежития и столовой<sup>94</sup>.



Членами правления училища от духовенства в указанные годы были рижскоградские священники: протоиерей Николай Тихомиров (Покровская церковь), о. Иоанн Борман (Вознесенская церковь), о. Владимир Ханев (Всехсвятская церковь)<sup>95</sup>.

Работники училища имели примерно такие же оклады, как и служащие в Рижской духовной семинарии.

При училище действовал церковно-археологический музей, который был открыт в 1896 году. Уже к 1903 году значилось 867 поступлений с 1345 предметами. Там хранились церковные и другие древности, в частности: финифтевый образ Христа Спасителя, вставленный в деревянную рамку; образ Божией Матери Целительницы в серебрянной ризе, с изображением чуда исцеления; резной образ Спасителя в терновом венце и багрянице; одиннадцать икон; два креста в память 1812 года, восемь малых крестов; старинные монеты; грамота патриарха Иерусалимского Кирилла; три рукописи; шесть старопечатных книг и другие раритеты. При музее была библиотека из 426 книг. Публика, однако, музей посещала мало по причине незнания о его существовании<sup>96</sup>.

## ***2.2. Учащиеся, учебный процесс и бюджет заведения***

В конце августа для вновь принимаемых проводились устные и письменные испытания. Ежегодно на них являлось от 80 до 120 мальчиков 10–12 лет. В начале века принимали 40, в канун Первой мировой войны – 50 человек. Ученики распределялись по категориям на тех,

кто учился бесплатно; получавших стипендии; и тех, чьи родители платили за обучение и содержание<sup>97</sup>. Приоритет отдавался детям духовенства, а также детям из латышских и эстонских православных крестьянских семей. Предпочтение при поступлении отдавалось тем крестьянским детям, кто учился в церковно-приходских школах и имел оттуда рекомендации.

Прошение о приёме подавали родители. Должны были быть представлены следующие документы: выписка из метрической книги; свидетельство врача о том, что здоров и нужные прививки сделаны; свидетельство из церковно-приходской школы об успехах; письменное подтверждение от родителей, что в случае надобности они заберут ребёнка; свидетельство о материальном положении родителей, просивших о казённом содержании.

От поступающих в училище требовалось: по Закону Божию знание общеупотребительных молитв, Символа веры, заповедей, важнейших событий из Священной истории; дети должны были свободно понимать русскую разговорную речь, уметь правильно и выразительно читать и пересказывать прочитанное, правильно читать по-церковнославянски, уметь разбирать предложение и показывать его главные члены, быть знакомыми с изменяющимися частями речи и с главными формами изменений слов, с соблюдением простейших и наиболее употребимых правил правописания, знать наизусть небольшие стихотворения и басни; по арифметике уметь произвести четыре арифметических действия в пределах первых чисел до ста<sup>98</sup>.

Казённокоштных вакансий в начале века в первом классе было пятнадцать: 5 – для детей духовенства, 5 – для выходцев из латышских и 5 – эстонских крестьян. В 1909/10 учебном году в четвёртом классе стипендии получали 22 учащихся (12 – государственные и 10 – синодальные, большая часть стипендиатов были латышами и эстонцами). Если учащийся оставался на второй год, то лишался казённого содержания и стипендии. В общежитие принимали на полупансион с платой 80 рублей в год. Плата за содержание и обучение (за последнее – 30 рублей в год) вносилась вперёд, по частям три раза в год. По праздникам нуждающимся учащимся выдавали денежные пособия по 10-15 рублей<sup>99</sup>. Наблюдалась тенденция к расширению круга учащихся за государственный счёт. В 1912 году Св. Синод принял постановление о том, чтобы в духовных учебных заведениях освобождать от платы детей церковных старост<sup>100</sup>. Перед Первой мировой войной обучение в духовном училище для всех учащихся стало уже полностью бесплатным, лишь с немногих ещё брали деньги за содержание в общежитии (из порядка 120 учащихся, проживавших в общежитии, родители платили за 15-20 человек)<sup>101</sup>. Во время Первой мировой войны детей и сирот Георгиевских кавалеров, по указу Царя, в духовных учебных заведениях стали содержать бесплатно. В качестве льготы им предоставлялось преимущество при приёме в учебное заведение и при распределении стипендий<sup>102</sup>. Все воспитанники пользовались льготами, в частности, отсрочками при призыве в армию.

Таблица № 2

Количество учащихся в Рижском духовном училище  
в 1900–1918 годах (на конец учебного года)<sup>103</sup>

| Учебный год | Общее количество учащихся | Из них окончившие училище |
|-------------|---------------------------|---------------------------|
| 1899/00     | 175                       | 42                        |
| 1900/01     | 166                       | 36                        |
| 1901/02     | 158                       | 32                        |
| 1902/03     | 155                       | 30                        |
| 1903/04     | 177                       | 33                        |
| 1904/05     | 190                       | 33                        |
| 1905/06     | 175                       | 31                        |
| 1906/07     | 175                       | 39                        |
| 1907/08     | 170                       | 36                        |
| 1908/09     | Около 170                 | 28                        |
| 1909/10     | Около 170                 | 35                        |
| 1910/11     | Около 170                 | 40                        |
| 1911/12     | 178                       | 31                        |
| 1912/13     | 176                       | 40                        |
| 1913/14     | 176                       | 32                        |
| 1914/15     | 168                       | 37                        |
| 1915/16     | 62                        | 22                        |
| 1916/17     | 98                        | 22                        |
| 1917/18     | 38                        | 19                        |

Курс обучения составлял четыре года. В конце каждого учебного года, в мае – начале июня, учащиеся сдавали экзамены. В первые два года был замечен серьёзный отсев воспитанников. Целые группы учащихся оставались на второй год, некоторых отчисляли по малоуспешно-

сти. В итоге к окончанию подходило не более двух третей от поступивших. Так же, как и в семинарии, в зависимости от успеваемости, учащихся делили на разряды.

Таблица № 3

Распределение в 1912/13 учебном году (на начало года) учащихся Рижского духовного училища по классам и категориям<sup>104</sup>

| Класс | Казённо-коштные |          | Стипендиаты |          | Пансионеры |          | Квартирные |          | Всего |
|-------|-----------------|----------|-------------|----------|------------|----------|------------|----------|-------|
|       | Дух.            | Инососл. | Дух.        | Инососл. | Дух.       | Инососл. | Дух.       | Инососл. |       |
| 1     | 5               | 10       | 2           | 3        | 2          | 12       | 2          | 11       | 47    |
| 2     | 7               | 10       | 5           | 8        | 1          | 8        | –          | 12       | 51    |
| 3     | 3               | 11       | 1           | 10       | 3          | 7        | 2          | 7        | 44    |
| 4     | 6               | 11       | –           | 11       | –          | 6        | 3          | 4        | 43    |
| Всего | 21              | 42       | 9           | 31       | 9          | 34       | 7          | 35       | 185   |

Программа была достаточно стабильной и с течением времени мало менялась. В 1912/13 учебном году значились следующие дисциплины: Священная история, катехизис, русский и церковнославянский языки, история России, древнегреческий язык, латинский язык, арифметика, география, природоведение, пение, чистописание, черчение<sup>105</sup>.

В Духовном училище имелись три книги для записей наблюдений по воспитательной части: 1) дневник по воспитательной части, где в хронологическом порядке

расписано всё о поведении учащихся; 2) журнал воспитателей по каждому классу; 3) штрафной журнал для записей проступков учащихся<sup>106</sup>.

В выпускных классах экзамены сдавались по следующим дисциплинам: сочинение по русскому языку, катехизис с церковным уставом, арифметика, история России, латинский, древнегреческий, русский и церковнославянский языки, география, пение, природоведение<sup>107</sup>.

Для училища выписывались следующие периодические издания: «Богословский вестник», «Голос Церкви», «Рижские епархиальные ведомости», «Русский паломник», «Странник», «Труды Киевской Духовной академии», «Христианское чтение», «Церковные ведомости», «Церковный вестник», «Вестник воспитания», «Вестник Европы», «Вокруг света», «Исторический вестник», «Колокол», «Музыка и пение», «Новое время», «Природа и люди», «Рижский вестник», «Родник», «Русская школа», «Юная Россия»<sup>108</sup>.

Руководство училища постоянно заботились о благоустройстве своего здания. Буквально в канун и в начале Мировой войны проводились масштабные ремонтные работы и работы по проведению в здание электричества и подключению к городской канализации. Планировалось разобрать печи и установить центральное отопление<sup>109</sup>.

С 27 октября по 9 ноября 1908 года в Рижской духовной семинарии и Духовном училище прошла ревизия. Провел её бывший профессор Киевской Духовной академии, член Учебного комитета при Св. Синоде Ф. С. Орнатский (1849–1919). Ревизор посещал уроки, читал уче-

нические сочинения, смотрел документацию учебных заведений. Нашел их состояние удовлетворительным<sup>110</sup>. Следующая ревизия прошла в феврале 1915 года. Провел её член учебного комитета при Св. Синоде, член Государственного совета от белого духовенства протоиерей А. П. Надеждин (1857–1931)<sup>111</sup>.

Из-за плохой сохранности архивного фонда Рижского духовного училища, как и в случае с семинарией, о бюджете заведения в разные годы можно судить лишь приблизительно. Финансы формировались по большей части из того, что выделял Св. Синод (предоставлялись по частям, каждый месяц поступало по несколько тысяч рублей), а также дополнительно от платы родителей учащихся, от пожертвований и средств, собранных в епархии по благочиниям (в год собирали 2000–3000 рублей как проценты от кружечного и свечного сборов). Кроме того, училище располагало капиталом (сформировался от пожертвований епископа Александра (Закиса, 1834–1899) 3000 рублей, архиепископа Арсения (Брянцева) 500 рублей и других лиц. Всего к началу Первой мировой войны было 5700 рублей капитала, с которого училище получало проценты.

В 1909 году общий приход составил 35981,90 руб., расход 36183,28 руб. В 1914 году приход был 44107,35 руб., расход 45935,79 руб. В 1915 году приход – 45477,60 руб., расход – 42777,74 руб. В 1916 году в распоряжение училища поступило 47208 руб. (всех денег, включая неприкосновенных средств, имелось 59012,96 руб.), расходовано 44812,48 руб. По смете 1917 года Св. Синод ассигновал на содержание училища 43699,70 руб.<sup>112</sup>.

В 1918 году деньги на содержание служащих продолжали поступать. Большевистские власти в полной мере ещё не понимали, что делать с подобными учебными заведениями<sup>113</sup>.

### *2.3. Война, эвакуация и окончание деятельности*

В 1914/15 учебном году жизнь в училище продолжалась в обычном порядке. В нём числилось 168 учащихся (120 из них жили в общежитии, 104 пользовались полным пансионом), обучение завершили 37 человек. Однако 19 июля 1915 года, по распоряжению военных властей, в большой спешке (на сборы дали всего шесть часов) из Риги пришлось эвакуироваться. Как и семинарию, училище временно перевезли в Псков, остановились в Покровской церковно-приходской школе. Затем с 5 по 9 сентября 1915 года был организован переезд в Нижний Новгород. Рижское духовное училище разместилось в небольшом здании Макарьевского приюта, в котором имелось всего восемь комнат. Частично также использовались помещения Серафимовского приюта, расположенного рядом. 2 октября там начался новый учебный год. Лишь часть учащихся смогла приехать в Нижний Новгород и продолжить обучение. Родители некоторых сообщили, что из-за военного времени их дети явиться на учёбу не могут и просили дать возможность детям сдавать экзамены экстерном или оставить их на второй год. В наличии было 62 ученика, то есть менее половины от общего состава до эвакуации. Такого количества было недостаточно для нормальной работы<sup>114</sup>.



Жизнь продолжалась с большими трудностями: было множество неудобств с размещением училища; часть имущества осталась в Риге; не имелось достаточных средств для устройства воспитанников на новом месте. Несмотря на это, было открыто общежитие<sup>115</sup>.

Руководство училища понимало, что набирать новых учащихся вдали от обычного места пребывания будет сложно, и их количество будет неуклонно сокращаться. В середине 1916 года было решено вновь перевезти училище в Лифляндию, в незанятый немцами город Валку. Здесь училище обосновалось в Николаевской церковно-приходской школе, где начался 1916/17 учебный год. Заниматься приходилось во вторую смену (с 13:30 до 17:30). К обучению удалось привлечь значительно больше учащихся, чем в Нижнем Новгороде. Их число доходило до ста человек (в том числе 33 ученика, принятых в первый класс). Тем не менее, родителям самим и за свой счёт приходилось организовывать постой воспитанников, так как открыть общежитие не было возможности, но стипендии продолжали выплачиваться (57 человек получали полные стипендии, 34 – половинные, то есть стипендию получали почти все учащиеся)<sup>116</sup>.

В начале 1917 года ситуация резко ухудшилась из-за начавшейся революции. Тем не менее, часть учащихся продолжала получать стипендии по 30 рублей в месяц. Руководство заведения из соображения экономии средств решило сократить 1916/17 учебный год до пяти месяцев (с 1 октября по 20 декабря и с 20 января до Пасхи 23 марта). С 4 по 23 марта в четвёртом классе планировалось провести выпускные экзамены. Но в

итоге их заменили упрощённой формой зачёта знаний учащихся<sup>117</sup>.

В начале осени 1917 года в условиях хаоса в стране из-за приближающегося фронта по распоряжению военного начальства училищу вновь пришлось эвакуироваться в Нижний Новгород и разместиться в помещениях Высшего начального училища на Большой Покровской улице<sup>118</sup>.

В связи с тем, что архиепископ Иоанн (Смирнов) в конце 1917 года был переведён на другую кафедру, ему отправили послание, где говорилось о глубокой печали из-за расставания с Владыкой. Выражалась обеспокоенность за всю Православную Церковь в настоящие «лукавые дни», когда столь нужны верные и мудрые руководители<sup>119</sup>.

В 1917/18 учебном году было всего 38 воспитанников и училище продолжало работать в весьма ограниченном режиме. Занятия было решено завершить к 15 марта по новому календарному стилю<sup>120</sup>. В начале 1918 года по требованию новой советской власти от преподавания стали отстранять священнослужителей (но из-за нехватки педагогических кадров это требование не всегда чётко выполнялось)<sup>121</sup>. Затем учебное заведение было реорганизовано в Нижегородскую единую трудовую школу второй ступени (так назывались тогда средние школы), и оно прекратило свою деятельность в качестве православного духовного училища.

### 3. Иллу́кстское женское духовное училище

Назначенный в 1874 году на Рижскую кафедру епископ Серафим (Протопопов, 1818–1891), долгое время был преподавателем духовных учебных заведений<sup>122</sup>. Поэтому в поле его зрения прежде всего находились вопросы образования и просвещения. В епархии не было среднего духовного учебного заведения для девушек и в 1876 году, стараниями Владыки в Риге открылось православное женское духовное училище для дочерей духовенства. Однако история этого учебного заведения оказалась недолгой. Средств у Церкви в то время катастрофически не хватало, техническое состояние многих храмов было критическим, материальное обеспечение клира недостаточным. К тому же в 1877 году Владыку перевели в другую епархию, а училище в 1878 году было закрыто<sup>123</sup>. Новый архиерей, епископ Филарет (Филаретов), понимал нужность подобного учебного заведения и приложил все усилия, чтобы при первой же возможности его вновь открыть. В 1881 году при Иллу́кстском монастыре Рождества Пресвятой Богородицы, который тогда же был преобразован из мужского в женский (ранее считался заштатным, в нём находилось не более четырех монашествующих), был основан приют для двадцати сирот детей духовенства. С этого момента фактически и началась деятельность Иллу́кстского православного женского училища<sup>124</sup>. Днём основания училища и датой училищного праздника было 1 октября – праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Домовая церковь училища также была освящена во имя Покрова Пресвятой Богородицы<sup>125</sup>.

Первое время училище находилось в одном здании с монастырём. Уже в 1886 году потребовалось построить новый небольшой дом, но и позже чувствовалась нехватка помещений. Епископ Агафангел исходатайствовал в Св. Синоде 10 000 рублей для постройки нового училищного здания. В 1904 году работы были завершены, и в начале осени 1904 года здание освятили<sup>126</sup>. К началу 1913/14 учебного года училище получило новый корпус. Дом был кирпичный и двухэтажный. Начало учебного года специально отложили на 2 сентября, дабы успеть завершить все необходимые отделочные работы и начать занятия в более комфортных условиях. На открытие приезжала делегация из Риги: протоиерей Владимир Плисс, священник Николай Тихомиров и другие<sup>127</sup>.

### *3.1. Преподаватели*

В 1902/03 учебному году персонал состоял из следующих лиц: священник Симеон Гермогенович Павский (1869–?) (вёл 11 уроков, получал 480 рублей в год; в отношении других работников в скобках также указывается годовое жалование), председатель совета училища, инспектор классов и законоучитель; игуменья Агния (Аделаида Шталь, 1833–1905; настоятельница Иллукстского женского монастыря, немка по происхождению)<sup>128</sup>, начальница училища с момента его основания и до своей смерти, также преподавательница французского языка (6 уроков, 220 руб.); псаломщик Петр Балодис, география и рисование (17 уроков, 280 руб.); Ольга Бар, немецкий язык (12 уроков, 120 руб.); диакон Эллий Вер-

хоустинский, русский и церковнославянский языки, теория словесности и история русской литературы (23 урока, 460 руб.); Ольга Дорожаевская, руководство и подготовка учениц к практическим занятиям в школе (36 руб.); Матильда Клингеберг, музыка (216 руб.); Андрей Кушнер, арифметика и гражданская история (27 уроков, 720 руб.); Елена Михалкевич, музыка (180 руб.); псаломщик Сергей Плиткин, геометрия, физика и церковное пение, также делопроизводитель (19 уроков, 395 руб.); монахиня Серафима, учительница рукоделия (30 руб.); Вера Тадышева, чистописание (10 уроков, 100 руб.); священник Александр Цветиков, законоучитель (12 уроков, 240 руб.); Ольга Иванченко, надзирательница и учительница рукоделия (120 руб.); Раиса Калибрина, воспитательница (150 руб.); Мария Овчинникова, воспитательница (150 руб.); Любовь Рождественская, воспитательница (180 руб.); Любовь Рысина, старшая воспитательница, заведующая библиотекой и преподавательница французского языка (6 уроков, 250 руб.); Наталья Соколова, воспитательница (150 руб.); доктор Агатон Ионас (120 руб.)<sup>129</sup>.

Годовой урок (оплата за преподавание предмета в течение года из расчёта одного урока в неделю; в дореволюционное время в отчётности указывалось годовое жалование) в 1908 году преподавателей с высшим образованием оценивался в 50 рублей, а со средним образованием – 35 рублей. Годовое жалование воспитательницы – 180 руб., учителей рукоделия – 120 руб., врача – 120 руб., учительниц французского и немецкого языков – 375 руб., эконома – 80 рублей<sup>130</sup>.

К началу 1907/08 учебного года состав преподавателей был следующий: священник Георгий Ильич Залазинский (1875–1930<sup>131</sup>, кандидат богословия), исполняющий обязанность председателя училищного Совета и преподаватель русского языка и педагогики; игуменья Евгения (Постовская, 1864–1948), начальница училища с 1905 и до 1918 года; священник Василий Михайлович Марков (1879–1966, кандидат богословия), инспектор классов и законоучитель; священник А. Цветиков, член совета от духовенства; Е. Бар (окончила Митавский немецкий пансион), немецкий язык; А. М. Бекаревич (окончил Могилевскую духовную семинарию), законоучитель и чистописание; О. К. Васильева (окончила Двинскую гимназию), французский язык; священник Э. Верхоустинский, преподаватель русского языка и богослужения; О. В. Иванченко (обучалась в Двинской гимназии), рукоделие; М. Клинггенберг и Е.Л. Михалкевич, музыка; А. Ф. Кушнер (студент Рижской духовной семинарии), преподаватель арифметики, церковнославянского языка и церковного пения; Е. В. Панина (окончила профессиональную школу), рукоделие; С. А. Плиткин (студент Рижской духовной семинарии), преподаватель физики, геометрии и пения; А. Х. Флеров (кандидат богословия), преподаватель географии и гражданской истории; О. А. Дорожаевская<sup>132</sup>, руководство и подготовка учениц к практическим занятиям в школе. Воспитательницы: в 6 классе В.В. Евтихеева (окончила Иллукстское женское духовное училище); в 5 классе В. Н. Преображенская (1884–1970, после замужества Австриц; окончила Тульское епархиальное училище), также учительница рисо-

вания; в 4 классе Т. К. Постникова (окончила Иллукстское женское духовное училище); в 3 классе С. П. Тоом (окончила Иллукстское женское духовное училище); во 2 классе Е. К. Плич (окончила Иллукстское женское духовное училище); в 1 классе М. Д. Овчинникова (окончила Псковское епархиальное училище), она же старшая воспитательница и библиотекарь; монахиня Олимпиада, эконом училища и казначей Иллукстского женского монастыря; врач А. А. Ионас<sup>133</sup>.

В училище было много преподавательниц-женщин, в семинарии и мужском духовном училище их не было вовсе. Большая часть преподавателей учебного заведения в Иллуксте не имела высшего образования. Почти все они окончили подобные этому учебные заведения: мужчины – духовные семинарии, женщины – духовные училища<sup>134</sup>.

### ***3.2. Учебный процесс, учащиеся и бюджет заведения***

Срок обучения в училище был шесть лет<sup>135</sup>. Первоначально учебное заведение было трёхклассным (набор производился раз в два года). В 1896 году училище было преобразовано в шестиклассное. Работало также подготовительное отделение. Благодаря усилиям епископа Агафангела, в 1902 году училище получило полные права епархиальных училищ и было приравнено к статусу гимназий. С этого момента оно стало называться Иллукстским женским духовным училищем (иногда его именовали Иллукстским епархиальным женским

училищем). Новый статус позволил повысить казённое содержание<sup>136</sup>. С 1 сентября 1910 года училище стало семилетним. По этому поводу был проведён скромный праздник<sup>137</sup>. Данное преобразование соответствовало постепенному внедрению реформы, проводившейся Св. Синодом в подобных заведениях. Для учащихся предполагалась специальная педагогическая подготовка, чтобы они потом могли работать в школах. С 6 класса воспитанницы посещали Иллукутско-Гринвальдскую церковно-приходскую школу, присутствовали на занятиях, сами проводили пробные уроки<sup>138</sup>. Открытый в 1910 году седьмой педагогический класс считался необязательным, окончившими училище признавались и те, кто прошёл шесть лет обучения<sup>139</sup>. На XXIX епархиальном съезде (летом 1914 года) обсуждался вопрос об открытии при Иллукутском духовном училище 8 класса<sup>140</sup>.

Учебный год начинался в конце августа и заканчивался в середине июня. Занятия проходили с 8:30 и до 13:10. С середины мая и до середины июня проводились экзамены; переэкзаменовки были в августе. Окончившим на основании определения Св. Синода от 1889 года присваивали звания учительниц начальных городских училищ, с 1902 года – домашних учительниц.

В училище преподавали: Закон Божий, Священную историю Ветхого и Нового Заветов, литургику, историю Церкви, церковнославянский и русский языки, церковное пение, дидактику, чистописание, теорию словесности, историю русской литературы, гражданскую историю, педагогику, рисование, рукоделие, географию, арифметику, геометрию, физику<sup>141</sup>, в программе были



и местные языки – латышский и эстонский. Музыку, немецкий и французский языки изучали факультативно (эти предметы были необязательными) и за отдельную плату<sup>142</sup>.

На подготовительное отделение принимали девочек 9–11 летнего возраста. Указанное отделение открывали, если удавалось набрать не менее 10 учащихся. В первый класс поступали девочки 10–12 лет (во второй до 13 лет, в третий до 14, в четвертый до 15 лет, в пятый до 16, в шестой до 17). Плата за обучение и содержание (питание и одежда) в первые годы XX века составляла 150 рублей в год. Полупансионки из детей духовенства Рижской епархии платили 100 рублей, а приходящие ученицы – 30 рублей. Полупансионки и приходящие должны были иметь свои учебники. Приходящие ученицы сами искали себе постой. За обучение немецкому и французскому языку дополнительно взималось 5 рублей в год по каждому предмету, за обучение музыке 45 рублей; учебники по этим предметам должны были быть свои. Плата вносилась по полугодиям.

Для поступления в первый класс требовалось: 1) знание наизусть начальных утренних молитв: «От сна восстав благодарю Тя, Святая Троице», «К Тебе, Владыко Человеколюбче, от сна восстав, прибегаю»; молитвы ко Пресвятой Богородице и Ангелу Хранителю; из вечерних: «Боже вечный и Царю всякого создания»; молитвы к Пресвятой Богородице: «Богородице Дево, радуйся», «Достойно есть», «Милосердия двери отверзи нам»; молитвы за Царя и Отечество; молитвы за живых и умерших; молитвы перед учением и после учения; перед

обедом и после обеда; молитвы перед причащением; молитвы святого Ефрема Сирина; 2) знание важнейших событий из Ветхозаветной и Новозаветной Священной истории; 3) по русскому языку: умение читать бегло и правильно и пересказывать прочитанное; умение писать чисто и чётко; умение писать под диктовку без грубых грамматических ошибок; умение разделять речь на предложения, а также различать члены простого предложения и знать части речи; 4) знание десяти стихов с соблюдением выразительности в произношении их; 5) по церковнославянскому языку: умение читать; 6) по арифметике: числа первой сотни; умение решать задачи письменно в строку; знание таблицы умножения. Если подготовка учащейся была достаточной, могли зачислить сразу в более высокий класс. Чтобы приняли в подготовительный класс, необходимо было: знание кратких общеупотребимых молитв, умение читать и писать по-русски, по арифметике четыре действия над числами в пределах десятка, нумерация чисел до сотни<sup>143</sup>. Приём воспитанниц и вступительные испытания проходили во второй половине августа<sup>144</sup>.

В последние предвоенные годы плата за обучение и содержание (питание, одежда, учебники) с детей духовенства Рижской епархии составляла 155 рублей в год, с инославных и иноепархиальных – 180 рублей в год, полупансион с детей духовенства епархии – 110 рублей, с инославных и иноепархиальных – 145 рублей. Ученицы полупансиона должны были иметь свои платья, учебники, обувь и бельё. Приходящие платили 45 рублей в год. За обучение необязательным предметам платили в

год 10 рублей за французский язык, 7 рублей за немецкий, 45 рублей за обучение музыке. Каждая вновь поступившая ученица должна была иметь свою подушку и 15 рублей на первое обзаведение. Плата за первое полугодие вносилась к началу учебного года, за второе – к 9 января. При поступлении нужно было предоставить следующие документы: метрическое свидетельство, медицинское свидетельство, обязательство родителей при необходимости забрать девочку<sup>145</sup>.

В первый класс принимали 20 воспитанниц. В училище обучались не только православные, но и инославные ученицы. В 1902 году воспитанницы по вероисповеданию делились следующим образом: православных – 96, старообрядок-федосеевок – 2, протестанток – 3. По месту происхождения: из Лифляндской губернии – 45, Курляндской – 15, Эстляндской – 7, Ковенской – 11, Витебской – 9, Виленской – 9, Санкт-Петербургской – 2, Черниговской – 1, Сувалкской – 1, Харьковской – 1<sup>146</sup>.

Далеко не все родители могли вносить плату за обучение своих детей. Часть воспитанниц училась за казённый счёт, часть получала стипендии. Так, в 1906/07 учебном году из 115 учениц 42 были из семей духовенства, 73 из светских семей. На содержании от Иллукстского монастыря состояло 20 воспитанниц, на епархиальных стипендиях – 8, на стипендиях от Рижского женского монастыря – 3, от Прибалтийского братства – 1, на частных стипендиях – 2. Всего казённокоштных воспитанниц было 36, пансионеров – 61, полупансионеров – 9 и приходящих – 9<sup>148</sup>.

Таблица № 4

Количество учащихся в Илукстском женском  
духовном училище в 1900–1918 годах  
(данные на конец учебного года)<sup>147</sup>

| Учебный<br>год | Общее<br>количество<br>учащихся | Из них<br>окончившие<br>училище      |
|----------------|---------------------------------|--------------------------------------|
| 1899/00        | 94(8)                           | 15                                   |
| 1900/01        | 92(10)                          | 13                                   |
| 1901/02        | 100(3)                          | 6                                    |
| 1902/03        | 101                             | 18                                   |
| 1903/04        | 94                              | 19                                   |
| 1904/05        | 83                              | 18                                   |
| 1905/06        | 107                             | 21                                   |
| 1906/07        | 115                             | 12                                   |
| 1907/08        | 114                             | 12                                   |
| 1908/09        | 111                             | 16                                   |
| 1909/10        | 114(5)                          | 15                                   |
| 1910/11        | 127                             | 23 (7 из них<br>закончило 7 классов) |
| 1911/12        | Данных нет                      | Данных нет                           |
| 1912/13        | 157                             | 17                                   |
| 1913/14        | 152(10)                         | 11                                   |
| 1914/15        | 163(10)                         | 10                                   |
| 1915/16        | 94                              | 10                                   |
| 1916/17        | 117                             | 12                                   |
| 1917/18        | Данных нет                      | Данных нет                           |

Примечание: во втором столбце в скобках по некоторым годам указано количество учащихся в подготовительном классе (они не входят в число указанных рядом учащихся основных классов).

До 1905 года стипендии в училище присваивали сразу на весь срок обучения (ученицу лишали стипендии, если она оставалась на второй год). Потом стипендии стали выдавать на один год, на случай, если материальное положение родителей ученицы, получавшей стипендию, улучшится, и её можно будет передать другой ученице. Казённое содержание давалось сиротам священников, также сиротам диаконов и псаломщиков<sup>149</sup>.

Волей епископа Иоанна с 1 января 1912 года было открыто попечительство «О нуждающихся воспитанницах Иллукстского женского епархиального (Рижской епархии) училища». Во главе попечительства со званием почётного члена стоял сам архиерей. Первыми участниками этого начинания стали преподаватели и воспитательницы во главе с начальницей училища игуменьей Евгенией, принявшие на себя звание действительных членов попечительства. Свою деятельность попечительство фактически начало 31 мая 1912 года, когда было проведено учредительное собрание и начался сбор средств. Уже в первый год существования попечительство располагало 532,23 руб. наличными и 387,50 руб. билетами. В этом же году в неприкосновенный капитал поступило 184,19 руб., на содержание беднейших учащихся было истрачено 300 руб., одной выпускнице выделено 14 руб. на первоначальное обзаведение, 33,10 руб. были потрачены на тиражирование устава и

приобретение приходо-расходных книг. В 1913 году в попечительстве состояло 125 членов. Действительные члены вносили по три и более рублей в год, члены-соперникователи – по одному рублю в год. В 1913 году было собрано 759,07 руб. В неприкосновенный капитал внесено 85,08 руб. Указанный капитал составил 269,27 руб., специальный – 267 руб., запасной – 37,99 руб., расходный – 38 руб., билетами – 387,50 руб. Всего в 1913 году денежных средств было 999,76 руб. Израсходован 331 рубль, большая часть, 324 рубля, была потрачена на содержание учащихся<sup>150</sup>.

Таблица № 5

Доходы и расходы женского духовного училища  
по некоторым годам<sup>151</sup>

| Уч. год.       | 1899/00          | 1900/01          | 1901/02          | 1904/05          | 1906/07          | 1907/08          | 1909/10          |
|----------------|------------------|------------------|------------------|------------------|------------------|------------------|------------------|
| Было в наличии | 14255,87<br>руб. | 16692,50<br>руб. | 18004,35<br>руб. | 26122,99<br>руб. | 21675,98<br>руб. | 25362,55<br>руб. | 25168,22<br>руб. |
| Расход         | 12045,98<br>руб. | 13669,88<br>руб. | 14649,15<br>руб. | 24652,82<br>руб. | 20928,60<br>руб. | 23841,95<br>руб. | 23661,73<br>руб. |

Примечание: в 1904/05 учебном году на постройку здания училища потрачено 7942,35 рублей, в таблице это указано вместе с общими приходо-расходными средствами по указанному году.

Бюджет заведения постепенно рос. По таблице № 5 видно, что доходные и расходные части за десять лет увеличились почти вдвое. Из детального описания доходов (см. ссылку № 151) следует, что абсолютное большинство средств на деятельность училища формировалось из государственных субсидий, их дополняли пожертвования, собираемые в церквях епархии. Плата родителей учащихся составляла лишь малую долю от общей суммы прихода.

### ***3.3. Высокие гости в училище, праздники, эвакуация и окончание деятельности***

Внимание епархиальных архиереев было постоянно приковано к проблемам училища. Владыки регулярно посещали учебное заведение. Так, 9 июня 1903 года, в пятницу, в училище приехал (прибыв на поезде в Двинск) епископ Агафангел. На следующий день он присутствовал на экзамене в 5 классе по физике и остался доволен знаниями учащихся. Он осмотрел библиотеку и кабинет по физике, в субботу 10 июня отслужил всеобщее бдение в Иллукстской монастырской церкви, а в воскресенье 11 июня Божественную литургию при пении двух женских хоров –ученического и монашеского. В этот же день Владыка отбыл в Ригу<sup>152</sup>.

Осенью 1903 года, на празднование двадцатидвухлетия училища, Владыка Агафангел приехал из Риги с целой делегацией (заранее, 30 сентября прибыл священник В. Плисс, чтобы провести подготовку к встрече епископа). 1 октября, около шести вечера, трезвоном

колоколов архиерея встречали в Иллуксте. В городе епископ провёл несколько дней; состоялось несколько богослужений<sup>153</sup>.

1 октября 1906 года было отпраздновано двадцатипятилетие Иллукстского женского духовного училища. На торжества прибыл архиепископ Агафангел, а также другие высокие гости<sup>154</sup>. С 18 по 22 ноября 1908 года в Иллуксте вновь побывал Владыка Агафангел. Он посетил монастырь и духовное училище, совершил архиерейское богослужение. При этом, правда, не смог присутствовать Курляндский губернатор Л. М. Князев (1851–1929; губернатор с 1905 по 1910 год), так как находился по делам в Санкт-Петербурге<sup>155</sup>.

7–8 мая 1911 года в городе Иллуксте и женском духовном училище пребывал епископ Иоанн (Смирнов)<sup>156</sup>.

16–17 февраля 1910 года женское духовное училище посетил попечитель Рижского учебного округа С. М. Прутченко (1868–1920?; попечитель округа в 1908–1913 годах)<sup>157</sup>.

Несколько раз в год проводились литературно-музыкальные вечера<sup>158</sup>, а также праздники по случаю окончания училища. Например, подобный торжественный акт состоялся 1 июня 1911 года. Начался он с молебна, затем произносились речи, потом вручались документы об окончании заведения<sup>159</sup>.

В 1908 году, после окончания учебы и сдачи экзаменов, некоторые выпускницы совершили паломничество в Москву и Троице-Сергиеву лавру<sup>160</sup>. Подобные поездки практиковались и в другие годы.



21 июля 1915 года Иллукстский монастырь и училище были эвакуированы в глубь страны. Предполагалось переехать в Москву, изначально туда и направились. Затем двинулись дальше, в Нижегородскую губернию. Разместились в Иверско-Выксунском женском монастыре. 2 октября из 170 воспитанниц к занятиям приступили лишь 80<sup>161</sup>! В 1916 году ещё проводился приём новых учащихся<sup>162</sup>. До 1918 года включительно, в указанном монастыре, училище продолжало работать<sup>163</sup>. Затем учебное заведение было преобразовано в Выксунскую Покровскую гимназию смешанного типа и прекратило свою деятельность в качестве духовной школы.

### **Духовные учебные заведения Рижской епархии и их роль в истории Православия Латвии и Эстонии**

С 1900 по 1918 год Рижскую духовную семинарию окончили около 350 человек (за все годы работы дореволюционной семинарии около 810), Рижское духовное училище – 618 (за все годы работы около 1350)<sup>164</sup>, а Иллукстское женское духовное училище около 300 учениц. Без сомнения, духовное образование оставило большой след в жизни не только Православной Церкви, но и всего культурного пространства восточной Балтии.

Рижская православная духовная семинария, Рижское и Иллукстское духовные училища были элитными учебными заведениями. Давали высококачественное образование, что позволило ещё долго поддерживать высокий

интеллектуальный уровень местного населения. Образование, которое предоставляла дореволюционная Рижская семинария, можно приравнять по качеству к высшему (хотя оно таким и не считалось).

Несмотря на резкий разрыв традиций и бедствия, выпавшие на долю Православной Церкви в XX веке, духовные учебные заведения Рижской епархии заложили основу, которая позволила пережить немало испытаний. Несколько выпускников духовных учебных заведений Рижской епархии начала века были причислены к лику святых, некоторые стали архиереями, другие служили делу Православия, как в Церкви, так и на ниве просвещения.

Из тех, кто учился в рассматриваемый период в духовных учебных заведениях Рижской епархии стоит упомянуть **Иоанна Андреевича Янсона**, в будущем протопресвитера (1878–1954). В 1900 году он окончил Рижскую духовную семинарию первым учеником. В 1905 году получил диплом Санкт-Петербургской духовной академии. В межвоенные годы был одним из виднейших представителей духовенства ЛПЦ, в 1926–1936 годах являлся ректором восстановленной Рижской духовной семинарии<sup>165</sup>.

В 1900 году Рижскую духовную семинарию по первому разряду окончил **Эллий Павлович Верхоустинский** (1878–1962). В 1902 году его рукоположили в сан диакона, в 1904 году в иерея. Преподавал в Иллухтском женском духовном училище. Позже окончил Московскую духовную академию. С 1922 года протоиерей. В межвоенные годы служил в Эстонии, в церкви Святителя и Чу-

дотворца Николая в селе Тайлово (ныне находится в Печорском районе Псковской области РФ). Был членом Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви<sup>166</sup>.

В 1900 году семинарию окончил по второму разряду **Герман Васильевич Аав** (1878–1961), в будущем архиепископ Карельский и всея Финляндии (в юрисдикции Константинопольской патриархии)<sup>167</sup>.

В 1899 году училище, а в 1905 году семинарию, по первому разряду окончил **Авдий (Адо) Адович Бирк** (1883–1942), известный впоследствии эстонский государственный и общественный деятель межвоенных лет, дипломат<sup>168</sup>.

**Антоний Андреевич Поммер** (1890–1944) – родной брат священномученика Архиепископа Иоанна (Поммера, 1876-1934; в 1891 году окончившего Рижское духовное училище, а в 1897 году Рижскую духовную семинарию), окончил Духовное училище в 1906 году. В 1906-1910 годах обучался в Рижской семинарии, а в 1910-1914 годах на историко-филологическом факультете Варшавского университета. В межвоенные годы преподавал в Первой рижской гимназии и некоторое время в Рижской православной духовной семинарии. В начале 1920-х и второй половине 30-х годов был членом Синода ЛПЦ<sup>169</sup>. Являлся автором вышедшей в 1931 году на русском и латышском языках книги «Православие в Латвии. Исторический очерк»<sup>170</sup>.

Первым учеником в 1911 году семинарию окончил сын её преподавателя, священника Иоанна Щукина – **Александр Иванович Щукин** (1891–1937), ставший потом архиепископом Семипалатинским. В 1915 году

он также окончил Московскую духовную академию. С 1919 года иерей, с 1923 епископ, с 1934 года архиепископ. Расстрелян в 1937 году органами НКВД. В 2000 году Владыка Александр (Щукин) был причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания<sup>171</sup>.

В 1907 году Духовное училище, а в 1913 году семинарию по первому разряду окончил **Борис Николаевич Шалфеев** (1891–1935), сын священника Николая Васильевича Шалфеева (1863–1941). В 1916 году Б. Н. Шалфеев окончил историко-филологическое отделение Киевской духовной академии. В межвоенные годы преподавал в различных учебных заведениях Риги. Был директором гимназии Русского просветительского общества, позднее – Тринадцатой русской основной школы в Риге. Получил известность как журналист и общественный деятель. Был сотрудником газеты «Сегодня», его перу принадлежат многочисленные статьи по истории Риги и Латвии<sup>172</sup>.

В 1910-1915 годах в стенах семинарии, а до этого Рижского духовного училища, обучался эстонец по национальности **Иван Михайлович Петтай** (1894–1919). Учебное заведение не окончил, так как в 1915 году поступил в школу прапорщиков и отправился на фронт. После ранения в 1917 году демобилизовался. Осенью 1918 года епископом Ревельским Платоном (Кульбушем, 1869-1919) рукоположен в священники. Служил в храме Всех Святых в селе Пенуя, Перновского уезда. В начале 1919 года расстрелян большевиками. Определением Священного Синода Русской Православной Церкви в

2002 году имя о. Иоанна внесено в Собор новомучеников и исповедников Российских. В 2004 году канонизирован также Константинопольской патриархией<sup>173</sup>.

В 1909–1915 годах в семинарии учился **Николай Александрович Булин** (1893–1941), в будущем епископ Печёрский, викарий Таллиннской епархии. Как лучший ученик своего выпуска получил рекомендацию для поступления в Петроградскую духовную академию. Однако окончить это учебное заведение ему было не суждено: под влиянием патриотических чувств перешел в Петергофскую школу прапорщиков и отправился на фронт. В конце 1917 года уволен из действующей армии. Вскоре бежал от большевиков в Эстонию и там служил Православной Церкви (в 1918 году принял монашеский постриг с наречением имени Иоанн, с 1926 года епископ). 30 июля 1941 года расстрелян советскими властями<sup>174</sup>.

Сын священника – **Василий Павлович Карклиньш** (1891–1969) в 1905 году по первому разряду окончил Рижское духовное училище. Затем с 1905 по 1909 год учился в духовной семинарии<sup>175</sup>, а в 1909–1913 годах на юридическом факультете Варшавского университета. В межвоенные годы работал присяжным адвокатом в Риге. Вёл в том числе судебные дела ЛПЦ. В 1944 году эвакуировался в Германию, потом переехал в Аргентину, в Буэнос-Айрес, где жил до своей кончины<sup>176</sup>.

Духовное училище в 1914 году окончил **Владимир Андреевич Янсон** (1899–1987), в этом же году поступил в Рижскую духовную семинарию, но потом перешёл в Псковскую семинарию, которую окончил в 1917 году.

В межвоенные годы преподавал в Рижской духовной семинарии. В 1947 году рукоположен в священники. В 1951 году арестован и отправлен в сталинские застенки. Отпущен в 1955 году по хрущёвской амнистии. После возвращения служил в Рижском Кафедральном соборе, а также в других храмах Латвии<sup>177</sup>.

Свет, исходивший от духовных учебных заведений Рижской епархии, долго сиял через подвижническую деятельность бывших учащихся и преподавателей, хранивших и передававших свои лучшие традиции последующим поколениям. В заключение хочется сказать словами молитвы: «Да не погаснет в нас сияние благодатного света Твоего, вопиющих Ти: Приди, Всеблагий, и даждь нам умиление и источник слёз; прииди, и научи нас поклоняться Тебе духом и истиною» (Акафист Святому Духу, Икос 5).

## ПРИЛОЖЕНИЯ

### Приложение № 1

#### *Расписание занятий в Рижской духовной семинарии в 1913/14 учебном году<sup>178</sup>*

##### **Понедельник:**

6 кл. Св. Писание, догматическое богословие, практическое руководство для пастырей, школа (образцовая школа при семинарии), дидактика;

5 кл. Св. Писание, литургика, догматическое богословие, гомилетика, эстонский и латышский языки (по группам);

4 кл. Св. Писание, физика, философия, древнегреческий язык;

3 кл. психология, логика, Св. Писание, латинский язык, немецкий язык;

2 кл. математика, литература, немецкий язык, эстонский и латышский языки (по группам), древнегреческий язык;

1 кл. теория словесности, Св. Писание, математика, немецкий язык, латинский язык.

##### **Вторник:**

6 кл. Св. Писание, нравственное богословие, Церковная история, практическое руководство для пастырей, эстонский и латышский языки (по группам);

5 кл. Церковная история, история русского старообрядчества, литургика, догматическое богословие, гомилетика;

4 кл. физика, Церковная история, основы богословия, латинский язык;

3 кл. литература, математика, Св. Писание, французский язык, гражданская история;

2 кл. Св. Писание, литература, французский язык, гражданская история, латинский язык;

1 кл. древнегреческий язык, Св. Писание, латинский язык, эстонский и латышский языки (по группам).

### **Среда:**

6 кл. обличительное богословие, практическое руководство для пастырей, гомилетика;

5 кл. Св. Писание, история русского старообрядчества, дидактика, школа, медицина;

4 кл. философия, физика, Св. Писание, латинский язык, эстонский и латышский языки (по группам);

3 кл. математика, логика, немецкий язык, древнегреческий язык, латинский язык;

2 кл. литература, Св. Писание, математика, эстонский и латышский языки (по группам), немецкий язык;

1 кл. Св. Писание, теория словесности, древнегреческий язык, немецкий язык, французский язык.

В среду у всех классов ещё была гимнастика.

### **Четверг:**

6 кл. Св. Писание, Церковная история, практическое руководство для пастырей, гомилетика;

5 кл. Св. Писание, литургика, Церковная история, история русского старообрядчества;

4 кл. Церковная история, физика, Св. Писание, основы богословия;



3 кл. Св. Писание, литературоведение, древнегреческий язык, эстонский и латышский языки (по группам);

2 кл. гражданская история, Св. Писание, математика, французский язык;

1 кл. теория словесности, гражданская история, эстонский и латышский языки (по группам), математика.

### **Пятница:**

6 кл. обличительное богословие, догматическое богословие, история русского старообрядчества, школа, Церковное пение, гимнастика;

5 кл. Св. Писание, история русского старообрядчества, догматическое богословие, иконопись;

4 кл. Св. Писание, философия, латинский язык, древнегреческий язык, эстонский и латышский языки (по группам);

3 кл. литература, математика, психология, эстонский и латышский языки (по группам), французский язык;

2 кл. математика, гражданская история, древнегреческий язык, Церковное пение, латинский язык;

1 кл. гражданская история, теория словесности, Церковное пение, латинский язык, древнегреческий язык.

### **Суббота:**

6 кл. Св. Писание, Церковная история, нравственное богословие, эстонский и латышский языки (по группам), медицина;

5 кл. Церковная история, догматическое богословие, дидактика, церковное пение, эстонский и латышский языки (по группам);

4 кл. физика, философия, Церковная история, основы богословия, Церковное пение;

3 кл. психология, математика, Церковное пение, древнегреческий язык;

2 кл. гражданская история, литература, древнегреческий язык, французский язык, немецкий язык;

1 кл. теория словесности, гражданская история, математика, немецкий язык, французский язык.

Во всех классах в субботу были уроки древнееврейского языка (факультативно)<sup>179</sup>.

## Приложение № 2

### *Расписание уроков в Рижском духовном училище в 1912/13 учебном году<sup>180</sup>*

|      | Часы    | 1-й класс  | 2-й класс  | 3-й класс | 4-й класс   |
|------|---------|------------|------------|-----------|-------------|
| Пон. | 8½-9½   | Св. ист.   | рус. яз.   | катехизис | греч. яз.   |
|      | 9¾-10¾  | рус. яз.   | латин. яз. | греч. яз. | география   |
|      | 11-12   | Церк. пен. | арифмет.   | рус. яз.  | природовед. |
|      | 12¼-13¼ |            | Св. ист.   | арифмет.  | латин. яз.  |
| Вт.  | 8½-9½   | арифмет.   | рус. яз.   | история   | катехизис   |
|      | 9¾-10¾  | чистопис.  | латин. яз. | рус. яз.  | география   |
|      | 11-12   | рус. яз.   | географ.   | греч. яз. | латин. яз.  |
|      | 12¼-13¼ |            | Церк. пен. | арифмет.  | греч. яз.   |

|       |         |            |            |                  |                  |
|-------|---------|------------|------------|------------------|------------------|
| Ср.   | 8½-9½   | рус. яз.   | Св. ист.   | катехизис        | арифмет.         |
|       | 9¾-10¾  | Св. ист.   | рус. яз.   | география        | латин. яз.       |
|       | 11-12   | Церк. пен. | арифмет.   | латин. яз.       | рус. яз.         |
|       | 12¼-13¼ | арифмет.   | Церк. пен. | рус. яз.         | история          |
| Четв. | 8½-9½   | география  | латин. яз. | катехизис        | рус. яз.         |
|       | 9¾-10¾  | чистопис.  | рус. яз.   | приро-<br>дoved. | арифмет.         |
|       | 11-12   | рус. яз.   | география  | латин. яз.       | греч. яз.        |
|       | 12¼-13¼ | Церк. пен. | –          | греч. яз.        | история          |
| Пятн. | 8½-9½   | рус. яз.   | арифмет.   | греч. яз.        | катехизис        |
|       | 9¾-10¾  | чистопис.  | рус. яз.   | география        | греч. яз.        |
|       | 11-12   | арифмет.   | черчение   | приро-<br>дoved. | рус. яз.         |
|       | 12¼-13¼ | –          | –          | Церк. пен.       | приро-<br>дoved. |
| Суб.  | 8½-9½   | рус. яз.   | Св. ист.   | греч. яз.        | катехизис        |
|       | 9¾-10¾  | Св. ист.   | латин. яз. | рус. яз.         | греч. яз.        |
|       | 11-12   | чистопис.  | география  | латин. яз.       | рус. яз.         |
|       | 12¼-13¼ | арифмет.   | черчение   | история          | Церк. пен.       |

Примечание: греч. яз. – имеется ввиду древнегреческий язык; Св. ист. – Священная история.

## Примечания:

1. См. например: Vičs A. Latviešu skolu vēsture. Piektais grāmata. Laikmets no 1905.–1915. Rīga, R.L.B. Derīgu grāmatu nodaļas arhīvs, 1940. 312.-336.lpp.

2. В документах архивного фонда Нижегородского губернского отдела народного образования (ГКУ ЦАНО) за 1918–1920 годы есть сведения о реорганизации интересующих нас учебных заведений. В делах имеются данные о материальном положении, о зданиях и их расположении, послужной список преподавателей и другая информация. См.: ГКУ ЦАНО, ф. Р-120, оп. 2, д. 101, л. 15-17; д. 117, л. 58-58 об., 129-129 об.; д. 143, л. 1-39; 190, л. 1-15; оп. 3, д. 41, л. 2-8; оп. 4, д. 104, л. 96-97.

3. В конце 30-х годов XX века в латышском варианте журнала «Вера и жизнь» публиковались воспоминания бывших учащихся о Рижском духовном училище и Рижской духовной семинарии, касавшиеся временного отрезка 80–90-х годов XIX века. См.: Ticība un Dzīve, 1937.g. № 15, 20, 21; 1938.g. № 19, 21; 1939. g. № 2, 3, 4, 5, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 23; 1940.g. № 1, 2, 3.

4. Прот. Аристов А. П. Краткая историческая записка об учебной части в Рижской духовной семинарии. В кн.: Пятидесятилетний юбилей Рижской духовной семинарии (1851 г. – 1901 г.). Рига: Тип. Бланкенштейна Л., 1902. С. 8–20.

5. Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1904, 31 августа, № 194, с. 2; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1905, 6 сентября, № 192, с. 2.

6. Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1914, 2 сентября, № 200, с. 2.

7. Бродский А. И. Михаил Тареев. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994.

8. Исследователь истории образования в Латвии А. Вич, работавший в межвоенные годы, оценивал начало XX века как наиболее плодотворное время в истории дореволюционной Рижской духовной семинарии. См.: Vičs A. Latviešu skolu vēsture... 320.–322. lpp.

9. См.: Atmiņas par mitropolitu Agafangelu // Ticība un dzīve, 1938., № 5, 71.–72. lpp.; Юбилей ректора духовной семинарии, протоиерея А. П. Аристова // РЕВ, 1903, № 21, с. 867–893; Прощание Рижской духовной семинарии с о. ректором А. П. Аристовым по случаю перехода его на епархиальную службу // РЕВ, 1909, № 23, с. 738–741; Протоиерей А. П. Аристов // Сегодня, 1931, 27 июня, № 175, с. 5.

10. Прощание Рижского дух. училища со зрителем, протоиереем А. К. Лебедевым // РЕВ, 1909, № 24, с. 799–800.

11. См.: ЛГИА, 7416, оп. 1, д. 14; Список лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Рижской епархии, с краткими биографическими сведениями // РЕВ, 1902, № 18, с. 658; Епархиальные известия // РЕВ, 1913, № 1, с. 1; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1901, 19 октября, № 232, с. 2; Русский мир и Латвия: Из архива священномученика архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы. Издание подготовил Сидяков Ю. Л. // Альманах Гуманитарного семинара. Вып. XIV. Т. 1. Мазур С. А. (ред.). Рига: Издание гуманитарного семинара Seminarium Hortus Humanitatis, 2008. С. 43–45.

12. Дав (Давис) Павел (1874–1947) – латыш, в 1890 году окончил Рижское духовное училище, а в 1896 году по первому разряду семинарию. В 1896–1900 годах обучался в Санкт-Петербургской духовной академии, потом преподавал в Рижской духовной семинарии (вёл латинский язык) и заведовал библиотекой. В дореволюционное время и межвоенные годы также преподавал в ряде гимназий Риги. В конце 30-х годов он инспектор и

секретарь Православного богословского института, доцент православного отделения теологического факультета Латвийского университета. В конце 30-х годов – член Синода Латвийской Православной Церкви. См.: *Latvijas universitāte divdesmit gados, 1919–1939. II daļa*. Rīga: Latvijas universitāte, 1939. 604.–605. lpp.

13. Жунин Павел Андреевич в 1878 году окончил Рижскую духовную семинарию со званием студента. Потом служил псаломщиком в Уббенормской (сейчас – Умурга) церкви Успения Пресвятой Богородицы. Когда в 1880 году латышский и эстонский языки в семинарии сделали обязательными предметами, то его пригласили вести латышский язык. До 1881 года также был псаломщиком в Рижской Алексеевской церкви. См.: *Городской дневник. Духовная семинария* // РВ, 1905, 17 октября, № 224, с. 2.

14. Михельсон Пётр Мартынович (1842–1914) – из православной эстонской семьи. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, потом получил степень магистра богословия. Почти всю жизнь преподавал в Рижской духовной семинарии. Около десяти лет (в конце XIX века) был её инспектором. См.: Некролог. Похороны преподавателя П.М. Михельсона // РЕВ, 1914, № 21, с. 629–631.

15. Список лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Рижской епархии, с краткими биографическими сведениями // РЕВ, 1902, № 18, с. 656–659.

16. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 2, л. 1; д. 7.

17. Vičs A. *Latviešu skolu vēsture...* 313.–314. lpp.

18. Царский рубль начала XX века и современный евро сложно сравнивать, так как весь ценовой диапазон сильно отличается (например, в начале XX века дешево стоили продукты питания, но дорого продававшаяся в магазинах одежда – в настоящее время одежда относительно не дорогая; в то же время свободный наём жилья сейчас обойдётся дороже, чем до 1917

года). Да и уровень цен в разных местах Российской империи существенно отличался. Если все же сравнить ценовой диапазон современной Латвии и Лифляндской губернии начала XX века, то полагаем, что один дореволюционный рубль может соответствовать 8–12 евро. Конечно же, автор допускает лишь очень примерное сравнение.

19. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 2, л. 6-7.

20. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 2, л. 8, 13.

21. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 3, л. 1-7; д. 4, л. 10-11; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1914, 27 октября, № 247, с. 3.

22. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 1-5.

23. Расписание переэкзаменовок и приёмных испытаний в августе 1913 г. в семинарии // РЕВ, 1913, № 14–15, с. 381; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1900, 20 мая, № 113, с. 2; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1900, 12 июня, № 130, с. 3.

24. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 6; Virspr. J. Svemps. Atmiņas // Tīcība un dzīve, 1938., № 21, 330. lр.

В выписке из свидетельства об окончании семинарии Симеона Покровского от 1908 года значились следующие дисциплины: Священное Писание, Библейская история, общая церковная история, история русской церкви, основное богословие, догматическое богословие, обличительное богословие, нравственное богословие, история русского старообрядчества, практическое руководство для пастырей, гомилетика, литургика, русская словесность, история русской литературы, всеобщая гражданская история, алгебра, геометрия с пасхалией, физика, космография, логика, психология, основы философии и её краткая история, дидактика, церковное пение, иконописание, медицина, языки: древнегреческий, латинский, немецкий, французский, древнееврейский, латышский. ЛГИА, ф. 7416, оп. 2, д. 32, л. 90.

25. Открытие образцовой школы при Рижской духовной семинарии // РЕВ, 1897, № 3, с. 155-161.

26. Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Духовная библиотека, 2002. С. 486.

27. Городская хроника. Обличение социализма // Рижская мысль (далее – РМ), 1910, 12(25) марта, № 786, с. 2.

28. Vičs A. Latviešu skolu vēsture... 328.–329. lpp.

29. Расписание переэкзаменовок и приемных испытаний в августе 1913 г. в семинарии // РЕВ, 1913, № 14–15, с. 381.

30. От Правления Рижской духовной семинарии // РЕВ, 1901, № 12–13, с. 476.

31. См.: От правления Рижской духовной семинарии // РЕВ, 1913, № 12-13, с. 383–385.

32. ЛГИА ф. 7416, оп. 1, д. 4, л. 43, 65-66, 74, 78. Дети священнослужителей за обучение и проживание в общежитии платили, но, если родитель выходил за штат, то освобождались от платы. В этом случае деньги за них вносили благотворительные организации. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 2, л. 15.

33. Прот. Аристов А. П. Краткая историческая записка... С. 20.

34. Епархиальная хроника. Годичное собрание членов Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в духовно-учебных заведениях Рижской епархии // РЕВ, 1912, № 5, с. 180–183; Городской дневник. Общество вспомоществования нуждающихся учащихся в духовно-учебных заведениях Рижской епархии // РВ, 1903, 13 марта, № 60, с. 2; ЛГИА, ф. 6768, оп. 1, д. 2-3.

35. Отчёт о вечере воспитанников духовной семинарии // РВ, 1903, 07 ноября, № 246, с. 2; Театр и музыка. Концерт воспитанников духовной семинарии // РВ, 1904, 1 ноября, № 242, с. 2; Отчёт о концерте воспитанников духовной семинарии // РВ, 1903, 4 ноября, № 245, с. 2–3.

36. Vičs A. Latviešu skolu vēsture... 330. lpp.



37. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 1-6; д. 7, л. 228; д. 16-17; От правления Рижской духовной семинарии. Разрядный список // РЕВ, 1900, № 14, с. 519–522; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный в педагогическом собрании правления 14 июня 1901 года после бывших испытаний // РЕВ, 1901, № 12–13, с. 470–472; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный после испытаний, бывших в мае и июне 1902 года // РЕВ, 1902, № 13–14, с. 491–492; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный в заседаниях Педагогического собрания правления семинарии 10-11 июня 1903 года и утвержденный Его Преосвященством 18 июня // РЕВ, 1903, № 14, с. 587–590; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный в заседаниях Педагогического собрания правления семинарии 8-го и 12-го июня 1904 года // РЕВ, 1904, № 12–13, с. 475–479; Разрядный список воспитанников первых пяти классов Рижской духовной семинарии, составленный в заседании Педагогического собрания 13–15 мая 1905 года на основании годовых баллов // РЕВ, 1905, № 12, с. 475–479; Алфавитный список воспитанников Рижской духовной семинарии к началу 1906–07 учебного года (до приёмных экзаменов) // РЕВ, 1906, № 13, с. 511–513, 516; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный правлением семинарии 10–13 июня 1911 г. после годичных экзаменов и утвержденный Его Преосвященством 18 июня // РЕВ, 1911, № 12-13, с. 395–397; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии // РЕВ, 1912, № 12–13, с. 406; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный в июне 1913 г., после экзаменов // РЕВ, 1913, № 14–15, с. 381–383; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный после экзаменов в мае и июне 1914 года // РЕВ, 1914, № 12–13, с. 370–373.

38. Vičs A. Latviešu skolu vēsture... 330. lpp.
39. Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1914, 2 сентября, № 200, с. 2.
40. ЛГИА, 7416, оп. 1, д. 8, л. 1-3.
41. Vičs A. Latviešu skolu vēsture... 330. lpp.; Virspr. J. Svemps. Atmiņas // Ticība un dzīve, 1938.g., № 21, 330. lpp.
42. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 7, л. 64-64 об.
43. Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1910, 30 января, № 24, приложение; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1910, 20 февраля, № 41, с. 3; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1911, 8 марта, № 54, с. 3.
44. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 3, л. 72-74, 110-119; Епархиальная хроника. Экскурсия воспитанников Рижской духовной семинарии в Псков с 4 по 7 мая 1912 года // РЕВ, 1912, № 11, с. 392-393; Паломничество воспитанников Рижской духовной семинарии в г. Москву и Троице-Сергиеву лавру // РЕВ, 1914, № 14-15, с. 427-435.
45. См., например: Епархиальная хроника // РЕВ, 1913, № 12-13, с. 376; Торжественный день в семинарии // РЕВ, 1915, № 10, с. 306-308.
46. ЛГИА, ф. 4754, оп. 1, д. 19, л. 3-5; Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего правительствующего Синода, преосвященному Агафангелу епископу Рижскому и Митавскому // РЕВ, 1900, № 17, с. 580-581.
47. ЛГИА, ф. 4754, оп. 1, д. 19, л. 9; Торжество 50-летия самостоятельного существования Рижской епархии (1850-1900) // РЕВ, 1900, № 20, с. 715-726; К пятидесятилетию Рижской епархии // РЕВ, 1900, № 4, с. 143-152; Речь пред молебством, при открытии Рижской епархии произнесённая Платоном архиепископом Рижским и Митавским. 1-го июля 1850 года // РЕВ, 1900, № 4, с. 152-157.

48. В дни празднования пятидесятилетия епархии приветственные телеграммы были получены от обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева, Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковский, 1846–1912), епископа Псковского и Порховского Антония (Державин, 1831–1902), о. Иоанна Кронштадтского и др. См.: ЛГИА, ф. 4754, оп. 1, д. 19, л. 6-7; Программа празднования 50-летия существования Рижской епархии 30 сентября, 1-го и 2-го октября 1900 года // РЕВ, 1900, № 17, с. 582–584; Торжество 50-летия самостоятельного существования Рижской епархии (1850-1900) // РЕВ, 1900, № 21, с. 751–759; Приветственные телеграммы и письма, поученные его преосвященством, преосвященнейшим Агафангелом, епископом Рижским и Митавским в дни празднования 50-летнего юбилея Рижской епархии // РЕВ, 1901, № 1, с. 14–29.

49. См.: Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего правительствующего Синода // РЕВ, 1901, № 16, с. 579.

50. См.: Празднование пятидесятилетнего юбилея существования Рижской духовной семинарии // РЕВ, 1901, № 20, с. 775–781; Городской дневник. К предстоящему юбилею 50-летия существования Рижской духовной семинарии // РВ, 1901, 29 августа, № 193, с. 2; Городской дневник. По случаю пятидесятилетия существования Рижской духовной семинарии // РВ, 1901, 2 октября, № 218, с. 2.

51. См.: Празднование в г. Пернове 50-летия юбилея Рижской духовной семинарии // РЕВ, 1902, № 5, с. 181–190.

52. Пятидесятилетний юбилей Рижской духовной семинарии (1851 г. – 1901 г.). Рига: Тип. Бланкенштейна Л., 1902.

53. Городской дневник. Учреждение стипендии при Рижской духовной семинарии // РВ, 1901, 2 октября, № 218, с. 2.

54. См.: Из жизни местной Духовной семинарии // РЕВ, № 6, 1904, с. 230–233.

55. Юбилейные торжества в г. Риге 3, 4 и 5 июля 1910 г. по поводу присоединения её к России // РЕВ, 1910, № 13–14, с. 436–457; Юбилейные торжества в г. Риге 3, 4 и 5 июля 1910 г. по поводу присоединения её к России // РЕВ, 1910, № 15–16, с. 460–474.

56. Юрьенс И. Прибалтийский край под русской властью. К 200 летнему юбилею присоединения Прибалтийского края к русской державе (4 июля 1710 – 4 июля 1910 года). Рига: издание Рижского Петропавловского православного братства, 1910.

57. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 7, л. 9–10.

58. Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1903, 19 декабря, № 279, с. 3.

59. Юбилей ректора духовной семинарии протоиерея А. П. Аристова // РЕВ, 1903, № 21, с. 867–893; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1903, 8 ноября, № 222, с. 2.

60. Городской дневник. Духовная семинария // РМ, 1913, 26(8) августа, № 1824, с. 2.

61. Юбилей ректора духовной семинарии протоиерея А. П. Аристова // РЕВ, 1903, № 21, с. 869.

62. ЛГИА, 7416, оп. 1, д. 1, л. 66.

63. Городской дневник. Чудотворная икона Божией Матери «Умиление» // РВ, 1904, 28 сентября, № 216, с. 2.

64. Городской дневник. Акт в Рижской духовной семинарии // РВ, 1914, 14 февраля, № 37, с. 3.

65. ЛГИА, 7416, оп. 1, д. 1, л. 3–4, 11–12, 14, 17; д. 3, л. 18–21; д. 8, л. 17–18. Например, 29 марта 1914 года ночью учащиеся побили стекла в кабинете инспектора семинарии. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 3, л. 91.

66. См.: К вопросу о реформе духовно-учебных заведений // РЕВ, 1906, № 3, с. 111–118.

67. См.: Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1905, 4 ноября, № 239, с. 2; Городской дневник. Собрание преподавателей духовно-учебных заведений // РВ, 1905, 15 ноября,

№ 248, с. 2; Городской дневник. Собрание преподавателей духовно-учебных заведений // РВ, 1905, 17 ноября, № 250, с. 2–3; Городской дневник. К совещаниям о реформе духовно-учебных заведений // РВ, 1905, 18 ноября, № 251, с. 2–3; Городской дневник. Собрание преподавателей духовно-учебных заведений // РВ, 1905, 19 ноября, № 252, с. 3; Городской дневник. Собрание учителей духовно-учебных заведений // РВ, 1905, 30 ноября, № 258, с. 2–3; Городской дневник. Собрание преподавателей духовно-учебных заведений // РВ, 1905, 5 декабря, № 262, с. 2; Городской дневник. Собрание преподавателей духовно-учебных заведений // РВ, 1905, 10 декабря, № 267, с. 2.

68. Vičs A. Latviešu skolu vēsture... 330. lpp.

69. Иван Лось. Из воспоминаний семинариста // РЕВ, 1906, № 11–12, с. 483–489.

70. Vičs A. Latviešu skolu vēsture... 321.–324. lpp. В октябре 1905 года часть семинаристов подготовила петицию с требованиями к руководству учебного заведения и для препровождения её в Св. Синод. В случае невыполнения их требований, угрожали бойкотировать занятия до конца календарного 1905 года. По некоторым вопросам педагогический совет решил пойти на уступки. Занятия в конце указанного года действительно были прерваны, но по причине сложной обстановки в городе, а не из-за требований учащихся. По этой же причине занятия прерывались также в Рижском духовном училище и других учебных заведениях города. См.: Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1905, 25 октября, № 230, с. 2; Городской дневник. Духовная семинария // РВ, 1905, 26 октября, № 231, с. 2; Городской дневник. От управления Рижского учебного округа // РВ, 1905, 27 октября, № 232, с. 2; Городской дневник. Рижское духовное училище // РВ, 1905, 1 декабря, № 259, с. 2.

71. В 1910 году Св. Синодом было поручено учебному комитету пересмотреть программы и уставы духовных семинарий и учи-

лиц. При этом указывалось, что продолжительность обучения сохранится, но требования к поступающим в духовные училища будут повышены. Объём богословских предметов уменьшать не предполагалось. См.: Телеграммы к реформе духовных семинарий и училищ // РМ, 1910, 16(29) января, № 740, с. 1.

72. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 3, л. 37-43.

73. ЛГИА ф. 7416, оп. 1, д. 4, л. 4-5, 12; д. 8, л. 25-27, 30-31, 33. С началом Первой мировой войны власти считали патриотические манифестации учебных заведений при совместном участии воспитанников и преподавателей весьма желательными. См.: Циркуляр по Рижскому учебному округу. Январь-февраль 1915 года, № 1-2, с. 68. Подобное явление наблюдалось и в начале Русско-японской войны. 4 февраля 1904 года воспитанники Рижской духовной семинарии устроили патриотическую манифестацию. С пением «Боже, Царя храни» они вышли из здания семинарии к собравшимся у входа ученикам Николаевской гимназии. Далее все вместе, с непокрытыми головами, направились по Елизаветинской улице к зданию французского консульства. Из здания консульства появился консул и приветствовал манифестацию. Стали раздаваться звуки французского гимна «Марсельеза». Консул выразил сочувствие в связи с падением Японии на Россию и пожелал последней полной победы. Потом учащиеся двинулись к зданию гимназии, прошли мимо Политехнического института (находился в теперешнем главном здании Латвийского университета) и Александровской гимназии – к Кафедральному собору. У собора пропели молитву за Царя «Спаси, Господи» и гимн «Коль славен». От собора по Александровской (теперь – Бривибас) улице направились в сторону архиерейской резиденции. Епископ Агафангел вышел и при пении «Ис полла эти деспота» благословил всех. Владыка также обратился с краткой речью, в которой высказал радость при таком подъёме патриотических чувств, указал, что он всегда

молится о мире и твёрдо надеется, что эта война скоро закончится. Провозгласил Государю многая лета. К нему обратились семинаристы и попросили передать Царю их патриотические чувства, на что Владыка выразил согласие. Далее семинаристы подошли к Рижскому замку – к ним вышел губернатор М. А. Пашков (1853–1908, Лифляндский губернатор в 1901–1905 годах), поблагодаривший семинаристов и других участников манифестации «за святые чувства, которыми сейчас одушевлены все лучшие люди». См.: Из жизни местной Духовной семинарии // РЕВ, 1904, № 6, с. 230–237.

74. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 4, л. 59–60.

75. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 3, л. 169–172.

76. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 4, л. 57–58.

77. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 4, л. 85–86, 90, 98; д. 19, л. 12; Брянцев Д. Эвакуация Рижской духовной семинарии в Нижний Новгород // РЕВ, 1915, № 17–20, с. 469–474.

78. Как живётся нашим семинаристам // РЕВ, 1916, № 4, с. 125–129.

79. От комитета по сбору пожертвований на учреждение стипендии при Рижской духовной семинарии имени покойного её преподавателя П.М. Михельсона // РЕВ, 1917, № 5–6, с. 145–146.

80. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 16.

81. См.: Русский мир и Латвия: Из архива священномученика Архиепископа Рижского и Латвийского Иоанна (Поммера). Письма и другие документы. Издание подготовил Сидяков Ю. Л. // Альманах Гуманитарного семинара. Вып. XIV. Т. 1. Мазур С. А. (ред.). Рига: Издание гуманитарного семинара Seminarium Hortus Humanitatis, 2008. С. 43.

82. См.: Труфанов В. Из истории Рижской Православной Духовной семинарии (1926–1936 г.г.). В кн.: Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. Вып. 2. Гаврилин А. В. (ред.).

Рига: Благовест, 1997. С. 5–12; Цоя С. А. Рижская Православная Духовная семинария в межвоенные годы (1926–1936). В кн.: Латвийский православный хронограф. Вып. I. Протоиерей Олег Пелевин (ред.). Рига: Синод Латвийской Православной Церкви, 2015. С. 31–99.

83. В проектировании и строительстве принимали участие также архитекторы Я. Ф. Бауманис (1834–1891) и Р. К. Кржижановский (1821–1913).

84. Городской дневник. Духовное училище // РВ, 1900, 4 декабря, № 268, с. 2; Годичный храмовый праздник в церкви Рижского духов. училища // РЕВ, 1909, № 23, с. 751–753.

85. *Garīga skola* // *Ticība un dzīve*, 1939.g., № 23, 361.–362. lpp.

86. Городской дневник. Духовное училище // РВ, 1907, 1 декабря, № 271, с. 3.

87. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 1; Рижское духовное училище // РВ, 1886, 13 октября, № 225, с. 2–3; Рижское духовное училище // РВ, 1886, 14 октября, № 226, с. 2–3.

88. См.: Адреса, полученные Рижской духовной семинарией в день празднования пятидесятилетнего юбилея. В кн.: Пятидесятилетний юбилей Рижской духовной семинарии (1851 г. – 1901 г.). Рига: Тип. Бланкенштейна Л., 1902. С. 32–33.

89. Михаил Павлович Сушков (некролог) // РЕВ, 1908, № 2, с. 65–68. М. П. Сушков был родственником архиепископа Агфангела. *Vičs A. Latviešu skolu vēsture...* 331. lp.

90. См.: Смотритель Рижского духовного училища Андрей Григорьевич Дружинин // РЕВ, 1906, № 19, с. 764–775.

91. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 7, л. 46–48.

92. Список лиц, служащих в духовно-учебных заведениях Рижской епархии, с краткими биографическими сведениями // РЕВ, 1902, № 18, с. 659–660.

93. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 7, л. 5–15, 46–48, 54–55, 65.

94. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 2, л. 8–9.



95. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 24, л. 6-7.

96. См.: Городской дневник. Церковно-археологический музей // РВ, 1903, 8 февраля, № 32, с. 2; Городской дневник. Рижский церковно-археологический музей // РВ, 1903, 11 февраля, № 34, с. 2; Отчёт о состоянии Рижского церковно-археологического музея за 1901 и 1902 годы // РЕВ, 1903, № 3, с. 105–111.

97. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 5, л. 39.

98. См.: От правления Рижского духовного училища // РЕВ, 1905, № 12, с. 488–494.

99. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 5, л. 8-9; д. 6, л. 8; д. 26, л. 7.

100. Об освобождении детей церковных старост от платы за обучение в духовных учебных заведениях // Церковные ведомости, 1912, № 28, с. 273.

101. ЛГИА, ф. 2761, оп. 3, д. 3211, л. 8.

102. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 35, л. 2-3; Местная хроника. Георгиевские стипендии // РВ, 1917, 11 февраля, № 34, с. 4; Местная хроника. Георгиевские стипендии // РВ, 1917, 12 февраля, № 35, с. 3.

103. См.: ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 8-24; д. 26, л. 20-23; д. 35, л. 6-7; д. 36, л. 1; д. 40-47; д. 5, л. 13, 20, 50; ф. 7416, оп. 1, д. 6, л. 15-18; Разрядный список воспитанников Рижского духовного училища, составленный после годичных испытаний в мае и июне 1900 года // РЕВ, 1900, № 14, с. 522–525; Разрядный список воспитанников Рижского духовного училища, составленный после годичных испытаний в мае и июне 1901 года // РЕВ, 1901, № 12–13, с. 473–476; Разрядный список воспитанников Рижского духовного училища, составленный после годичных испытаний в мае и июне 1902 года и утвержденный Его Преосвященством 15 июня сего же года // РЕВ, 1902, № 13–14, с. 494–497; Разрядный список воспитанников Рижского духовного училища, составленный после годичных испытаний в мае и июне 1903 года // РЕВ, 1903, № 14, с. 591–594; Разрядный список воспитанни-

ков Рижского духовного училища, составленный после годичных испытаний в мае и июне 1904 года // РЕВ, 1904, № 12–13, с. 479–484; Разрядный список воспитанников Рижского духовного училища, составленный в заседании Педагогического собрания правления училища 13 мая 1905 года // РЕВ, 1905, № 12, с. 479–483; Разрядный список воспитанников Рижского духовного училища в заседании педагогического собрания правления училища 24–31 мая 1906 года // РЕВ, 1906, № 13, с. 516–520; Разрядный список учеников Рижского духовного училища, составленный после экзаменов в июне 1907 года // РЕВ, 1907, № 14–15, с. 529–533; Разрядный список учеников Рижского духовного училища, составленный после экзаменов в мае и июне 1912 года // РЕВ, 1912, № 12–13, с. 409–412; Разрядный список учеников Рижской духовного училища, составленный после экзаменов в мае и июне 1914 года // РЕВ, 1914, № 12–13, с. 373–376.

104. См.: ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 5, л. 1; д. 6, л. 1.

105. См.: ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 5, л. 2.

106. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 5, л. 8.

107. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 5, л. 16.

108. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 5, л. 4.

109. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 2, л. 2-3, 10; д. 3, л. 6, 12-17, 22, 25-27, 32-35, 39.

110. Епархиальная хроника. Ревизия Рижских дух. заведений // РЕВ, 1908, № 22, с. 782–783.

111. Ревизия в Рижской духовной семинарии // РЕВ, 1915, № 4, с. 131–133; Ревизия Рижского духовного училища // РЕВ, 1915, № 5, с. 166–167.

112. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 29, л. 2, 4, 6-8, 11-12.

113. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 33, л. 10, 14, 16, 19, 22, 25; д. 34, л. 2-3, 11, 18; ф. 7416, оп. 1, д. 14, л. 1-7.

114. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 3, л. 41; д. 4, л. 24; ф. 7416, оп. 1, д. 5, л. 2-3, 27, 29; Осипов С. Рижское духовное училище со дня его эвакуации из г. Риги // РЕВ, 1915, № 17–20, с. 475–479.

115. См.: ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 4, л. 2-3, 5; Осипов С. Рижское духовное училище со дня его эвакуации из Риги // РЕВ, 1915, № 17–20, с. 479.

116. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 4, л. 2-3; д. 35, л. 23; д. 46, л. 2-3, 7.

117. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 32, л. 2, 6-7; д. 35, л. 4; В большинстве учебных заведений Рижского учебного округа было решено учебный год закончить к 24 марта 1917 года. Местная хроника. Окончание учебных занятий в средних школах // РВ, 1917, 31 марта, № 73, с. 3.

118. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 35, л. 8-9; д. 46, л. 2.

119. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 37, л. 2.

120. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 36, л. 4.

121. См.: ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 36, л. 10; д. 38, л. 6.

122. Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига: Филокалия, 1999. С. 264.

123. ЛГИА, ф. 6921, оп. 1, д. 1, л. 14-15, 45; Марков В. Двадцатипятилетняя история. Иллукстское женское духовное училище (с 1881–1906-й г.) // РЕВ, 1907, № 1, с. 10–14; Поммер А. Православие в Латвии. Исторический очерк. Рига: Тип. И. Люкстиня, 1931. С. 63; Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836–1936). Популярно-исторический очерк. Даугавпилс: Издательство С. П. Сахарова, 1937. С. 30.

124. Поммер А. Православие в Латвии... С. 66; Сахаров С. П. Рижские православные архипастыри... С. 33; Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии... С. 271; Марков В. Торжественные дни пребывания преосвященного Агафангела, епископа Рижского и Митавского, в Иллукстском женском духовном училище // РЕВ, 1903, № 21, с. 851–860.

125. Марков В. Торжественное освящение нового училищного здания для женского духовного училища в г. Иллуксте, Курляндской губернии // РЕВ, 1905, № 5, с. 185.

126. См.: Марков В. Торжественное освящение нового училищного здания для женского духовного училища в г. Иллуkste, Курляндской губернии // РЕВ, 1905, № 5, с. 185–191.

127. Епархиальная хроника. Иллуkstское епархиальное училище // РЕВ, 1913, № 22, с. 632–636.

128. М. Иллуkste. Курл. губ. // РЕВ, 1906, № 20, с. 834–836.

129. Отчёт о состоянии Иллуkstского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год // РЕВ, 1903, № 11, с. 476–479.

130. Отчёт о состоянии Иллуkstского женского духовного училища за 1906/07 учебный год // РЕВ, 1908, № 3, с. 109.

131. Использованы данные о. Андрея Голикова.

132. Свящ. Марков В. Двадцатипятилетняя годовщина службы учительницы Иллуkstской ц.-приходской школы О.А. Дорожаевской // РЕВ, 1911, № 21, с. 703–707.

133. Отчёт о состоянии Иллуkstского женского духовного училища за 1906/07 учебный год. // РЕВ, 1908, № 3, с. 106–109.

Изменения в преподавательском составе в 1906–1908 годах происходили следующие: учитель чистописания и рисования диакон Пётр Балодис поступил в Казанскую духовную академию и ушёл из училища, его место занял окончивший курс Могилевской духовной семинарии Александр Бекаревич; уроки рисования были оставлены за воспитательницей 5 класса В. Преображенской; учительница французского языка И. Энгельман оставила училище, и её место заняла выпускница Двинской гимназии О. К. Васильева; учительница рукоделия, монахиня Серафима, по прошению была уволена, и её место в августе 1906 года заняла окончившая курс Рижской профессиональной школы Е. В. Панина; воспитательница 5 класса З. Узна выбыла из училища и вакансию передали окончившей Иллуkstское духовное училище Е. Евтихеевой; вместо двух уроков русского языка в 4 классе, взятых священником Г. Залазинским, уроки

Закона Божия в 3 классе были переданы священнику Э. Верхоустинскому. См.: Отчёт о состоянии Иллукстского женского духовного училища за 1906/07 учебный год // РЕВ, 1908, № 3, с. 106–107.

В 1909 году из училища ушёл в ведомство Министерства народного просвещения преподаватель А. Ф. Кушнер. В 1910 году Иллуксте покинул священник В. Марков. Его перевели в Тульскую епархию на должность епархиального наблюдателя церковных школ. Преподаватель Э. Верхоустинский ушёл из училища летом 1915 года. См.: М. Иллукст. Проводы преподавателя // РЕВ, 1909, № 22, с. 719–720; Свящ. Сергей Белоусов. Иллукстское духовное училище 11 апреля 1910 года попрощалось со своим пастырем инспектором училища и настоятелем Иллукстско-Гринвальдского прихода Василием Марковым // РЕВ, 1910, № 15–16, с. 474–497; Из жизни Иллукстского епархиального женского училища // РЕВ, 1915, № 13–14, с. 404–405; Используются также данные о. Андрея Голикова.

134. См.: Отчёт о состоянии Иллукстского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год // РЕВ, 1903, № 11, с. 476–479.

135. Vičs A. Latviešu skolu vēsture... 336. lpp.

136. См.: Свящ. В. Марков. Иллукстское женское духовное училище // РЕВ, № 18, 1907, с. 665–666.

137. См.: Епархиальная хроника. Из Иллуксты // РЕВ, 1910, № 18, с. 586.

138. См.: Отчёт о состоянии Иллукстского женского духовного училища за 1907/08 уч. год // РЕВ, 1909, № 3, с. 73–74.

139. Список воспитанниц Иллукстского женского духовного училища, окончивших курс училища и переведённых в следующие классы // РЕВ, 1911, № 12/13, с. 397; От Иллукстского жен. епархиального училища // РЕВ, 1914, № 9, с. 280.

140. Постановления 29 епархиального съезда духовенства // РЕВ, 1915, № 6–7, с. 207.

141. Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1900–1901 учебный год // РЕВ, 1902, № 2, с. 51–52.

142. Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год // РЕВ, 1903, № 11, с. 480, 486–487.

143. См.: Условия приёма и краткие программы для поступления в Иллуктское женское духовное училище с правами епархиальных женских училищ, то есть по успешному окончанию шестиклассного курса предоставляющее право на звание домашней учительницы // РЕВ, 1903, № 12–13, с. 538–546.

144. См.: От совета Иллуктского училища девиц духовного ведомства // РЕВ, 1903, № 14, с. 601.

145. См.: От совета Иллуктского женского епархиального училища // РЕВ, 1914, № 12–13, с. 376–377.

146. См.: Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1900–1901 учебный год // РЕВ, 1902, № 2, с. 50.

147. Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1899–1900 учебный год // РЕВ, 1901, № 5, с. 183; Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1900–1901 учебный год // РЕВ, 1902, № 2, с. 50; Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год // РЕВ, 1903, № 11, с. 479, 486–489; Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении

за 1902–1903 учебный год // РЕВ, 1904, № 10, с. 398–400; Переводный список воспитанниц Иллукутского женского духовного училища, составленный советом училища 15 мая 1904 года // РЕВ, 1904, № 12–13, с. 484–487; Разрядный список воспитанниц Иллукутского женского духовного училища, составленный советом училища в заседании 16 мая с.г. и утвержденный Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Агафангелом, архиепископом Рижским и Митавским 26 мая с.г. 1905 год // РЕВ, 1905, № 12, с. 484–486; Список воспитанниц Иллукутского женского духовного училища, составленный советом училища в заседании 20 мая и 1 июня с.г. и утвержденный Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Агафангелом, архиепископом Рижским и Митавским 13 июня 1906 г. // РЕВ, 1906, № 14–15, с. 558–560; Список воспитанниц Иллукутского женского духовного училища составленный советом училища в заседании 2 июля с.г. и утвержденный Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Агафангелом, архиепископом Рижским и Митавским // РЕВ, 1907, № 14–15, с. 525–527; Список воспитанниц Иллукутского женского духовного училища, составленный советом училища в заседании 5-го июня с.г. и утвержденный Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Агафангелом, архиепископом Рижским и Митавским // РЕВ, 1908, № 14–15, с. 480–482; Список воспитанниц Иллукутского женского духовного училища, окончивших курс училища и переведенных в следующие классы // РЕВ, 1909, № 14–15, с. 434–436; Список воспитанниц Иллукутского женского епархиального (Рижской епархии) училища, окончивших курс училища и, по заключении совета, удостоенных права на звание домашних учительниц, переведённых в следующие классы, подвергавшихся переэкзаменовки и оставленных на повторительный курс в тех же классах за 1909–1910 учебный год // РЕВ, 1910, № 17, с. 510–512; Список воспитанниц Иллукут-

ского женского духовного училища окончивших курс училища и переведённых в следующие классы // РЕВ, 1911, № 12–13, с. 397–399; Список стипендий Иллукуст. епарх. женск. училища в 1912–1913 уч. г. // РЕВ, 1913, № 14–15, с. 385–388; Разрядный список учениц Иллукустского женского епархиального училища // РЕВ, 1914, № 14–15, с. 416–419; Список воспитанниц Иллукустского епархиального женского училища, окончивших курс, переведённых в следующий класс и имеющих подвергнуться экзаменам // РЕВ, 1915, № 13–14, с. 359–363; Разрядный список воспитанниц Иллукустского женского епархиального училища за 1915–16 уч. г. // РЕВ, 1916, № 7–8, с. 197–198; Разрядный список воспитанниц Иллукустского женского епархиального училища за 1916–17 учебный год // РЕВ, 1917, № 5–6, с. 142–144.

148. Отчёт о состоянии Иллукустского женского духовного училища за 1906/07 учебный год // РЕВ, 1908, № 3, с. 109.

149. См.: Разрядный список воспитанниц Иллукустского женского духовного училища, составленный советом училища в заседании 16 мая с.г. и утвержденный Его Высокопреосвященством, Высокопреосвященнейшим Агафангелом, архиепископом Рижским и Митавским 26 мая с.г. 1905 год // РЕВ, 1905, № 12, с. 487–488.

150. См.: Годовой отчёт попечительства о нуждающихся воспитанницах Иллукустского женского епархиального (Рижской епархии) училища за 1913 год // РЕВ, 1914, № 9, с. 283–289.

151. 1899/00 учебном году у заведения было 14255,87 рублей. Из них проценты на училищный капитал – 338,58 руб., возмещение от пятипроцентного сбора с дохода от процентов бумаг училища от казны – 7,78 руб., из Рижской духовной консистории проценты с капитала, пожертвованного бывшим архиепископом Рижским Арсением – 50 руб., пособия ученицам сиротам из Рижского епархиального попечительства – 123,75 руб., взносы на обучение и содержание учениц – 895,60 руб., взносы



на содержание ученицы стипендиатки Прибалтийского православного братства – 150 руб., от Иллукстского женского монастыря на содержание 20 сирот-учениц – 1900 руб., взносы за обучение немецкому и французскому языкам – 357,50 руб., взносы на обучение музыке – 630,25 руб., случайные поступления – 32,63 руб., 8059 руб. – государственная субсидия. Итог – 12545,09 руб. Остаток от прошлого года – 1710,78 руб. Всего – 14255,87 руб. Расход на жалование учителям и служащим в заведении – 3926,77 руб., на жалование послушницам – 1200 руб., на отопление – 340 руб., на освящение – 167,56, руб., на разные расходы по училищному дому – 424,22 руб., на одежду и обувь воспитанницам – 840,69 руб., на питание воспитанницам – 4078,81 руб., на посуду для столовой и кухни – 20,75 руб., на учебники и учебные пособия – 58,53 руб., на журналы и книги для чтения – 313,04 руб., на переплёт книг – 55,02 руб., на письменные принадлежности – 78,17 руб., на обзаведение в училище физическим кабинетом – 175,35 руб., на ремонт по училищу – 96,58 руб., на материалы для рукоделия – 34,69 руб., на обзаведение мебелью – 41,44 руб., на непредвиденные расходы – 116,36 руб., на лекарства 36,55 руб., на канцелярские расходы – 37,45 руб. Всего 12 045,98 руб.

В 1907/08 учебном году было 1883,82 руб. остатка от прошлого года, плюс пятипроцентный сбор от доходов с бумаг училища – 7,78 руб., доход с процентных бумаг (от 12100 руб.) – 461,75 руб., из хозяйственного управления Св. Синода 4600 руб., из Рижской духовной консистории проценты за 1906 год с капитала архиепископа Арсения – 50 руб., пособие сиротам из епархиального попечительства – 55 руб., от Иллукстского женского монастыря на содержание 20 сирот – 2510 руб., в дополнение к неполным стипендиям монастыря – 500 руб., пособие от Иллукстского женского монастыря на жалование трём воспитательницам – 90 руб., трехпроцентный сбор чистой свечной

прибыли от церквей епархии – 1200 руб., от Прибалтийского братства на содержание одной пансионерки – 150 руб., от Рижского женского монастыря на три стипендии – 450 руб., взнос на содержание и обучение – 13334,20 руб. (государственная дотация на содержание училища), процент от переходящих сумм училища – 70 руб. Всего – 25362,55 руб. Расход: содержание педагогического персонала 8130,50 руб., содержание дома – 3315,50 руб., содержание воспитанниц – 9316,90 руб., разные расходы по училищу – 2879,05 руб., содержание больницы – 200 руб. Всего 23841,95 руб.

См.: Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1899-1900 учебный год // РЕВ, 1901, № 5, с. 186–187; Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1900-1901 учебный год // РЕВ, 1902, № 2, с. 60; Отчёт о состоянии Иллуктского примонастырского училища девиц духовного ведомства в учебно-воспитательном отношении за 1901–1902 учебный год // РЕВ, 1903, № 11, с. 491–493; Отчёт о состоянии Иллуктского женского духовного училища за 1904/05 учебный год // РЕВ, 1905, № 16, с. 692–694; Отчёт о состоянии Иллуктского женского духовного училища за 1906/07 учебный год // РЕВ, 1908, № 4, с. 158–160; Отчёт о состоянии Иллуктского женского духовного училища за 1907/08 уч. год // РЕВ, 1909, № 3, с. 70–71; Отчёт о состоянии Иллуктского женского духовного училища за 1909/10 учебный год // РЕВ, 1911, № 10, с. 12–13.

152. Посещение Иллуктского женского духовного училища Его Преосвященством Агафангелом 9 июня 1903 года // РЕВ, 1903, № 14, с. 620–623.

153. См.: Марков В. Торжественные дни пребывания Преосвященного Агафангела, епископа Рижского и Митавского в

Иллукстском женском духовном училище // РЕВ, 1903, № 21, с. 851–860.

154. Свящ. В. Марков. Иллукстское женское духовное училище // РЕВ, 1907, № 20, с. 762–764.

155. См.: Епархиальная хроника. Дополнение к сведениям о пребывании Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего архиепископа Агафангела в Иллуксте с 18 по 22 ноября // РЕВ, 1909, № 2, с. 60–66.

156. Посещение Его Преосвященством г. Иллуксте и местных заведений // РЕВ, 1911, № 10, с. 359–361.

157. См.: Посещение г. попечителем Рижского учебного округа Иллукстского женского духовного училища // РЕВ, 1910, № 6, с. 193–194.

158. Отчёт о состоянии Иллукстского женского духовного училища за 1907/08 уч. год // РЕВ, 1909, № 3, с. 73.

159. 1 июня 1911 года торжественный акт по случаю окончания Иллукстского женского духовного училища // РЕВ, 1911, № 12–13, с. 417–424.

160. См.: Отчёт о состоянии Иллукстского женского духовного училища за 1907/08 уч. год // РЕВ, 1909, № 3, с. 72–73.

161. См.: Кузнецов П. Эвакуация Иллукстского Рождества-Богородицкого женского монастыря и Иллукстского епархиального женского училища в Иверский монастырь Нижегородской губ. // РЕВ, 1916, № 2, с. 51–59.

162. Прием учениц в Иллукстское женское епарх. училище // РЕВ, 1916, № 5–6, с. 139–140.

163. См.: Разрядный список воспитанниц Иллукстского женского епархиального училища за 1916–17 учебный год // РЕВ, 1917, № 5–6, с. 142–144.

164. Адреса, полученные Рижской духовной семинарией в день празднования пятидесятилетнего юбилея. От Рижского духовного училища. В кн.: Пятидесятилетний юбилей Рижской

духовной семинарии (1851 г. – 1901 г.). Рига: Тип. Бланкенштейна Л., 1902. С. 36.

165. Сидяков Ю.Л. Иоанн Янсонс. Доступно: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/j-yanson.html?source=persons> (дата обращения 11.09.16.).

166. От правления Рижской духовной семинарии. Разрядный список // РЕВ, 1900, № 14, с. 519; Русские общественные и культурные деятели в Эстонии: Материалы к биографическому словарю (до 1940 года). Т. 1. Исаков С. Г. (сост.). Таллинн: Русский музей Эстонии, 2006, с. 41; Петров И. В. Православная Балтия 1939–1953 гг.: период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги, 2016. С. 199–200.

167. От правления Рижской духовной семинарии. Разрядный список // РЕВ, 1900, № 14, с. 519.

168. Разрядный список воспитанников первых пяти классов Рижской духовной семинарии, составленный в заседании Педагогического собрания 13–15 мая 1905 года на основании годовых баллов // РЕВ, 1905, № 12, с. 475; Петров И. В. Православная Балтия... С. 139.

169. ЛГИА, ф. 1632, оп. 1, д. 16622; ф. 5723, оп. 2, д. 14, л. 27.

170. Поммер А. Православие в Латвии. Исторический очерк. Рига: Тип. И. Люкстиня, 1931; Pommer A. Pareizticība Latvijā: vēstures apcerējumi. Rīga: Autora izd., 1931.

171. Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный правлением семинарии 10–13 июня 1911 г. после годичных экзаменов и утвержденный Его Преосвященством 18 июня // РЕВ, 1911, № 12–13, с. 395; Дёгтева О. В. Новомученики и исповедники Нижегородские. По материалам Нижегородской епархиальной комиссии по канонизации. Священномученик Александр (Шукин), епископ Макарьевский // Нижегородская старина, 2011, № 27–28, с. 109–114.

172. ЛГИА, ф. 2125, оп. 1, д. 336, л. 11; д. 899, л. 9; ф. 5723, оп. 2, д. 15, л. 38; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный в июне 1913 г. после экзаменов // РЕВ, 1913, № 14–15, с. 381; Абызов Ю. И. Латвийская ветвь российской эмиграции. В кн.: Блоковский сборник XIII. Русская культура XX века: метрополия и диаспора. Данилевский А. (ред.). Тарту: Тартуский университет, 1996. С. 293; От Лифляндии к Латвии. Прибалтика русскими глазами. Абызов Ю. И. (сост.). М.: Аркаюр, 1993.

173. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 26, л. 2; ф. 7416, оп. 1, д. 6, л. 9, 17, 26, 34, 42; Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь. Сост. игумен Дамаскин (Орловский). Тверь: Булат, 2005. С. 138–140; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный правлением семинарии 10–13 июня 1911 г. после годовичных экзаменов и утвержденный Его Преосвященством 18 июня // РЕВ, 1911, № 12–13, с. 396; Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный после экзаменов в мае и июне 1914 года // РЕВ, 1914, № 12–13, с. 371.

174. См.: ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 4, л. 57–58, 83об.; д. 6, л. 9, 16, 25, 35, 49; Алфавитный список воспитанников Рижской духовной семинарии к началу 1906/07 учебного года (до приемных экзаменов) // РЕВ, 1906, № 13, с. 513; Мянник С. Епископ Иоанн (Булин) // Православие в Балтии, № 4(13), 2016, с. 77–90.

175. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 13, л. 29.

176. Latvijas advokatūra. Zvērināti advokāti un zvērinātu advokātu palīgi biogrāfijās. 1919–1945. Biogrāfiskā vārdnīca. Ē. Jēkabsons, V. Ščerbinskis (sast.). Rīga: Latvijas Valsts vēstures arhīvs, 2007. 268.–269. lpp.

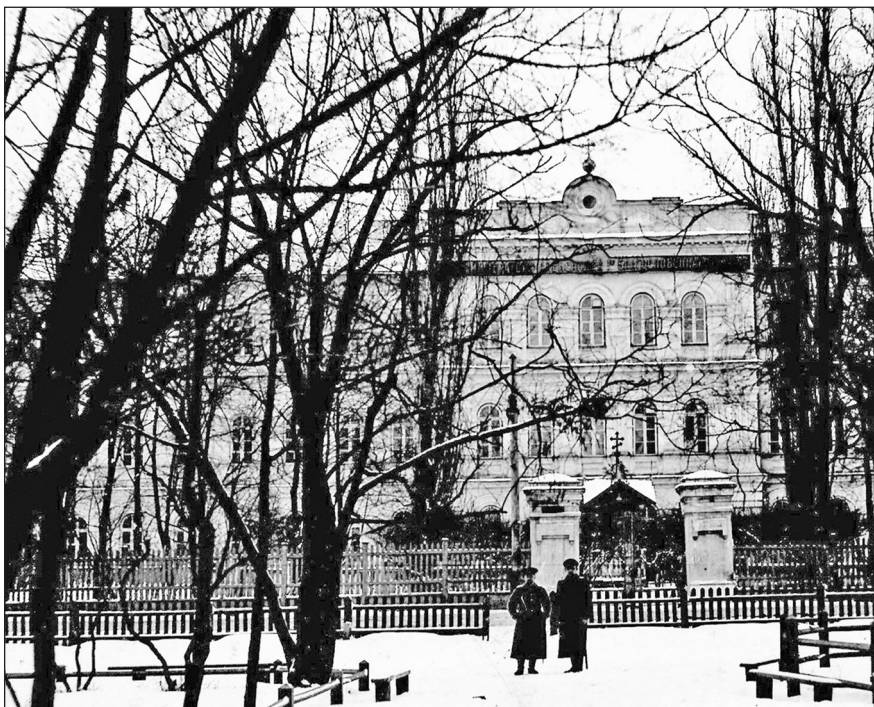
177. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 22, л. 33; ф. 7416, оп. 1, д. 3, л. 137, 139; д. 6, л. 13; Священник Голиков Андрей и Фомин Сергей.

Кровью убеленные: Мученики и исповедники Северо-Западной России и Прибалтики (1940–1955). М.: Паломник, 1999. С. 186–187; Цоя С. Рижская Православная Духовная семинария... С. 39–40.

178. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 6, л. 66.

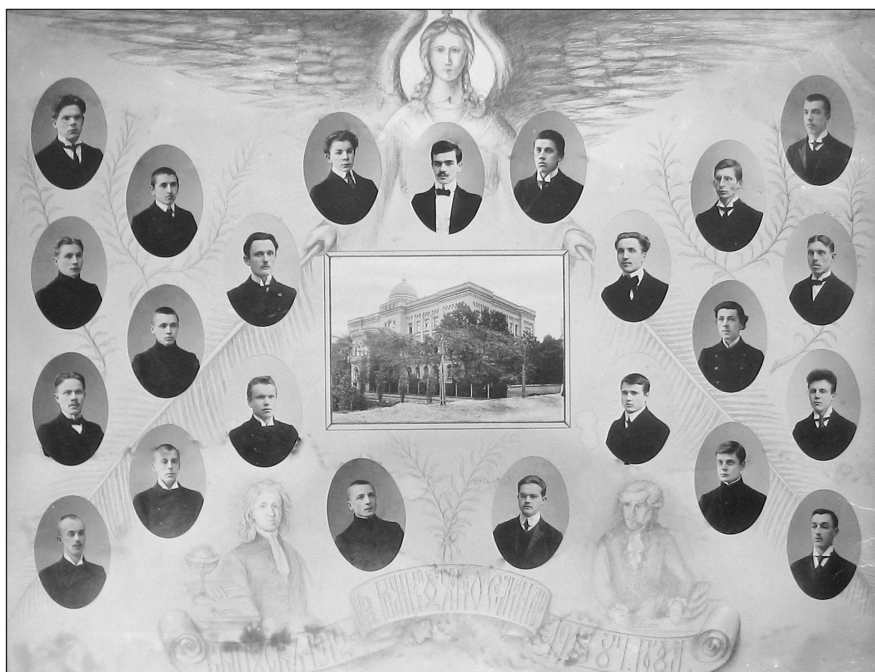
179. ЛГИА, ф. 7416, оп. 1, д. 6, л. 66.

180. ЛГИА, ф. 5723, оп. 2, д. 5, л. 25.



*Здание Рижского духовного училища в начале XX века.  
Рига, ул. Суворовская, 99 (ныне – ул. Кр. Барона, 99).  
Фото из персонального архива Д. И. Трубецкого*





*Промежуточный выпуск (по окончании четырех лет обучения) Рижской духовной семинарии.  
Первый ряд (слева направо): четвертый Николай Булин;  
второй ряд: второй Семён Оглоблин, четвертый  
Фёдор Соковенин;  
нижний ряд: предпоследний Сергей Бренгуль,  
последний Константин Щукин.  
1913 год. Фото из персонального архива А. А. Пуулинна*

*К промежуточному выпуску (окончив четыре класса) в 1913 году подошли: Н. Антон, Ст. Арсеньев, С. Бренгуль, Н. Булин, Н. Вискснь, Ив. Вяльбе, И. Дав, Ив. Дав, Ив. Закис, А. Захаров, Ив. Круминь, А. Кузьмин, А. Лаздынь, Ив. Леснек, Р. Мельбарзд, С. Оглоблин, Н. Реа, А. Рождествин, Ф. Соковенин, Дм. Фаминский, Б. Цепурит, М. Шаблинский, К. Щукин. Они и изображены на фотографии. См.: Разрядный список воспитанников Рижской духовной семинарии, составленный в июне 1913 г., после экзаменов. // Рижские епархиальные ведомости 1913 года, № 14–15, с. 382*

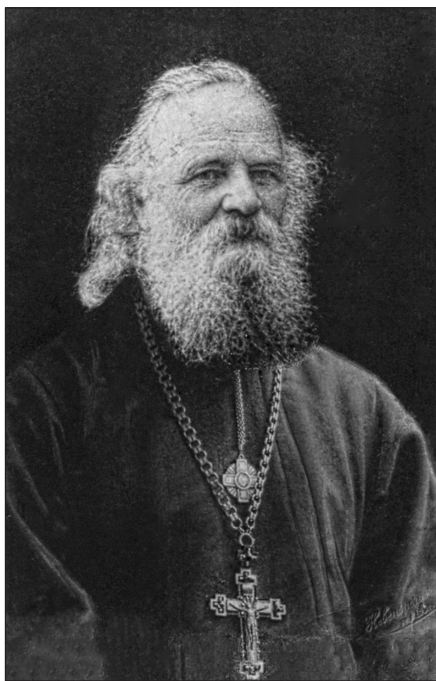


Епископ Печёрский Иоанн (Николай Булин) в семейном кругу. Конец 20-х или начало 30-х годов XX века. Фото из персонального архива А. А. Пуулинна. Нижний ряд (слева направо): Александр Максимович (отец), епископ Иоанн, Ольга Александровна (мать); в верхнем ряду (слева направо): Освальд-Юханнес Хиие (муж сестры), Лидия (сестра Владыки), Виктор, Михаил, Алексей (все трое – родные братья Владыки)



Рижские семинаристы в грозном 1917 году в Нижнем Новгороде. Сидят (слева направо): Евгений Крони, Антоний Рянгель; стоят Иван Булин, Герман Крууз, И. Лиелпетер. Фото из персонального архива А. А. Пуулинна



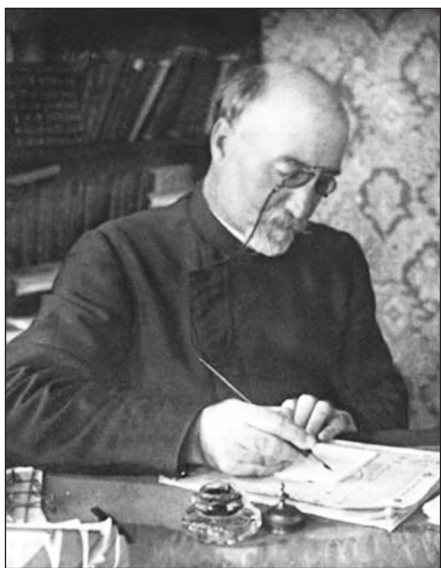


*Протоиерей Алексей  
Петрович Аристов  
(1853–1931) – ректор  
Рижской духовной  
семинарии с 1895 по  
1909 год*



*Дмитрий Петрович  
Брянцев – в 1912–1918  
годах инспектор, в 1918 году  
исполняющий обязанности  
ректора Рижской духовной  
семинарии. 1915 год.  
Фото из персонального  
архива А. А. Пуулинна*

*Пётр Троцкий –  
помощник инспектора  
Рижской духовной семинарии  
(с 1913 года).  
Фото 1915 года.  
Из персонального архива  
А. А. Пуулинна*



*Михаил Михайлович Тареев  
(1867–1934) – русский  
религиозный философ,  
богослов, на рубеже  
XIX и XX веков преподавал  
в Рижской духовной  
семинарии*



*Иван и Николай Булины  
(Иван слева, Николай справа)  
– родные братья, учащиеся  
Рижской духовной семина-  
рии. Конец 1911 года.*

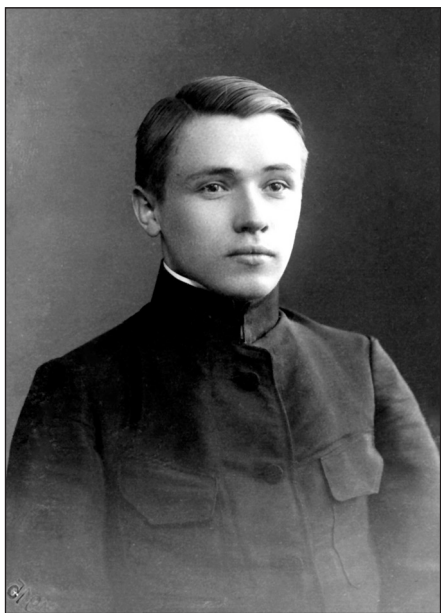
*Фото из персонального  
архива А. А. Пуулинна.  в  
Иван Булин (1895–1927) в  
20-е годы XX века работал  
учителем и директором на-  
чальной школы в Эстонии*



*Николай Булин –  
выпускник Рижской  
духовной семинарии  
1915 года.*

*Фото 1915 года.  
Из персонального архива  
А. А. Пуулинна*

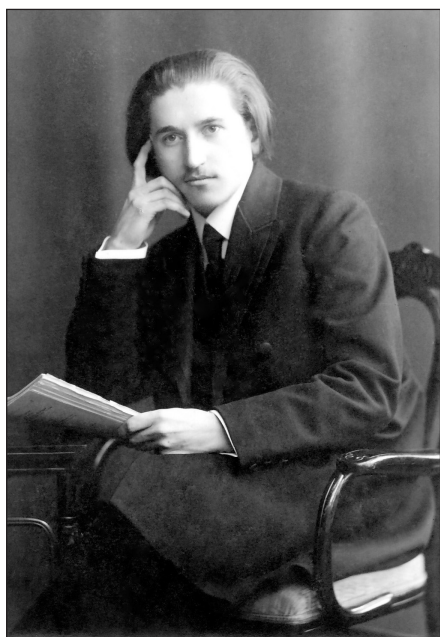
*Сергей Бренгуль –  
выпускник Рижской  
духовной семинарии  
1915 года.  
Фото из персонального  
архива А. А. Пуулинна*



*Семён Оглоблин –  
выпускник Рижской  
духовной семинарии  
1915 года.  
Фото из персонального  
архива А. А. Пуулинна*



*Константин Щукин –  
выпускник Рижской  
духовной семинарии  
1915 года. Фото 1915 года.  
Из персонального  
архива А. А. Пуулинна*



*Фёдор Соковенин –  
выпускник Рижской  
духовной семинарии  
1915 года. Фото 1921 года.  
Из персонального  
архива А. А. Пуулинна*



# О том, что вспомнилось

Константин Климов

*В выпуске II «Латвийского православного хронографа» опубликована часть (три главы) воспоминаний музыканта Константина Евгеньевича Климова, родного брата художника Евгения Евгеньевича Климова, написанных им на склоне лет. Вниманию читателей предлагается окончание воспоминаний (три последующих главы) с некоторыми стилистическими изменениями, которые связаны с тем, что автор не подвергал свои записки пересмотру и редактированию.*

## Глава четвертая РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Часов около восьми утра мы пришвартовались к пристани в порту Владивостока. Плавание закончилось и началось что-то совсем новое, не скажу – пугающее, так как страха у нас, вероятно, быть ещё не могло, но нечто звергающее в недоумение всех нас, от офицеров до матросов. Несмотря на то, что мы, гардемарины с шестимесячным опытом морской службы, не могли ещё считаться усвоившими все традиции и законы этой службы, тем не менее мы все тотчас почувствовали фундаментальную перемену во всём строе. Дисциплина строгая и неумолимая, державшаяся у нас во время всего плаванья, дала трещину, что сказалось на всей команде – от



*Константин Евгеньевич Климов  
в начале 1960-х годов, город Квебек.  
Фото из семейного архива Климовых*

матросов и гардемаринов до офицеров. Началось скольжение вниз, к хаосу. Мы, конечно, не могли ещё представить себе всех последствий начавшегося развала, но в душе что-то изменилось, многое стало неясным и запутанным. Разобраться в этом сами мы не могли. Офицеры же избегали разговоров на эти темы: очевидно, им тоже далеко не всё было ясно.

По прибытии во Владивосток ротный командир сообщил нам о праве гардемаринов выбрать (!) фельдфе-



беля роты. После избрания должно было последовать утверждение избранного гардемарина начальником Гардемаринских Классов, то есть Фроловым. Выборы состоялись, и я был избран большинством голосов. Моим конкурентом был гардемарин Владимир Орлов, очень смысленный и интеллигентный человек, до поступления в Классы бывший студентом юридического факультета Петербургского университета. Происходя из культурной семьи (его отец был попечителем Петербургского учебного округа), он, видимо, ещё в университете принимал участие в каких-то политических кружках, и, несомненно, разбирался в политике куда лучше всех нас. Судьба его трагически закончилась, когда он, став командующим морскими силами СССР, был расстрелян заодно с Тухачевским.

Непонятно было, почему нас держали во Владивостоке, хотя шла вторая неделя после возвращения из плаванья. Наконец, удалось узнать причину задержки. Оказалось, что специальный поезд, на котором мы приехали в октябре 1916 года и который должен был ожидать нашего возвращения, был угнан (!) кем-то, вероятнее всего, матросами, и ушёл в Петроград.

Мы ждали ещё несколько дней. Наконец, специальный поезд прибыл во Владивосток, нас погрузили, и мы, вздохнув с радостью, двинулись в обратный путь. Этот маленький эпизод с поездом характеризует начавшееся самоуправство черни. В пути поезд был не раз «атакован» разнузданной толпой солдат, но насилия ещё не было, и мы благополучно прибыли в последних числах апреля 1917 года в Петроград.

Что мы там увидели? Первые впечатления: расхлябанность в верхах, всё возрастающая анархия внизу. Никакого и нигде чувства ранга! Мы очень скоро это почувствовали в наших отлично организованных Гардемаринских Кассах. Наш начальник Фролов, безусловно, тоже растерялся. До отъезда роты в далёкое плавание в октябре 1916 года он мудро управлял всеми нами, и мы это вполне оценили. При возвращении же мы тотчас почувствовали, что какая-то новая «сила» вмешивается в управление. Так, например, группка служащих (каптенармус, парикмахер и другие), образовав комитет, потребовала изменить порядок увольнений в отпуск гардемаринов, пробовала даже вмешиваться в дела учебные, но этих людей всё же осадили.

Очевидный для всех хаос быстро разрастался. Говорильня заменила ответственные государственные решения. Душа ныла, казалось, что поправить всё это уже невозможно, хотя мы все были ещё настроены патристически, мечтали о победе в войне и о подавлении развала. Но слишком многое было уже упущено, и мы шли к катастрофе.

В июне я заболел желтухой, которую определили сперва как тиф. Когда полегчало и температура упала, я отпросился в отпуск и дома на второй-третий день стал жёлтым, как лимон. Вернулся я в Кассы, сколько помню, во второй половине июня. То, что я там увидел, привело меня к решению покинуть их и просить об отправке на Чёрное море, где продолжались военные действия. В день восстания, 1 июля, я был ещё в Петрограде и попал на углу Садовой и Невского в сумятицу. К вечеру на

Невском появились банды (не могу их иначе назвать) полупьяных солдат с винтовками в руках. Когда стемнело, началась вдруг стрельба с Невского по направлению Садовой в обе стороны. Я стоял на углу Садовой, наблюдая за происходившем, как вдруг пьяная солдатня стала стрелять по толпе. Все находившиеся на углу, я в том числе, бросились бежать в сторону Невы и Инженерного замка, но я, перескочив через кого-то упавшего передо мной, пробился во двор одного из домов и таким образом спасся. Часов около десяти с половиной вечера стрельба прекратилась. Надо было возвращаться домой на Мойку. Нашёл даже извозчика и небольшими улицами доехал благополучно до дома.

Дальнейшее пребывание в Петрограде с его развращённым пропагандой народом казалось мне невозможным, и я стал торопиться с отъездом в Севастополь. Разрешение Главного штаба было, наконец, получено, но меня несколько задерживали семейные обстоятельства, а именно венчание брата Георгия. 17 июля была скромно отпразднована свадьба Жоржа и Сони Теодорович. С семьёй Теодорович мы были знакомы с Варшавы, где они проживали с давних лет. Глава семьи, о. Терентий Теодорович, был там широко известным и почитаемым священником. В Петрограде он стал настоятелем православной церкви на Медовой улице. Любопытно, что до его настоятельства в этой церкви служил протоиерей Юрий Татаров, дед моей будущей жены Ксении Александрович. Как странно всё переплеталось в те времена, складываясь, точно случайно, но жизнь показала, что это не было случаем: так таинственно сближались молодые

отпрыски двух семей. Пишу я всё это уже в 1968 году. Ксенечка скончалась 5 ноября 1965 года, и я остался одиноким, а в 1967 году, 1 декабря, скончался старший брат Георгий. Соня, потеряв мужа, осталась жить в Оттаве у своей дочери Ирочки Чавчавадзе. Жорж с Соней справили в 1967 году золотую свадьбу, а мы с Ксенечкой дожили только до 46-го года нашей совместной жизни. Да благословит Господь всех любимых ушедших! Люблю и помню их всех и постоянно молитвенно прошу Господа о них и благодарю Его за все Его великие милости к нам.

Вскоре после этой свадьбы Жоржа я с несколькими товарищами уехал в Севастополь. Там мы представились в штабе Черноморского флота и были отправлены на вспомогательный крейсер «Король Карл». На нём мы ходили в походы, занимались орудийной стрельбой, а в свободное время изучали морскую службу и готовились к экзаменам на производство в «мичмана военного времени». Командовал Черноморским флотом в этот период контр-адмирал Немитц (Немитц А. В. (1879–1967) перешёл на сторону красных. С 5 февраля 1920 года по 22 ноября 1921 года – командующий морскими силами республики. Вице-адмирал – *ред.*). До него командующим был знаменитый адмирал Колчак, чьё имя вошло в историю. Слава Колчака останется бессмертной, а героическая смерть от руки безумевших вандалов-большевиков станет легендарной!

В сентябре 1917 года была назначена комиссия для производства экзаменов. Продолжались эти экзамены, сколько помнится, три дня. Особенно налегали на астрономию и штурманское дело, считая, видимо, эти пред-

меты главными. Всё прошло хорошо: экзамены мы выдержали, и наши документы были посланы в Петроград на предмет представления нас к производству в офицеры.

Чтобы закрепить за собой назначение в Чёрное море, я навестил начальника бригады быстроходных катеров капитана I ранга Климова («Климов-Рыжий») и получил его согласие на принятие меня в бригаду быстроходных катеров в качестве флаг-офицера. Оставалось ждать приказа о производстве, но скоро стало ясно, что революционный хаос в Петербурге препятствует оформлению дела. Так и оказалось: на запрос Черноморского штаба ответ из Петрограда не приходил.

Тогда я переговорил с флаг-офицером штаба командующего лейтенантом Турским, которому тоже было ясно, что задержка может быть длительной. Он предложил мне поехать в Петроград лично и постараться на месте добиться результатов. Я, конечно, согласился. Следует добавить, что ко всем моим документам был присоединён отзыв обо мне комитета команды корабля, на котором я ходил в плавание. Содержание отзыва было приблизительно следующим: «Не имеет контакта с командой».

В начале октября 1917 года я отправился в Петроград. По дороге, в Орле, я вышел пройтись по перрону. Что творилось на станции не трудно себе представить – распушенная солдатня и хаос. И вот в этой толпе я вдруг увидел знакомое лицо! Это была баронесса Остен-Дризен, дочь генеральши Болониной и мать моего неудачливого ученика в 1916 году. Баронесса увидела меня, но почему-то сразу отвернулась и исчезла в толпе. Я был

ещё в гардемаринской форме, может быть, именно она её смутила, не знаю. А возможно, как раз в этот день она бежала из имения.

Все мои действия, а также действия штабных офицеров с командированием меня в Петроград, красноречиво говорят о том, что мы вовсе не разбирались в сложившейся ситуации в столице и во всей стране. Страна была накануне большевистского восстания и готова к кровавому уничтожению всех и вся! Вспоминая теперь свою довольно нелепую командировку в Петроград, я должен, однако, признать, что именно она, эта поездка, спасла мне жизнь и определила мою судьбу на годы вперёд. Это, несомненно, было Божьим произволением!

Сколько помню, я получил свои документы о производстве числа 18 октября и тотчас собрался в Новочеркасск, куда переехали родители с братом Женей. По закону я получил отпуск на три недели. Из обмундирования имел лишь шинель, купленную ещё в Севастополе, и фуражку. 19 октября я отправился на Николаевский вокзал за билетом. Прихожу и вижу длиннейшую очередь военных к столу, где надо было регистрироваться на отъезд. Встал в очередь и простоял часа три, но результатов не дождался. Как всем, так и мне было заявлено, что регистрироваться обязательно каждый день. Если день пропущен, то делать это надо снова. На следующее утро я был на вокзале уже к 8 часам. Многочасовое стояние в очереди и утомляло, и злило. Кем были эти регистраторы, не знаю, но все они были в шляпах, а не в военной форме, и поэтому, возможно, являлись членами рабоче-солдатского комитета.

Стоять в очереди и не видеть конца этой стоянки оскорбляло своей нелепостью. Усталый и злой, без какой-либо надежды на продвижение, вдруг за спиной я слышу тихий голос: «Мичман, куда вы едете?» Оглядываюсь и вижу штатского человека 45–50 лет. Отвечаю ему: «Еду в отпуск на 3 недели в Новочеркасск». Говорю, что стою безнадежно за пропуском и не знаю, что делать. «Пойдите в барак № 10 на Липовке, спросите там Ивана Петровича (не помню, конечно же, имя), там вам помогут». Сказав это, незнакомец отошёл и смешался с толпой.

Я тотчас отправился на Липовку, разыскал 10-й барак, и, войдя, спросил, могу ли я видеть Ивана Петровича. Иван Петрович вышел ко мне из соседней комнаты и спросил, куда я еду. Я ответил. Он обратился к секретарше: «Выдайте мичману проездной пропуск и литературу «А» для 1-го класса». Я стоял, не понимая, что происходит. Поразил меня этот Иван Петрович своей приветливостью, а особенно тем, как он был одет: на нём была элегантная визитка со старым жилетом и серо-чёрные брюки в полоску. Да, да, это было именно так, я несколько не добавляю от себя, – это была настоящая визитка культурного человека... Накануне большевистского переворота! Прямо чудо какое-то.

Мне было сказано, что поезд на Москву уходит, кажется, в 9 часов утра на следующий день. Так как я ехал на юг, через Воронеж в Новочеркасск, то надо было обязательно сесть в вагон этого направления. По приезде в Москву этот вагон отцепляли и переводили на другой вокзал, где он стоял до вечера в ожидании поезда на юг.

Из Москвы поезд уходил часов в 7–8 вечера, и все пассажиры оставались до вечера в вагоне. Посадка в Петрограде была трудная, но места в купе были для всех. По прибытии в Москву я решил использовать время остановки и посетить дядю Нусю Штритера, оставив мои вещи на попечение ехавших в том же направлении. Всё это было, конечно, весьма легкомысленно с моей стороны, но повидать дядю Нусю, которого мы очень любили, очень хотелось. Жил он неподалёку от вокзала, где стоял мой вагон.

Нашел я бедного дядю Нусю в очень плохом состоянии. Вставать он мог лишь с очень большим трудом, болезнь его была неизлечимой – рак спинного хребта. Он обрадовался мне, мы дружески поговорили. Тётя Соня, жена дяди Нуси, тоже была в тяжёлом состоянии, видя и зная, что он умирает. Когда я собрался идти на станцию, он взялся меня проводить. Шли медленно, и когда пришли, то оказалось, что поезд ушёл. «Да вот только что, три минуты, как ушёл, – сказал мне служащий, – поди, стоит на семафоре, может, и успеешь». Распрощавшись с дядей Нусей, я побежал по шпалам. Обернувшись, увидел издали милого дядю, стоящего в конце перрона и махавшего мне. Я чудом нагнал стоявший ещё поезд. В моем купе всё было в порядке, а ехавшие там люди рассказали, что собирались выгрузить мои вещи в Новочеркасске, «но вот и повезло вам».

Да, мне не только повезло с вещами, моё бегство из Петрограда накануне большевистского восстания вообще можно назвать чудом. Бог спас!

В Новочеркасске нашёл родителей и Женю, очень скромно устроившихся в маленькой квартире. Много бы-



ло пережито в этом домике на Базарной улице. Папа работал в Министерстве финансов, был ревизором акцизного управления и юридическим начальником по судебной части. По чину он был статским советником. Папа тяжело переживал революцию, судьбу царской фамилии и полный развал порядка. По приезду я сразу почувствовал скорбное состояние его души, часто видел его в большой грусти. Мама наша, всегда деятельная и энергичная, работала учительницей в школе. Брат Женя был учеником реального училища, а о Пале и Жорже мы знали очень мало. Паля в то время был студентом Института путей сообщения в Петрограде, а Жорж – морским офицером на Белом море, в Архангельске.

Отпуск мой длился три недели. За это время я смастерил себе форму и собрался ехать на службу в Севастополь, но судьба сложилась иначе. Как военный, я представился коменданту города и получил от него разрешение на продолжение отпуска из-за задержки в шитье моего обмундирования. Но в начале ноября, уже после большевистского восстания в Петрограде и в Москве, я всё же решил ехать в Севастополь. Маршрут выбрал следующий: Новочеркасск – Харьков (где жила семья Александровичей) – Севастополь. Этому плану не суждено было состояться. До Харькова я доехал и там застрял до конца 1917 года, так как смута разрослась до такой степени, что ехать в Севастополь было равносильно самоубийству.

Запишу сегодня, 3 января 1968 года, одно из очень важных в моей жизни событий, произошедшее ровно 50 лет тому назад.

Харьков, куда я прибыл в конце ноября 1917 года, бурлил и волновался, как все большие города. Я гостил у Александровичей и не очень торопился сниматься с якоря, чтобы отправиться в неизвестное, то есть в Севастополь, где, по слухам, начались эксцессы. Ждал, так сказать, у моря погоды. Положение было в высшей степени неопределенным повсюду, и я томился, не зная, что делать. Решил написать товарищу по ОГК Крестовоздвиженскому в Севастополь, прося его сообщить мне, могу ли я ехать туда. Дней через десять получил от него взволнованное письмо, в котором он категорически убеждал меня ни в коем случае не выезжать: положение в Севастополе было уже трагическим, и происходили убийства офицеров. Это решило мою судьбу. Но что же делать тут, в Харькове, думалось мне, и я не мог прийти ни к какому решению. Ксения заболела брюшным тифом, оставаться у Александровичей я не мог, так как дворник дома намекал, что я живу без прописки и этим терроризировал всю семью. На помощь пришёл дядя Ксени Михаил Юрьевич Татаров. Крупный инженер, директор рудника неподалёку от Юзовки, он был в курсе всего происходящего и понимал всю опасность, грозившую людям от взбесившегося пролетариата. Он вызвал меня к себе, описал ситуацию, сказал, что мне невозможно оставаться в Харькове и посоветовал ехать немедленно на юг, на Дон, где уже собираются антикоммунистические силы для отпора разбушевавшейся стихии. Затем он изложил план моей поездки туда, который состоял в том, что я, сняв морскую флотскую форму, буду снабжён документами от «Монотопа» (учреждение, ведавшее постав-

ками топлива) на предмет получения исчерпывающей информации о положении в угольном районе. Со мной, мне в помощь, должен был ехать доверенный человек, хорошо знающий, по каким путям следует ехать через запутанную железнодорожную сеть Донецкого бассейна. Я немедленно стал готовиться к поездке. Купил студенческую фуражку, пришил к шинели университетские нашивки и стал укладываться. Все форменное морское тоже уложил в чемодан и кортик морской положил сверху (!), так что если бы чемодан вскрыли при обыске, то кортик немедленно был бы забран, а я арестован. Как нелепо мы ещё думали тогда! Студенческий маскарад мне, однако, очень помог.

В новогоднюю ночь мы все были напуганы отчаянной стрельбой из ружей. Никакого праздничного настроения, конечно, не было, так как стрельба происходила и на нашей улице. Могли стрелять и в окна, и мы временно ложились на пол. Разгулявшаяся чернь бесовски развлекалась!

И вот 3 января я, наконец, тронулся в путь и в неизвестность. Спутник мой отлично справлялся со всеми трудностями, возникавшими по пути, и я следовал всюду за ним. К нам присоединилась ещё какая-то учительница, пробиравшаяся в Ростов. Пугливая и нервная, она немного затрудняла моего спутника, и мне тоже было очень не по себе от её нервозности. До станции Иловая-ская мы ехали в пассажирском вагоне, а там должны были перелезть в грязные товарные вагоны, которые уже были набиты распущенной солдатней, изрыгавшей отвратительную брань. Многие солдаты были пьяны.

Слышались угрозы в наш адрес, и бедная учительница дрожала от страха. Куда ехала эта солдатня, не знаю, но вид она имела просто разбойничий. Я тихо сидел на своём чемодане и прислушивался к блатной речи наших спутников. Было страшно.

Население вагона разделилось на две части – на обратную, пьяную солдатню и на небольшую группу приличных людей. Неподаляку от меня лежал на своём чемодане юноша в солдатской форме. Он не принимал никакого участия в общем разговоре. Время от времени мы обменивались взглядами, мне даже хотелось заговорить с ним, но я воздержался.

Около 11–12-ти часов дня поезд ушёл со станции Иловайская по направлению Таганрог-Ростов. В открытую дверь видны были холмы, изредка хаты, но людей не было видно. Неожиданно кто-то из солдат указал на группу конных в расстоянии полутора верст от железной дороги. Кто были эти конные, разглядеть было невозможно, но их появление, видимо, взволновало солдат. Конные скоро исчезли. Часов около 2–3-х дня поезд почему-то остановился в поле. Я подошёл к открытой двери, заглянул вперёд и увидел в отдалении переплёты моста. Возникло подозрение, что мост повреждён и потому не пропускают поезд. Стояли минут тридцать. Вдруг кто-то крикнул, что навстречу по второму пути идёт поезд. Паровоз дымил, но поезд подвигался нам навстречу очень медленно. Я вернулся на своё место, как вдруг возле вагона кто-то звонко крикнул: «Всем выходить из вагона!» Подойдя снова к двери, я увидел военного в офицерской форме в сопровождении нескольких молодых юнкеров.

Все были вооружены. Солдатня наша быстро соскочила на пути и покорно стала строиться. Лица были смущённые и испуганные. Подошёл и я к офицеру, назвал себя и сказал, что моё офицерское удостоверение зашито на спине шинели и предложил изъять его, но он улыбнулся и ответил: «Да нет, не беспокойтесь, я и так вижу». Затем спросил: «А не хотите ли к нам на бронепоезд?». Я ответил, что еду в Новочеркасск и там запишусь в Добровольческую армию. Пожелав командиру всего хорошего, я вернулся в вагон, который был пуст, потому что всю солдатню куда-то угнали. Когда мы тронулись, то, проезжая мимо бронепоезда, я увидел у орудия моего молчаливого спутника, ставшего уже юнкером одного из военных училищ.

В Таганроге мы пересели в обычный пассажирский поезд и к вечеру прибыли в Ростов, откуда я уехал в Новочеркасск. Поздно вечером, около полуночи, я ехал на извозчике домой. На Платовском проспекте меня неожиданно остановил казачий патруль, объяснив, что все приезжающие подвергаются контролю. Меня провели в комнату дежурного офицера, но, осмотрев мои документы, отпустили с Богом. Домой я прибыл глубокой ночью. Помню, с каким испуганным лицом открыл мне дверь папа: «Ты! Откуда, каким образом?». Рассказал всё, что пережил, лёг и заснул как убитый.

Около 10 января я записался в Добровольческую армию, не колеблясь несколько, хотя сведений о ней не имел почти никаких. Называли имена командующих армией генералов Корнилова и Алексеева, да и то как-то полусекретно. Зачислен я был в офицерский резерв, но

никакого назначения не получил. Зайдя как-то в офицерское собрание, я увидел невдалеке офицера в морской форме. Вскоре он сам подошёл ко мне, и мы побеседовали. Он был офицером корпуса кораблестроителей, окончил курс по кораблестроению в Кронштадте и находился в Новочеркасске по тем же причинам, что и я, хотя рассказывал о себе мало. Звали его Иван Иванович Марков. Как будет видно из дальнейшего, он сыграл очень большую роль в моей жизни.

Через неделю меня направили в Ростов-на-Дону в распоряжение командира морского отряда капитана II ранга В. Потёмкина. Прибыв туда, я был удивлён атмосферой, царившей в помещении: сам начальник, Потёмкин, был сильно выпившим, некоторые офицеры (помню фамилию лейтенанта Ильвова) тоже были «под градусом». Служба этого отряда состояла в несении караула у каких-то морских складов. Переночевав в помещении отряда, утром я пришёл к решению покинуть этот отряд, не чувствуя связи с его составом и (скажу прямо) его начальником. После обеда я заявил Потёмкину о своём желании откомандироваться обратно в Новочеркасск. «Никого не неволим, мичман, можете ехать куда хотите», – был его ответ. К вечеру я снова был дома на Базарной, а на следующий день явился к начальнику резерва офицеров генералу Рудневу и отпрапортовал обо всем. «Ждите дальнейших распоряжений», – сказал он. Прошло ещё недели две. В офицерском собрании я снова встретился с Иваном Ивановичем Марковым, и на этот раз он был более откровенным, сказав мне, что в случае, если нам надо будет уходить отсюда, он постарается проехать в

Харьков, где находился какой-то близкий ему человек. Меня это поразило, так как где-то в душе я чувствовал, что и мне некуда было ехать, кроме как в Харьков. Всё же удивительной с первых же шагов была моя встреча с Иваном Ивановичем Марковым! Дальнейшее это покажет с полной очевидностью.

На службе я был один раз назначен дежурным по гарнизону. Поручили мне навестить гауптвахту, где был заключен какой-то неизвестный мне морской офицер (его фамилию я забыл), чтобы расспросить его о причинах его ареста. Мне было лишь сообщено моим начальством, что этот офицер был уличён в коммунистической пропаганде. Около полуночи я посетил камеру арестованного и поговорил с ним. Он сильно нервничал, что-то отвергал, но убедительным это не было. Начальству я не смог сообщить никаких интересных сведений о нём.

Надвигались серьёзные политические события. Красная армия нажимала на малочисленную, но героически сопротивляющуюся Добровольческую армию превосходящими силами. В конце января покончил с собой атаман Каледин, не видя выхода из создавшегося положения. Развал шёл и в среде донского казачества: часто казаки возвращались на родную землю распропагандированными. Над Доном нависла беда. Наступил февраль – страшный месяц братоубийства. Доходили слухи, что с нами, добровольцами, идёт генерал Корнилов, но почему-то об этом не сообщалось населению.

Наконец добровольческие части ушли из Ростова и стали переходить через Дон в степь. К ним присоединялись различные боевые группы с севера. 10 февраля

меня причислили к подрывной группе, и мы, восемь человек, отправились в сторону Аксайской станицы, чтобы подорвать мост и лишить бронированные поезда противника возможности идти к Новочеркасску. Меня оставили охранять вагон с подрывными снарядами, а остальные пошли вперёд, в сторону Ростова, где и подорвали один мост. Я дежурил в одиночестве на пути, ожидая возвращения остальных. Вернулись они уже в темноте, и мы тотчас же отправились в Новочеркасск. В городе было объявлено военное положение, и мы обязаны были почти всё время находиться в здании офицерского резерва. Утром 12 апреля 1918 года нам было предложено (приказа такого не было) идти в поход с генералом Корниловым и другими. Сбор был назначен в 3 часа дня на вокзале. Когда я прибежал домой, чтобы собраться, тотчас же заметил, как страдают мои родители. Никогда не забуду этого дня! И вот я в шинели с мичманскими погонами, с винтовкой и пулемётной лентой почти бегу на вокзал. Нам было сказано, что к месту соединения с ушедшими из Ростова частями нас подвезёт поезд. Поезд этот стоял у перрона, но приказа грузиться не давали. Погода была туманная, снег таял, и видимость с перрона вокзала на степь была нулевой. Изредка доносилась пулемётная трескотня, а поезд всё стоял. И вот вдруг, без всякого сигнала, паровоз сильно рванул весь состав, и никто из находившихся на перроне уже не мог на ходу вскочить в товарные вагоны. Началась паника: кто-то бежал обратно в город, кто-то в сторону ушедшего поезда. Я выбежал на улицу, имея намерение вернуться домой. Через забор у вокзала прыгали какие-



то вооруженные люди и, крича, спрашивали: «Вокзал уже занят?». Я побежал в сторону города, задыхаясь от трудного подъема к собору и непривычного обмундирования. И вот опять Божья помощь: попался на пути извозчик! Я крикнул ему: «На Базарную!». На Атаманском проспекте уже толпились люди, ожидавшие прихода красных и смеявшиеся при виде меня с винтовкой. Подъехав к дому, я проскочил во дворик и дёрнул звонок. Встретили со слезами, начали тотчас же действовать, уничтожая всё, что принадлежало к обмундированию: шинель была разрезана на куски и брошена в печь. Но что было делать с двумя винтовками и патронами? Во дворе были большие сугробы, туда мама и засунула винтовки, а патроны бросила в уборную во дворе (другой при квартире не было).

Перед походом я коротко остригся, и это могло привлечь внимание большевиков со всеми вытекающими отсюда последствиями. Мы все, не коммунисты, понятия ещё не имели, на что были способны наши враги. Узнали мы, однако, об этом довольно скоро: в первые же дни было объявлено о расстрелах «врагов народа» – донского атамана генерала Назарова, генерала Руднева и других. Кругом уже шли аресты, увозы, ограбления, и мы ждали того же в нашем доме, но... Божья рука отвела посещение бандитов. Узнали потом, что в наш двор всё же заходили и спрашивали у соседей, армянской семьи, кто живёт по соседству. Семья Полковниковых (это была их фамилия) ответила, что «хорошие люди тут живут», и этим осведомление пришедших было закончено. Я лично, после уничтожения моих военных документов, воспользовался

паспортом брата Павла и стал Павлом Евгеньевичем Климовым, родившемся не в 1896, а в 1898 году. Этот настоящий русский паспорт ещё царских времен сыграл большую роль в моей жизни, как увидим дальше. Дня три я не выходил из дома, а когда вышел и повернул на Атаманский проспект, то чуть не столкнулся с группой матросов, среди которых узнал того мичмана, с которым мне приходилось говорить в камере гауптвахты. Я быстро перешёл на другую сторону, и они меня не заметили, да и был я, конечно, в штатском.

Дня через три после прихода красных, около часа полудни, кто-то позвонил к нам. Папа открыл дверь и пришёл мне сказать, что меня кто-то спрашивает. Выхожу и вижу Ивана Ивановича Маркова! Он хотел узнать, как я поживаю. Сели с ним в гостиной и стали беседовать обо всём и, конечно, о происходящем в городе. Сидели до обеда. Папа вызвал меня и спросил: «Кто это у тебя?». Я кратко объяснил. «Ну, так пусть пообедает у нас». Иван Иванович поблагодарил и согласился. Разговоров за обедом я не помню, но Марков не ушёл после обеда, а остался со мной в гостиной. Говорили, главным образом, о возможности уехать в Харьков. Марков был уверен, что нам это удастся, но подробностей не говорил. Я же довольно скептически отнёсся к тому, что такое путешествие может состояться. Иван Иванович продолжал говорить. Время шло, а он не уходил. Папа дважды вызывал меня в свою комнату и удивлённо спрашивал: «Отчего он сидит так долго?». Иван Иванович пробыл у меня часов до 10-ти вечера! В дальнейшем он объяснил мне, что сидел так долго потому, что опасался ареста у

себя дома, где, видимо, знали, что он племянник генерала Маркова, знаменитого борца против красных.

Через несколько дней Марков пришёл снова и рассказал, что он проделал. Он решил сыграть «ва-банк» и направился в Атаманский дворец, чтобы встретить там главного руководителя большевиков Медведева и переговорить с ним. Медведева во дворце не было, и какой-то стороживший чин сказал Ивану Ивановичу, что неизвестно, когда тот вернётся. Марков сказал, что останется ждать хоть до ночи. Наконец после полуночи внизу послышались шаги, и через приёмную комнату быстро прошёл Медведев. Иван Иванович сказав ему, что необходимо немедленно поговорить. Медведев возразил, что идёт на заседание совета и ему некогда. Но Марков и тут не растерялся, сказав, что в таком случае поедет с Медведевым в автомобиле и по дороге скажет, в чём состоит дело. Медведева, видимо, озадачила такая настойчивость, и он, не возражая, дал Маркову место в своей машине.

«Кто вы, что тут делаете, откуда приехали?» – были вопросы Медведева. Иван Иванович кратко объяснил, что он в качестве инженера-строителя был отправлен из Петрограда в Новочеркасск по делам кораблестроения. Тут его застала гражданская война. У него на руках большая сумма казённых денег, которые он должен вернуть морскому штабу.

Медведев сказал, что не доверяет людям, приехавшим из Петрограда на юг. «Тогда вам остаётся лишь читать в сердцах!» – был ответ Маркова. Нечего и говорить, что всё сказанное Марковым было от начала и до конца его

выдумкой. Однако Медведев что-то сказал секретарю, и тот написал бумажку, которая, впрочем, не являлась пропуском на отъезд. С этой бумажкой Иван Иванович пришёл ко мне и с уверенностью сказал, что имеет револьвер, что с ним не расстанется и предложил мне пойти с ним в канцелярию совета для получения удостоверения на право ношения оружия. Я согласился.

Никогда мне не забыть ту комедию, которую Марков разыграл в здании совета. Войдя туда, мы не сняли шапок, а так и двинулись к столу, за которым сидел (в шляпе!) секретарь совета. Тот заметил нам, что головные уборы надо снимать в этом учреждении. В ответ Марков накричал на этого пролетария с довольно-таки противной физиономией. Меня душил смех, и я с трудом выдержал всё, чему был свидетелем. Объяснив, что он обязан имеющиеся при нём казённые деньги доставить по принадлежности, Марков потребовал документ о праве ношения оружия и... этот документ ему был выдан. Невероятно, но всё произошло именно так! Смелость и натиск Маркова увенчались успехом, но мне было непонятно, как же он выедет из Новочеркасска без разрешения на отъезд. Для меня же лично выход из всей этой истории нашёл папа. Будучи чиновником в Министерстве финансов по отделу акцизных сборов, он придумал составить документ следующего содержания: «Павел Евгеньевич Климов (то есть я по паспорту) командировается в город Харьков для получения исчерпывающих сведений о распоряжениях и узаконениях за время с декабря 1917 года по март-апрель 1918 года». Всё это было полной фикцией, но давало мне возможность по-

лучить пропуск на выезд из Новочеркасска. Что касается Маркова, то он вряд ли нуждался в моей помощи, зато я чувствовал, что мне он просто необходим: его находчивость, смелость и решительность будут спасительны и для меня.

Я не помню дня нашего отъезда, но было это в конце или в первых числах марта 1918 года. Снова прощание, напутствие, слёзы... К вечеру приехали на станцию, поезд из Ростова шёл на Москву-Петроград. Нам предстояла пересадка на станции Лихая, но теперь я уже не помню точно названий станций, где мы пересаживались. Я стоял в очереди за билетами, а Иван Иванович был уже на перроне. Волнение охватывало меня – вдруг не удастся сесть в поезд?! Получил, однако, билет, выбежал на перрон и услышал, что в самом начале поезда кто-то громко кричит так, что слышно каждое слово, и узнал голос Маркова. На кого-то он орал. Побежал туда и увидел около спального вагона его, ругающегося с проводником. Проводник стоял на площадке и говорил, что это вагон для членов совета в Москве и посторонним вход запрещён. Вот тебе раз! А тут скоро и поезд отойдет... Побежали в какое-то бюро, Марков опять кричал о большой сумме казённых денег, которые он везёт, как вдруг услышали от сидящего тут человека: «Ну, скажите проводнику, чтобы пустил вас». И действительно, нас впустили в купе, где было только двое других пассажиров.

Отъехали, едем. Минут через тридцать входит какое-то должностное лицо вместе с комендантом вагона и говорит, что должен проверить документы едущих. Сидевшие рядом уже были проверены, теперь и мы должны

предъявить документы. Я дал свой фальшивый паспорт и документ о командировке в Харьков с пропуском на выезд. Очень было интересно, что сделает Марков, у которого пропуска не было. Но он остался верен себе и разыграл такую сцену: вынул бумажник, в котором находилось множество всяких документов, и начал, не торопясь, рассматривать каждую свою бумагу. Комендант стоял в дверях и ожидал, а нужный документ всё не попадался. Так прошло минут пять-шесть. Наконец, Марков нашёл то, что искал, и подал документ коменданту. Тот взял его, просмотрел и говорит: «Так ведь это документ на право ношения оружия, а где же ваш пропуск на выезд?!». Марков извинился и... начал снова неспешно перебирать документы. Это, видимо, надоело коменданту, и он удовлетворился документом о праве носить револьвер. Задвинул дверь и ушёл!

Затем Марков проделал ещё один трюк. Он шёпотом сообщил мне, что комендант спросил, куда мы едем, и что он ответил, что в Лиски, где будет пересадка. Но, сказал мне Марков, мы сойдем в Лихой, то есть до Лисок, и при этом выйдем на платформу в последний момент, перед третьим звонком, – Марков был уверен, что за нами следят. Я тоже заметил, что комендант часто поглядывал в нашу сторону. Но вот момент настал, поезд медленно двинулся, и мы благополучно сошли на платформу. Когда мы сходили, то я увидел удивлённое лицо коменданта, видимо, не ожидавшего этого.

Поезд ушёл, а мы пошли в буфетную перекусить. Мимо нас шмыгали какие-то люди, по виду бандиты, смотрели на нас, но нами не очень интересовались. Внима-

ние их привлекал пожилой человек, одиноко сидевший у стола, видимо, усталый и измученный. Скоро наблюдавшие за ним подошли к нему и потребовали, чтобы он открыл чемодан, в котором они сейчас же начали рыться. Через минуту они вытащили со дна чемодана револьвер и повели бедного куда-то. По виду это мог быть полковник. Выйдя через некоторое время на платформу, я увидел в дверях вагона его, смотревшего на меня с тоской, точно прощаясь. Этот вагон повезли к семафору, где по обыкновению расстреливали арестованных... Прощальный взгляд этого человека я помню и сегодня.

Дальнейшее путешествие в Харьков прошло без инцидентов, и мы прибыли, сколько помню, к вечеру. Приезду моему обрадовались, но и взволновались: дворник дома был большевиком и, конечно, помнил, что я проживал у Александровичей в прошлом году и был в то время офицером. Надо было искать выход.

Делаю оговорку: по прибытию в Харьков я не поехал сразу к Александровичам, а пошёл куда глаза глядят. Иду по улице и вдруг слышу, что меня кто-то окликает. В этом человеке я узнал своего соплавателя на крейсере «Король Карл», охотника флота (то есть добровольца) Павла Компанейца. Он перешёл улицу и стал взволнованно расспрашивать меня, что я тут делаю. Я ему ответил, что пока даже не знаю, куда идти. Он моментально отреагировал и, не задумываясь, сказал, что может отвезти меня к своему дяде, харьковскому адвокату, и тот всё устроит. Так мы и сделали. Когда я пришёл с моим спасителем, его дядя вовсе не удивился, а тотчас указал комнату, где я буду ночевать. «Если ночью будет тревога

(то есть посещение чекистов), то вот потайная дверь, через которую вы выйдете на другую улицу», – сказал он. Божья десница вывела меня из очень опасного положения, и сделал это интеллигентный еврей, мгновенно пришедший на помощь. Да, такие прекрасные люди, евреи, помогали нам, белым воинам! Не все они, значит, были сочувствующими коммунистам!

Переночевав одну ночь у дяди Компанейца, я на следующий день пошёл к Александровичам. Оставаться у них было опасно, да и места в квартире уже не было.

Переночевал я затем у Михаила Юрьевича Татарова, который сам скрывался, боясь ареста и расправы. Он занимал должность директора Трудовского рудника, а таких выдающихся людей вылавливали всюду и приканчивали их. Наконец удалось найти комнату для себя, куда я и вселился немедленно.

Перед Пасхой стала изменяться политическая ситуация. Советы начали переговоры с немцами о заключении мира. Ясности, однако, во всей этой катавасии не было, населению ничего не сообщалось, и все мы жили лишь слухами, из которых невозможно было понять истинное положение дел.

Затем поползли слухи о приближении к Харькову немцев. Иван Иванович Марков, который заходил к Александровичам время от времени, реагировал на события по-своему. Так, несмотря на то, что Харьков был ещё в зоне советской, он вдруг появился у Александровичей в своей военной форме. Это было прямо вызывающе, а он утверждал, что при приближении немцев «наглеет всё больше и больше». Затем с ним произошла следующая



история. Всех подробностей я не знаю, но Иван Иванович как-то зашёл ко мне и сообщил, что немцы перешли в наступление на Крым и их командование организует группу русских морских офицеров в качестве помощников в вопросах Черноморского флота. По его словам, на кораблях в Севастополе подняты украинские флаги, и много офицеров флота уже там орудуют. Ещё он сказал, что присоединился к этой группе и едет в Севастополь. Предложил и мне следовать за ним, но я воздержался, инстинктивно чувствуя, что тут кроется какая-то провокация. Марков всё же уехал с группой, но неделю спустя вернулся в Харьков. Русские офицеры ехали в отдельном вагоне и «в начале веселились, а потом и прослезились»! Когда поезд пришел то ли в Джанкой, то ли в Симферополь, то немцы, наставив пулемёты на вагоны русских офицеров, заявили, что дальше эта группа не поедет, и потребовали немедленно «*Alles heraus!*» («Пошли вон! – *ред.*»), что, конечно, и было исполнено. Иван Иванович чувствовал себя пристыженным и об этой истории больше помалкивал.

Этим заканчиваю мою эпопею отношений с Иваном Ивановичем Марковым. Много, очень много он сделал для моего спасения, и без него я никогда бы, вероятно, не выбрался из ужасного положения, в котором очутился в марте-апреле 1918 года. Память благодарности ему ношу в своём сердце. Вскоре он уехал в Германию, и я никогда больше не встречал его и ничего о нём не слышал.

\* \* \*

С приходом немцев – а я случайно находился в центральной части Харькова и видел их входящую кавалерию в стройном марше – радикально изменилась судьба многих людей, в том числе и моя. Мы ведь никогда не знаем, куда ведёт наша дорога жизни, и для понимания её я часто возвращаюсь к мудрой картине Васнецова «Витязь на распутье». Задумался витязь, читая надпись на придорожном камне, а смысл надписи глубок и судьбоносен: выбор пути свободен, но последствия этого выбора неустранимы! Мы, хотя и молодые, инстинктивно и с Божьей помощью выбрали тот путь, который вытекал из всего нашего прошлого (то есть радикально против большевизма), и останемся такими до конца нашей жизни.

Записывая эти строки, я не имел претензии писать историю того страшного времени. Мне просто хотелось оставить рассказ о происходившем и о том, как оно, это происходившее, отразилось на судьбе нашей семьи. Не знаю, кто из отпрысков нашей семьи будет читать эти скромные записи, но думается, что найдётся кто-то из ныне ещё юных, кому будет небезынтересно прочесть эти строки. Во всяком случае, я надеюсь на это. Надо понять, как корни нашего родового дерева оборвались, и какой была судьба всех нас, вовлечённых в бурное историческое потрясение.

\* \* \*

Возвращаюсь к воспоминаниям о весне 1918 года.

Дядя Ксенечки моей, Михаил Юрьевич Татаров, уже один раз в январе 1918 года направил мою судьбу, о чём я упомянул выше, а теперь, в начале мая, распознав запутанность моего положения, решил привлечь меня к какой-нибудь работе. Сам он, человек, воротивший крупные дела в Донбассе, предложил мне скромное место кассира на Трудовском руднике, директором которого он являлся. Этот рудник принадлежал миллионерам Пестеревым, и Михаил Юрьевич был у них управляющим. Все в Донбассе знали Татарова, ценили его знания, энергию и административный талант. Я же почувствовал его симпатию ко мне, что меня привлекало, а он, конечно, разглядел мою близость к семье Александровичей, то есть к Ксене, и понял, что наша судьба с Ксеной решена. Предложение поехать на рудник я принял, да ничего другого в виду и не было.

Михаил Юрьевич объяснил мне ситуацию на руднике и положение рабочих, которым с января 1918 года не платили ни копейки. Чем и как жили эти месяцы рабочее, ведал только Бог. Моей задачей было произвести расплату с рабочими за это время на основании записей в рабочих книжках. Со мной посылали какую-то очень большую сумму денег, и я должен был немедленно начать эту расплату. В помощь мне на рудник ехал один из служащих, который дорогой посвящал меня во все необходимые познания моей работы.

Харьковский вокзал славился тем, что там постоянно происходили какие-то нападения, ограбления и тому подобное. Банды жуликов терроризировали отъезжающих и приезжающих, вырывали вещи из рук, так что пассажиры очень боялись этого «знаменитого» вокзала. Когда мы сели в вагон, мой спутник объяснил мне «технику» перевозки чемодана с деньгами. Оказывается, всего опаснее было держать чемодан в руках, а надо было его почти что бросить в коридоре вагона и не обращать на него внимания. Я, конечно, очень волновался, но всё прошло именно так, как инструктировал мой спутник. Приехали мы благополучно на станцию Мандрыкино, где нас встретил кучер Тимофей с коляской. Рудник находился приблизительно в 12–15 верстах от станции. Ехали по степи, которую я видел впервые. Вся она цвела так называемыми «воронцами» – чудесными дикими тюльпанами. Было тепло и солнечно. По дороге проехали Вознесенский рудник – тоже собственность Пестеревых, но вдвое больший Трудовского, и, наконец, приехали к дому Михаила Юрьевича, где я должен был поселиться. Прекрасный дом стоял в саду, где цвели чудесные ирисы, любимые цветы Михаила Юрьевича.

На следующий день я пошёл в контору и начал знакомиться с работой. Сложности никакой не было, нужно было лишь быть очень внимательным при выплате денег. В коридоре перед кассой толпились шахтёры, с нетерпением ожидавшие выплаты, которая длилась три дня. От напряжения я очень устал, что привело к тому, что я кому-то переплатил. После окончания выплаты контора проверила все операции и установила, что кас-

сой было выдано на 130 рублей больше, чем надо. Было неприятно, но главный бухгалтер успокоил меня, что такие перевыплаты предусматриваются конторой.

После трёхдневной напряжённой работы всё вошло в норму, работы никакой почти не было. Мне предложили поехать посмотреть имение Пестеровых, и я с удовольствием согласился. Подъезжая к имению, я был удивлен, увидев прекрасную берёзовую рощу по дороге. Откуда она взялась в бескрайней степи? Кучер Тимофей объяснил, что это насаженная роща для того, чтобы разводить... фазанов! Сад в имении тоже был весь насаженный, а в нём устроена узкоколейная железная дорога с вагонами и паровозом. Этим развлекали детей Пестеровых. Для поезда был и машинист. Вот уж нелепая затея!

Из людей, работавших в конторе, я познакомился со старшим бухгалтером Овощниковым, милым человеком, и со штейгером (мастер, ведающий рудничными работами – *ред.*) Асмусом. Этот последний был латышом, большим сторонником коммунизма. А жена его и вовсе сыграла роковую роль в жизни Славика, брата Ксени.

Скоро приехал на рудник Славик. Он не выполнял здесь никакой работы, зато быстро сблизился с женой Асмуса, которая увлекла его в коммунистическую деятельность. Я совершенно разошёлся с ним, и вскоре мы навсегда расстались. Ксения, бедная, очень тяжело переживала эту семейную беду. Яд разрушающего всё коммунизма проник и в семейные ячейки, развал семьи стал большой угрозой даже для патриархальных семейств.

В июле 1918 года наши родители справляли серебряную свадьбу. Я решил к этому дню съездить в Ново-

черкасск, и мы со Славиком отправились туда. Также приехала и Ксения из Харькова, и наш двоюродный брат Володя, и мой друг по гимназии Шура Брусаянин. В моём архиве сохранился снимок всех нас в этот день.

Дальнейшее сложилось так. Мне не хотелось возвращаться на рудник, и я решил попробовать подготовиться к экзамену в новочеркасский Политехнический институт по горному отделению. Мысль эта была мне сообщена Михаилом Юрьевичем, который мне как-то сказал, что он никому не может передать свои дела по руднику, поскольку не находит никого вокруг себя, и что он был бы доволен, если бы я занялся подготовкой к горному делу. Вся эта нелепость была, конечно, следствием общей разрухи в России. Каким бы я мог стать горным инженером? Да никаким! Но к экзамену я всё же стал готовиться, оставаясь в Новочеркасске. Ксения уехала в Полтаву, куда переселились родители, и встретиться с ней снова я смог только через год. Начал вспоминать математику, решал всякого рода задачи, и в августе пошёл на экзамен. Меня приняли в институт по горному отделению. Очень хорошим профессором был некий эстонец Ряго, и я с удовольствием ходил на его лекции, начиная понимать кое-что из высшей математики, которую в гимназии мы не проходили. Кстати, директором института был профессор Юпатов, с которым мы встретились в Риге позже (И. Ф. Юпатов до 1934 года более 10 лет был начальником Русского отдела Министерства образования Латвии – *ред.*). Дома я по-прежнему играл на скрипке, папа прекрасно аккомпанировал, а я делал это же для папы, когда он играл на виолончели.

Политическая жизнь на Дону как будто стабилизировалась под руководством генерала П. Н. Краснова. Освобождение Дона от большевиков произошло под Пасху 1918 года, когда неожиданно пришла на помощь из Румынии дивизия русской армии, которой командовал генерал Дроздовский, патриот и великолепный военный стратег. Слава этой блестящей дивизии живёт и поныне (1968) в среде русской эмиграции.

Я не пишу историю гражданской войны на юге России, для этого у меня нет детальных знаний всего происходящего. К зиме 1918 года положение антибольшевистских сил было ещё неясным, но знаю, что готовилось наступление белых армий в южном направлении, то есть на Кавказ и на южное побережье Чёрного моря, а несколько позже созревало уже наступление и на север. Одним словом, готовился удар в двух направлениях – на юг и на север, на Москву. В начале 1919 года была объявлена мобилизация офицерских кадров. Занятия в институте для меня закончились, и я никогда к ним уже не возвращался. Надо было снова экипироваться по-военному, и я получил приказ отправиться в Новороссийск в распоряжение командира «военного порта» этого города.

Около 10 января я отправился через Ростов в Новороссийск. С вокзала пошёл к моему товарищу по ОГК Крестовоздвиженскому, который жил в квартале, называвшемся Стандарт. Он был уже женат на дочери генерала Верховского Кире. Мне они уступили одну комнату, но долго жить у них мне не пришлось, поскольку он был переведён в штаб командующего флотом в Севастополь.

После краткого пребывания в качестве дежурного офицера флотского экипажа, где делать было почти нечего, меня назначили флаг-офицером строевого отдела управления порта. Начальником этого отдела был капитан I ранга Сергей Львович Трухачёв – очень ко мне благоволивший человек со странностями, но глубоко порядочный, офицер гвардейского экипажа. Когда деятельность отдела стала развиваться, то был увеличен состав отдела и помощником Трухачёва стал капитан I ранга Картавцев, тоже офицер гвардейского экипажа, так что я очутился в гвардейском окружении. Командиром же Новороссийского военного порта был контр-адмирал Клыков, бывший командир «Императрицы Марии». Отношения друг к другу были товарищескими и вполне хорошими, каковыми и остались до конца. Всегда вспоминаю именно об этой высоко порядочной группе военных, среди которых я был одним из младших.

Вскоре после прибытия в Новороссийск было получено известие, что вблизи Керчи орудует большевистская группа, прятая в пещерах у входа в залив. Эти пещеры были результатом каких-то раскопок, и в них скрывались большевики. Было приказано собрать партию для очистки пещер. На каком-то крейсере мы, вооружённые ружьями и пулемётами, отправились по назначению, а когда туда прибыли и связались с местными властями, то оказалось, что все группы коммунистов рассеялись, и в пещерах никого не было. Не сделав ни одного выстрела, мы пошли обратно в Новороссийск. В марте-апреле 1919 года приехал в Новороссийск брат Жорж с женой и младенцем Олегом. Жорж скоро был назначен офице-



ром связи с военным губернатором, которым, помнится, был в этот период генерал Кутепов, а потом генерал Волков.

В апреле 1919 года я был включён в группу морских офицеров, отправлявшихся в Севастополь для осмотра кораблей Черноморского флота и установления, какие именно суда пригодны для службы и перевода в Новороссийск, где военных судов не хватало. Осмотр кораблей дал печальный результат, так как все большие корабли были в 1918 году приведены в негодность – кем, большевиками? – нет, англичанами, нашими союзниками в войне! Англичане боялись, что немцы, двигавшиеся на юг в Крым, используют эти корабли против них. Мы выбрали небольшой кораблик службы связи. Подготовив его к переходу, мы отправились в Новороссийск и привели его на рейд вполне благополучно.

За время пребывания в Севастополе я узнал от знакомых ещё по Либаве (Данкеевых), что в морском госпитале лежит больной сыпным тифом наш двоюродный брат Володя Климов. Я немедленно отправился в госпиталь и был допущен в заразную палату. Там я нашёл нашего Володю в тяжёлом состоянии, подбодрил его как мог. Он умолял меня не бросать его тут, боясь все ещё возможного наступления большевиков на Севастополь. Я его успокоил, обещал взять на наш кораблик и довезти до Новороссийска. Так я и сделал. Не помню, куда из Новороссийска Володя уехал, но узнал при встрече с ним уже в Константинополе, что ему многое пришлось пережить.

Всё лето 1919 года я оставался в Новороссийске, служба офицером в Управлении военного порта. В свободное время выезжали за город. Помню поездку в широко известную государственную винодельню Абрау-Дюрсо, где дегустировали вина всех сортов. Положение на фронте было удовлетворительным, и когда папа сообщил мне, что Полтава освобождена от большевиков и можно попробовать выписать Ксению в Новочеркасск, то я загорелся этой мыслью. В Полтаву полетели письма и телеграммы, в результате чего Ксения собралась с силами и приехала в Новочеркасск. Я получил на время отпуск, и, встретившись с Ксенией, мы решили нашу судьбу.

Я должен был вернуться в Новороссийск, а Ксении необходимо было побывать в Полтаве, чтобы подготовиться к свадьбе. Ксения должна была отправиться в путь через два дня после моего отъезда. Приехав к себе в Новороссийск, я почувствовал очень большую тревогу за неё, поскольку устойчивости на фронте не было и могло случиться, что вернуться из Полтавы Ксения не смогла бы. С беспокойством в сердце я решил обратиться к адмиралу, объяснить ему ситуацию и просить разрешения на краткую поездку для бракосочетания, задержав, конечно, отъезд Ксении из Новочеркасска в Полтаву. Адмирал всё понял и дал мне разрешение на поездку. На следующее утро я уже сидел в поезде на Ростов и сильно нервничал.

Вот, наконец, Ростов. Выбегаю на платформу и кого вижу? Михаила Юрьевича Татарова, дядю Ксении, и её двоюродного брата Мишу Перекотия. Михаил Юрьевич говорит: «А мы час тому назад проводили Ксению в Пол-

таву!» Господи, что же делать?! Миша посоветовал обратиться в жандармерию с просьбой распорядиться высадить Ксению по дороге в Таганрог, а мы с Мишей помчались бы за ней в следующем поезде. Жандармский ротмистр поинтересовался причинами такой спешки, уточнив: «Может, она украла у вас что-нибудь?» Услышав, что тут погоня за невестой, он рассмеялся и приказал телеграфировать в Таганрог телеграмму: «По распоряжению мичмана Климова задержать едущую в поезде в Таганрог Ксению Александрович, высадить её из поезда и ожидать едущих за ней в буфете». Сев в поезд в погоне за ней, волновались очень: а вдруг её поезд уже ушел, и телеграмма не была сообщена ей? Как только мы приехали в Таганрог, Миша побежал в буфет, где сидела страшно испуганная Ксения в слезах. Но дело было сделано, и она была нашей «арестованной». Оставалось отправить её в Новочеркасск, установить связь с матерью Ксении в Полтаве, телеграфно сообщить ей обо всем произошедшем и просить срочно приехать на свадьбу. Всё с Божьей помощью так и устроилось, и 19 октября 1919 года мы обвенчались. Я срочно вернулся на службу, а Ксения задержалась с матерью, так как мне надо было ещё наладить вопрос с квартирой, точнее говоря, с комнатой. Мне отвели помещение в здании Управления Военного порта, нашлась и мебель, и самое нужное. Это была наша первая «квартира», где мы начали совместную жизнь.

\* \* \*

К осени 1919 года положение на фронтах стало ухудшаться. Удар на Москву не удался, началось отступление на юг. О причинах этих неудач написано много книг. Главной же причиной поражения было то, что втянуть в борьбу с большевиками народ, то есть крестьян, не удалось. Большевистская пропаганда оказалась могущественнее, и народ не разобрался в том, что несёт на самом деле за собой красная власть, а когда разобрался, то было уже поздно. К этому можно ещё добавить, что помощи со стороны наших союзников также не было, ибо и они не поняли, что последует за победой большевиков. Не знаю даже, поняли ли они и сегодня причину хаоса на земле, который принесло воцарение коммунизма в России.

В конце декабря 1919 года адмирал Клыков был переведён в Варну, и его место занял контр-адмирал Вяткин. По рекомендации капитана I ранга Трухачёва я был назначен флаг-офицером к адмиралу Вяткину. Свои обязанности я нёс вплоть до эвакуации всей армии из Новороссийска. Это были страшные дни! Борьба к тому времени уже закончилась. Улицы и набережная Новороссийска были запружены людьми и военным имуществом: людские массы искали спасения, добиваясь возможности погрузиться на какое-либо судно и перебраться в Севастополь, где всё ещё имелась возможность возобновить борьбу с большевиками.

Все чины морского ведомства с семьями были погружены на транспорт «Лазаревич», и 13 марта (по старому

стилю) мы покинули Новороссийск. В это время красные войска спускались с гор. Защищать город не было никакой возможности, и «помощь» была оказана лишь залпами стоявшего на рейде английского броненосца по горным дорогам, по которым шли красные войска.

У нас с Ксеной ещё на пристани украли один чемодан. И в Феодосии, куда мы зашли, всё моё имущество было «выгружено» французской миссией, пока я был в церкви.

По приходе в Севастополь мы с Ксеной несколько дней ночевали в Морском собрании, где было, конечно, ужасно. Мы устроились за ширмами, где можно было немного поспать, но мешали люди, проходившие и днём, и ночью через нашу комнату. К тому же ещё ночью повсюду бегали огромные крысы, что было отвратительно. Нервы мои не выдержали, и я заболел нервным расстройством, но дней через пять молодой организм оправился. Поиски комнаты, наконец, увенчались успехом, и мы получили комнату в офицерской квартире, хозяином которой был адмирал, имени которого сейчас не помню.

Что же я делал в это время? Когда мы покинули Новороссийск, я продолжал числиться флаг-офицером вице-адмирала Вяткина, но фактически работы у меня никакой не было – всё бездействовало и разваливалось! Так прошло месяца полтора. Наконец, меня вызвали в штаб командующего. Это было, кажется, в апреле. В штабе мне заявили, что я назначен на «Ростислав», который отправляется в Керченский пролив для его защиты от возможного прорыва судов красного флота из Азовского моря. Переход до Керченского пролива прошёл благополучно, и «Ростислав» был поставлен на якорь в 2–3 милях от

Керчи, в проливе напротив Тамани. Судно имело башни с восьмидюймовыми орудиями, и нам было поручено наблюдение за проливом в Таманской бухте и Гушкинской косой.

Командир «Ростислава», хотя и был старшим лейтенантом и артиллеристом, но, главным образом, был ничем. Он совершенно не интересовался боевой подготовкой офицеров и команды, а вместо этого сидел в каюте и занимался... сапожным делом!

Состав команды был укомплектован офицерами армии и даже гвардии. Я был очень удивлён, что командир назначил меня ротным командиром, причём армейские офицеры были много старше меня. Всё было нелепо и бессмысленно.

Снабжение провиантом приходило из Керчи, но еда была скверная и недостаточная. Мы все скучали от безделья. Денежное снабжение приходило из Севастополя, где лейтенант Оноприенко заботился об этом, сам живя в Севастополе, но числясь в составе корабельных офицеров и команды.

Никакой боевой деятельности сначала не было. На берег отпускали редко. Иногда прилетали советские аэропланы и сбрасывали на нас бомбы, но без успеха. Однако спустя месяц кое-что произошло – мы стали замечать каких-то людей на Гушкинской косе. В конце косы стояло несколько сараев, и именно туда с Таманской стороны проникали эти люди. Отчего и для чего они это делали, понять было невозможно. Я переговорил со старшим офицером, и мы решили приготовиться к атаке, как только увидим движение на косе. Случай представился,

и, установив, что какие-то вооружённые люди снова ходят по косе, мы спустили моторную шлюпку, установили на ней пулемет и пошли полным ходом по направлению к косе. Когда приблизились, то увидели убегающих людей и открыли по ним пулемётный огонь. Они прилегли, и мы приостановили стрельбу. Офицеры с «Ростислава», следившие за нашей вылазкой, дали сигнал возвратиться, и мы повернули к кораблю. Никаких потерь среди убежавших не было. Этим всё и закончилось, и, прибыв на корабль, я доложил обо всём командиру. Для меня эта «боевая акция» была первой и последней в жизни. Однако ночью мы были обстреляны с Таманского полуострова картечью из полевых орудий, видимо, из желания отомстить за нашу активность. Никаких повреждений этот обстрел «Ростиславу» не причинил: картечью пробить броню невозможно. «Ростислав» же обстрелял восьмидюймовыми снарядами берег и нанёс кое-какие разрушения.

Недели две спустя я испросил разрешение на поездку в Севастополь. Мне его дали, и я никогда больше не возвращался на «Ростислав». Судьба его закончилась гибелью: при отступлении его приказали утопить в Азовском море.

Между тем, в Севастополе сменилось главное командование. После того, как генерал Деникин передал власть главнокомандующего генералу П. Н. Врангелю, последний обратился к русским людям и к армии с пламенной речью, стоя у подножия памятника Нахимову. Речь эта была не только блестящей, но и патриотически-вдохновенной. Слышавшие эту речь не забудут её.

Мне повезло. В то время шла работа по починке судов, где это было возможно. На эскадронном миноносце «Гневный» не хватало офицеров. Заведующим работами на «Гневном» был капитан II ранга, инженер-механик Пайдаси, он же исполнял обязанности командира. Пайдаси получил согласие на перевод мой на «Гневный», и я остался в Севастополе.

Постепенно положение в закупоренном красными Крыму становилось всё более критическим, однако вера в генерала Врангеля была стопроцентной: мы все знали, что Врангель никогда не бросит нас на произвол судьбы. И вот подошли сроки – красные прорвали на севере фронт, и началось полное отступление Белой армии на юг, к Севастополю. 1 ноября Врангель опубликовал свой приказ к отступлению, обещав при этом взять всех, кто решит уходить с флотом в чужие страны. Наш «Гневный» взяли на буксир и благополучно довели до Константинополя.

Не буду описывать драму нашего исхода. Об этом существует литература. На «Гневном» мы прожили около двух месяцев, и приблизительно в феврале 1921 года выяснилось, что военные корабли будут направлены в Бизерту (Тунис) и что дальнейшая судьба их ещё не решена. Для похода через Дарданеллы и по Средиземному морю переселили жён и детей на «Георгий Победоносец», а военные оставались на «Гневном». Поход и для нас на «Гневном», и для семейств на старом «Георгии Победоносце», был очень трудным и мог стать трагическим. Ночью около острова Андрос мы попали в страшный шторм. «Гневный» бросало ужасно и многие из нас



думали, что мы погибнем, так как трос наш лопнул, а тянувший нас французский буксир «Соque» скрылся из виду.

Наконец, лишь утром, буксир снова подошёл к нам, мы закинули стальной трос и к полудню уже подходили к Коринфскому каналу. А «Георгий Победоносец» потерпел аварию невдалеке от Сиракуз. Один офицер, лейтенант Ставицкий, погиб, дымовая труба свалилась в море. Мы пришли в Бизерту раньше и дня через два увидели становящегося на рейд «Георгия», но в каком виде! Флаг был приспущен по случаю смерти Ставицкого (он был штурманом), дым валил из дыры, где раньше была труба. Но контакт с «Георгием» был скоро восстановлен, и жёны и семьи вернулись к своим мужьям. Начался период рассредоточения по различным странам. Мы с Ксеной покинули Бизерту в сентябре и через Париж и Берлин приехали в Ригу, где братом Георгием были собраны почти все члены нашей семьи.

В Риге мы прожили до новой эвакуации в 1944 году 23 года, но об этом я напишу в следующей главе.

## ***Глава пятая***

### **РИГА (1921–1944)**

Радость встречи всех нас, четырёх братьев и нашей мамы, была, конечно, велика, но скоро я почувствовал беспокойство из-за того, что у нас не было никакой практической основы для существования, и все мы плыли

куда-то в неизвестность. Жорж сотрудничал с неким Куле, занимаясь продажей нефти, доставляемой из Америки, но очень скоро их дело лопнуло. Такая же участь постигла и другое коммерческое предприятие по продаже американских автомобильных шин. Коммерсантами мы оказались некудышними, и я вскоре вовсе отошёл от этих дел. Были и другие неприятности, мешавшие стабилизации нашей жизни. Поэтому я решил начать серьёзные занятия по классу рояля у Н. А. Дауге. Целый год я занимался у него частным образом, а в 1922 году выдержал экзамен в консерваторию в класс Н. А. Дауге. Моё обучение закончилось в мае 1927 года, и я получил звание «свободного художника». Начинать карьеру концертного артиста было поздно, и я сосредоточился на педагогике, ставшей моей профессией и дававшей мне возможность существования.

О рижском периоде можно было бы написать длинную главу, так как жизнь там была интересна и близка нашему сердцу благодаря сохранившемуся в Риге «русскому духу». Там почти все, за исключением Олега, молодые члены нашей семьи родились и начали учиться в школах с русским языком обучения. И всё же я не буду описывать 20-е и 30-е годы, памятные всем нам, а перейду сразу к драматическим событиям 40-х годов.

1940-й год всё перевернул. 17 июня Рига (и вся Латвия) была занята частями Красной армии. Это положило начало новым бедствиям. Кратко опишу, что именно случилось. Мы с Ксеньей сняли на лето дачку в Огре, в километрах 25-ти от Риги. Я в это время приостановил свою педагогическую деятельность в русской гимназии

и временно стал работать совсем в иной области, устав от школьной жизни, которая материально давала очень мало. Один из членов промышленной семьи Майкапар, Кирилл, бывший в это время финансовым распорядителем фабрики «Гёгингер», сделал мне предложение оставить школу и занять вакантное место так называемого управляющего (на латышском – *pārvaldnieks*) на этой фабрике, на что я согласился. И вот, когда я ехал на работу в поезде из Огре в Ригу, ко мне подошёл поставщик дров на фабрику и шепнул на ухо, что утром он слышал по радио, будто на границе Латвии с СССР был убит советский солдат, что и послужило причиной политических перемен. Около 12-ти часов я был в городе у вокзала и то, что я увидел, потрясло меня: по улицам катили советские танки и грузовики, наполненные красноармейцами. Они «приветствовали», радостно улыбаясь, ничего не понимающих людей на улицах. Город был в смятении. Я сейчас же сел в обратный поезд и прибежав домой, лишь спросил Ксению, знает ли она, что происходит в Риге. Она не имела никакого понятия о событиях и страшно испугалась, узнав о «радостном прибытии» Красной армии.

В первые же дни начались «прелести» советского режима: аресты, увозы и страх, страх, страх! Сколько помню, чуть ли не первым арестованным был Борис Александрович Энгельгардт, полковник Генерального штаба, бывший член Государственной думы. Он был увезён тотчас же после ареста и, конечно, исчез навсегда (Б. А. Энгельгардт действительно был репрессирован в 1940 году, но в 1946 году вернулся в Ригу, где и умер в 1962 году –

ред.). Полковник Юрий Галич (при Временном правительстве получил звание генерал-майора – ред.), которому большевики предложили сотрудничество, покончил с собой, повесившись у себя дома, и этим доказал, что сотрудничать с коммунистами не будет.

Советы называли своё вторжение «освобождением народа». Нас нечего было «освобождать», и мы, напротив, тотчас же почувствовали себя закабалёнными. Аресты, ночные увозы в неизвестное, отправки в тюрьмы и ложь, ложь во всех начинаниях и обещаниях. Почти немедленно было объявлено, что деньги страны (так называемые латы, соответствовавшие швейцарским франкам) потеряли свою ценность. Обменивалась на советскую валюту лишь очень небольшая сумма, что означало, что сбережения людей были попросту украдены. Впрочем, писать обо всём этом, может быть, и не стоит, так как все приёмы большевиков слишком хорошо известны и не изменились и по сию пору. Однотипная метода разработана была большевиками для всех народов и государств. Грабёж и убийство они проявляют и применяют всюду, куда проникают. Это их система и программа действия, обязательная для всех случаев, и применяемая в порядке декрета об «освобождении» какого угодно государства.

Но добавлю ещё рассказ о том, что лично мы пережили в Риге. Войдя 17 июня 1940 года, Советы пробыли до июля 1941 года, то есть до прихода немцев. Население Латвии, за очень малым исключением, было явно против советских порядков и методов. Когда открылись школы, я вернулся к педагогической работе и стал пре-

подавать пение в 1-й основной школе. Немного позднее я взялся ещё за одну школу, где занятия проходили вечером. Материально это давало возможность существовать, и только.

Несколько раньше, сразу после установления новой власти, произошёл следующий эпизод. В газетах было объявлено, что все профессионалы-музыканты приглашаются на собрание, на котором будут обсуждаться проблемы большой важности, касающиеся музыкантов всех профессий. Я сперва не имел намерения идти на это собрание, но кое-кто из моих друзей настаивал на том, чтобы мы все дружно появились, считая, что нам необходимо узнать, каковы взгляды большевиков на нашу профессию. Я согласился. В зале присутствовало человек 60–70 музыкантов. В президиуме уселись пять человек, из которых я знал лишь двоих – пианиста С. А. Тагера и певца Берзиня. Собрание началось с выступления какого-то типа, старавшегося убедить нас, что только сейчас мы, музыканты, осознаем нашу роль в деле воспитания подрастающего поколения, и что это будет самым счастливым временем нашей жизни. Говорил этот человек минут двадцать, а закончив, спросил, не имеем ли мы каких-нибудь вопросов. Что-то шевельнулось во мне, и я почувствовал необходимость ответить на слова говорившего – несомненно! – агитатора. Я встал и сказал, что мы никак не можем представить себе это «счастливое время» и, наоборот, уверены, что для нас наступает самое тяжкое время жизни. Говорил я минут пять. В президиуме началось беспокойство: все, видимо, спрашивали, кто я такой. Я не задерживался, встал и ушёл

домой, взволнованным, конечно, но без каких-либо препятствий. На следующий день, идя по делам в город, услышал вдруг на Елизаветинской улице, что меня кто-то зовёт. Я повернулся и увидел С. А. Тагера, который подзывал меня к себе. Когда я подошёл, он, волнуясь, спросил: «Константин Евгеньевич, вы поняли, что вы вчера сказали на собрании?» Я ответил утвердительно. «А вы знаете, что я вас спас? Люди спрашивали меня, кто вы такой, я им сказал, что вы всем известный невменяемый человек». Меня никто не искал, и вся эта история закончилась ничем. Да, С. А. Тагер несомненно спас меня этим объяснением.

Гораздо позже, уже при немцах, бедный Тагер был арестован и убит как еврей и коммунист!

«Советский период» остался в памяти навсегда. Достаточно сказать, как переживала всё это бедная Ксения. Она стояла у окна приблизительно с 23-х до 4-х часов, чтобы видеть, приедут ли за мной. Нервы были у всех натянуты, так как ночные увозы уже происходили регулярно, а массовые произошли в ночь на 14 июня 1941 года. Мать моих учеников Хордасовых позвонила ночью по телефону и, торопясь, сказала, что идут массовые аресты и увозы, и посоветовала нам немедленно уходить из дома.

Собрались быстро и пошли к нашему старому другу Зинаиде Александровне Калинин, жившей неподалёку от нас. Страшно было идти по тёмным улицам: нас могли задержать и отправить немедленно куда-либо. Мы ночь и день пробыли у неё, остались и ещё на день и лишь к вечеру вернулись к себе домой. Бог нас хранил! В квартире всё было в порядке, никто не приходил за нами.

Провели, конечно, очень беспокойную ночь, а утром я поехал в гимназию, где был встречен очень дружески коллегами, которые были уверены, что меня вывезли. Я пошёл к директору (коммунисту, латышу, почти безграмотному), которого звали, кажется, Казик. Прибыл он якобы из Казани. Он мне сказал, что акция вывозов закончилась и мне нечего беспокоиться. Когда я с сомнением покачал головой, он даже прикрикнул на меня, повторяя, что раз меня не вызывали в чека, следовательно, мне ничего не угрожает.

Гимназия готовилась к выпускному акту. Среди оканчивавших её была наша Ира (дочь брата Георгия – *ред.*). Акт прошёл спокойно. Нам, педагогам, раздали советские книги, главным образом сочинения Ленина. Когда я вернулся домой, то тотчас же сжёг эту «литературу» в нашей печке. После акта мы стали готовиться к выезду из города на лето. Решили ехать на дачу, что недалеко от Риги. Дача эта принадлежала старикам Баробс (их дочь Марита скоро вышла замуж за нашего Олега (имеется в виду сын брата Георгия – *ред.*) и находилась на берегу так называемого Чёрного озера (Langstīņezers). От Риги до озера было около 15-ти километров, а от большой дороги, идущей на восток, в Двинск и Псков, было около километра.

Уехать из Риги на дачу можно было только на такси, но это надо было сделать так, чтобы не видел дворник дома: он мог сочувствовать коммунистам. Бог помог, и я нанял неподалёку от нашего дома такси, уговорившись, чтобы за нами приехали около 3-х часов пополудни. Когда такси подъехало за нами, то жена дворника спросила

шофёра, за кем он приехал и куда повезёт. Молодец таксист: ответил, что не знает. Взяв с собой два чемодана, мы, не задерживаясь, уехали на озеро.

Тем временем обстановка резко изменилась, и всем стало ясно, что Красная армия уходит на восток под натиском немцев. Мне казалось, что лучше всего нам было бы уйти глубоко в лес и там ожидать уход Красной армии. Так мы с Ксеньей и сделали. Углубившись в лес, мы залегли в вереске, наблюдая, однако, из нашего «логовища» за лесом. И вдруг увидели неподалёку двух людей, идущих в нашу сторону. Стало страшно. Что делать? Прижались к земле плотнее и наблюдали за движением незнакомцев. Бог и тут помог нам: эти люди свернули в другую сторону, и мы облегчённо вздохнули. Стало ясно, что укрываться в лесу нереально, и мы решили вернуться на дачу.

Несколько дней мы прожили на даче без всяких приключений. Но Ксения решила ещё раз побывать в городе, чтобы собрать нужные, как ей казалось, вещи. Я отговаривал её, но она настояла на своём и уехала на поезде в Ригу. Сговорились, что она вернётся около 2-х часов. За час до условленного возвращения я уже был на станции Baltezers (Белое озеро). Прошёл час, два, три, но поезд из Риги не приходил. Наконец, с пятичасовым опозданием поезд пришёл. Оказывается, на Ригу был налёт немецкой авиации, и Ксене пришлось во время бомбёжки прятаться по каким-то дворам и домам. На вокзале была страшная суматоха, и она еле втиснулась в вагон с тяжёлым багажом, за которым она и ездила в город.



На даче жили мы с Ксеньей, Манечка с двумя детьми (имеются в виду супруга брата Евгения, Мария Клементьевна, и её дети Алексей и Глеб – *ред.*) и Ира. Хозяева жили в другом доме на том же участке. Время от времени мы с Ксеньей ходили гулять к расположенному невдалеке Белому озеру. Как-то раз, проходя мимо большой дачи, в которой несколькими годами раньше жили летом брат Жорж с женой, мы присели напротив дачи на дороге. Мы знали, что теперь здесь жили какие-то приехавшие советские люди. Возле дома стоял грузовик, в него грузили вещи. Было ясно, что обитатели дома собираются уезжать. Мы поняли, что это начало эвакуации и, конечно, очень обрадовались. Однако наблюдать за отъезжающими было опасно, и мы заторопились домой.

Один из самых драматических случаев произошёл дня через три, в пятницу, 27 июня 1941 года. Расскажу об этом эпизоде, когда я лично был в большой опасности. В тот день после обеда я попросил у соседки, жившей напротив нашей дачи, позволения послушать радио. Как только аппарат начал передачу, я услышал радостные крики толпы. Передача шла из Литвы, и сообщалось, что Ковно (Каунас – *ред.*) освобождён немцами, и толпа ликует. Вдруг прибежала Ксения и говорит: «Иди скорее домой, по дороге идут вооружённые люди». Я деланно-спокойно – иначе могли бы открыть стрельбу по бегущему – пошёл домой. Минуты через 2–3 группа людей была уже на нашем участке. Я прошёл в столовую, думая там остаться и не выходить, но один из прибывших обошёл вокруг дома и, конечно, увидел меня. Всего их было человек 12–15. Подошла Ксения и сказала, что я должен

выйти. Я почувствовал жуткий холод в сердце: «Ну, это, значит, конец»... У двери в садике уселись все бывшие в доме женщины – Ксения, Ира, мама, Манечка, Елизавета Кузубова – и разыграли сцену, что никто из них не боится. Ко мне подошёл красноармеец и потребовал паспорт. Я дал ему мой латвийский паспорт. «Кто вы, чем занимаетесь?» – спросил военный. «Я учитель», – ответил я. «Учитель? Учитель чего?» – «Музыкант». Подошёл ещё кто-то и сказал: «А я тоже симфонию Брамса разыгрывал». Но сказано это было с таким страшным выражением издевательства, что я содрогнулся, поняв, что именно он хотел этим сказать. Пришельцы как-то медлили, точно не зная, что с нами делать. Трое из них пошли в дом хозяев и пробыли там около получаса, а оставшиеся возле нашего дома, видимо, дожидались их возвращения. Наконец, они вернулись, и в этот самый момент мы слышали жужжание мотора аэроплана. Разведчик немцев! Аэроплан пролетел, не торопясь, над нами, видимо, заметив присутствие каких-то людей, затем облетел вокруг озера и снова пролетел ещё ниже над нами.

Солдаты заволновались. Слышно было, что они говорили: «Ну, идём, идём...». Оглядываясь, они спустились к озеру, затем ускорили шаг и скрылись в лесу. Всю ночь мы не спали, боясь их возвращения.

Дальнейшие события развивались быстро и неудержимо. Красная армия уходила, бросая военное имущество и снаряжение, неудобное для вывоза, на шоссе, в лесах и где попало. Мы решили возвращаться в Ригу, когда узнали, что немцы уже в городе. Квартира не была ограбле-

на и её, очевидно, никто не навещал. Наступало время больших изменений и новых опасностей.

При открытии школ (а это состоялось далеко не сразу, так как немецкие власти с подозрением смотрели на русские школы и тормозили дело) я был назначен инспектором нашей гимназии, а её директором – Николай Семёнович Фёдоров, с которым я был и раньше в дружеских отношениях. Самой трудной задачей в приведении школы в порядок была борьба с падением дисциплины – явлением, проявляющемся, конечно, не только в нашей русской гимназии, а во всех школах города. Надо сказать, что нам всё же удалось восстановить дисциплину.

Наша гимназия была смешанной, то есть были и ученики, и ученицы, но это не создавало затруднений. Мальчики требовали, впрочем, больше воздействия, легче подпадая под дурное влияние, чем девочки.

На мне лежала большая ответственность, тем более напряжённая, что шла война, а это вызывало и создавало особую атмосферу в стране. Я имел лишь одно столкновение за всё время работы. Расскажу об этом.

Занятия у нас шли в послеобеденное время, с двух до шести с половиной часов. И вот однажды сторож гимназии пришёл ко мне и сообщил, что несколько бывших учеников, исключённых ранее из гимназии за дурное поведение, явились и начали дебоширить: заходили в классы, скандалили, угрожали. Они поднялись и ко мне, среди них я увидел бывшего ученика Клишина. Он был в форме немецкой жандармерии с револьвером на боку. Развязно обратившись ко мне, он сказал, что хорошо знает, что я думаю о немцах, и добавил: «Таких мы

на Украине отправляем на тот свет без пощады». Я велел ему и остальным немедленно покинуть гимназию. Обругав меня, Клишин всё же ушёл вместе со всеми, продолжая ругаться на лестнице. На следующий день я посетил немецкого чиновника, заведующего школами Риги, и рассказал ему о произошедшем накануне. Он был возмущён, сожалел, что мы сразу не телефонировали ему, а дали возможность хулиганам уйти, и обещал, что если они ещё раз появятся, то он немедленно пошлёт военный патруль для захвата безобразников. Этим закончилась неприятная история, и никто больше к нам не приходил.

Добавлю, что судьба свела меня с Клишиным ещё раз, но уже при совсем других обстоятельствах. Произошло это в 1947 году в городе Равенсбурге, где мы в то время проживали. Как-то днём я был в городе, а по возвращению домой был встречен Ксеньей, которая тихо сказала: «Тебя кто-то ждёт, хочет говорить с тобой». Войдя в нашу спальню, я увидел ... Клишина! Очень смущённый, он подошёл ко мне и сказал: «Константин Евгеньевич, я приехал в Равенсбург, узнав, что вы здесь живете. Я приехал издалека, чтобы принести вам моё извинение за то, что я когда-то сделал в Риге. Простите меня!». Голос его дрожал, да и я был взволнован такой неожиданной встречей. Он немедленно ушёл, и я больше никогда его не видел.

## *Глава шестая*

### ГЕРМАНИЯ И КАНАДА

В начале августа 1944 года мы с Ксеньей, мама и Манечка с детьми погрузились на немецкий транспорт и покинули Ригу морским путём, причалив в порту Данцига. По прибытии нам было сказано, что мы будем доставлены в выбранное нами место. Мы с Ксеньей и некоторыми друзьями избрали и получили направление в Вену, а мама и семья Жени направилась в западную Чехословакию, в так называемую Sudetengau (Судетская область – *ред.*), где тогда проживала семья брата Павла. Женя присоединился к ним приблизительно через месяц (речь идёт о брате, художнике Е. Е. Климове – *ред.*).

Мы благополучно доехали до Вены. Выбрали мы это направление, собственно, по интуиции и не ошиблись. В Вене тогда находились знакомые по Риге – Иван Михайлович Сухов (пианист, композитор и педагог – *ред.*) с женой. Они помогали, как могли, нашему устройству, что было достаточно сложно, ибо Вену переполнили беженцы и найти пристанище было трудно. Но – и тут Бог нам помог! – мы прожили в Вене до конца октября. К этому времени я получил место преподавателя по классу рояля в небольшом городке Gmünd (в Австрии – *ред.*). Там мы прожили вполне благополучно зиму 1944–45 года, получив прекрасную комнату в семье Pilz. Прекрасные люди были эти Pilz! Старик владел мельницей, которая всё время работала, а замужняя дочь его, Frau Senger, была нашим «Ангелом Хранителем». Я тотчас же начал

работать, число учеников доходило почти до двадцати, и были только девочки и девицы. Из семьи Senger дочка Marlies была моей ученицей. Ей было тогда 8 лет.

О жизни в Gmünd могу сказать, что хорошие люди не перевелись. Вот случай: как-то заведующий музыкальной школой сказал мне, что к нему в бюро приходил такой же преподаватель в соседнем городке, как я в Gmünd'e. Услышав от заведующего, что в школе Gmünd'a работает русский пианист, этот человек сейчас же выразил желание со мной познакомиться. Он пришёл ко мне, и мы сейчас же подружились. Звали его Негг Fuchs. На первом же свидании он сказал мне следующее: «Я был на войне в России (речь шла о Первой мировой войне), попал в плен, и меня отправили в Казань. Там я стал репетитором по немецкому языку в семье директора Государственного Банка, с которым мы подружились. Я жил в его доме, мы вместе ездили на рыбалку на Волгу. Я храню в своём сердце воспоминание о трогательном отношении ко мне со стороны русских людей. Этого я не забуду, и я считаю себя должником вашим, как русского человека. Я постараюсь вам помочь всюду, где я смогу, чтобы и вы, попавшие в беду, чувствовали то же, что я в России». Надо ли говорить, как я был тронут его словами? Фукс приезжал ко мне из своего городка, и всегда с чем-нибудь; к Пасхе он привез крашеные яйца («Как у вас это делают!»), помогал советами, и мы оба сошлись в подлинной дружбе.

И вот настал момент, когда нам стало ясно, что оставаться в Германии и вообще в Европе не имеет смысла, да и просто невозможно. Вопрос первый – куда же

ехать? Этот кардинальный вопрос в какой-то мере затронул всех выброшенных из родного гнезда. Выдумывались разные комбинации, но всё это было на «фу-фу», то есть пробовали ехать и туда, и сюда, и при таких обстоятельствах непременно возникали роковые ошибки. Мы с Ксеньей, как и все, оказались перед выбором, но не могли принять решения, так как в перспективе ничего не было видно.

Я написал в Швейцарию Ивану Александровичу Ильину, нашему дорогому другу, написал кузине Оле Мосоловой, от которой получил из Аргентины аффидевит на эмиграцию в эту южноамериканскую страну, но решиться на этот шаг было страшно: испанского языка мы не знали, да и пугал незнакомый климат. Писал группе моряков, застрявших с 1921 года в Тунисе, и тоже получил приглашение на приезд туда. А тем временем Иван Александрович снёсся с замечательным композитором и человеком – Николаем Карловичем Метнером, проживавшем тогда в Лондоне. У меня с Н. К. Метнером была дружеская связь, установившаяся во время его приезда на концерт в Ригу в 1932 году. И вот месяца через два я получил в Равенбурге письмо от Н. К., в котором он написал: «А не могу ли я помочь вам переехать в Канаду, где у меня есть друзья?» Тут для нас не было колебаний, и я дал положительный ответ.

Как результат действия Николая Карловича я получил вскоре письмо от некоего аббата Тюркотта из Trois-Rivières (Труа-Ривьер – пятый по величине город в канадской провинции Квебек – *ред.*). Он сообщал, что музыканты-профессионалы нужны в Канаде, и если я буду

согласен на переезд в Trois-Rivières, то он начнет хлопотать, чтобы нас приняли в Канаду. Мы с Ксенией приняли возможность эмиграции в Канаду очень быстро и благожелательно.

Письмо моё аббату было отправлено в конце 1947 года, но ждать решения из Канады пришлось довольно долго, и формальности были закончены к сентябрю 1948 года. 24 сентября мы отправились сначала в лагерь, где нас подготовили к переезду, а само путешествие через океан закончилось 16 октября 1948 года. На вокзале в Trois-Rivières нас встретил наш дорогой Tabbè Turcote. Ручка Божия не только помогла нашему переезду в далёкую страну, но и привела к такому чудесному человеку, как аббат! Вскоре (после моих трёх выступлений на концертах, которые прошли с большим успехом) мы начали вживаться и привыкать к атмосфере и жизни в стране, которая стала нашей новой родиной. За всё благодарю Господа! Инициатива Метнера дала результаты удивительные: мне удалось осуществить не только наш переезд, но и выписать семьи Жени и Жоржа (имеются в виду братья Евгений и Георгий – *ред.*), и все они обжились и устроились в Канаде, видимо, навсегда, работая каждый в своей области.



## Приложение

### ЛЮБИМЫЕ МЕСТА

29 мая 1968 года я снова в Нагнау на Боденском озере (земля Баден-Вюртенберг, ФРГ – *ред.*)! Это место на земле мне особенно дорого по воспоминаниям. Ведь человек, да ещё в нашем возрасте, живёт воспоминаниями: случайное и незначительное исчезает из памяти, а тронувшее сердце живёт устойчиво в душе, и мы всегда рады встретить это тронувшее, умилившее нас, которое будет жить с нами до конца жизни.

Что же такое это место Нагнау? Это небольшое местечко на берегу Боденского озера, недалеко от Констанцы. Хотя оно ничем, собственно, не знаменито, в нашей жизни оно оставило значительный след. Здесь мы с Ксенечкой каждый раз радовались прелести природы, неба, швейцарских гор и удивительной голубизне воздуха. А в этой радости мы глубже постигали нашу взаимную любовь, крепкую связь и одухотворённую близость. Мы как бы сливали наши души воедино, любуясь всем окружающем. Здесь мы чувствовали нашу нерасторжимость, «окончателность» нашей связи в любви, за что я благодарю Бога, давшего нам это счастье. Этими воспоминаниями я живу и сегодня в этот мой приезд сюда, и я верю в то, что Ксенечка моя родная радуется этому так же, как и я. Прогуливаясь по берегу этого чудного озера, я встречал с радостью знакомые места, дорожки, деревья, которые, вероятно, помнят нас обоих, – так верится,

ибо природа создана Богом живой, а не мёртвой! Верю и в то, что умирает лишь наше тело, но дух живёт вечно. Формы этой жизни духа нам неизвестны, но жизнь эта должна быть реальной вполне.

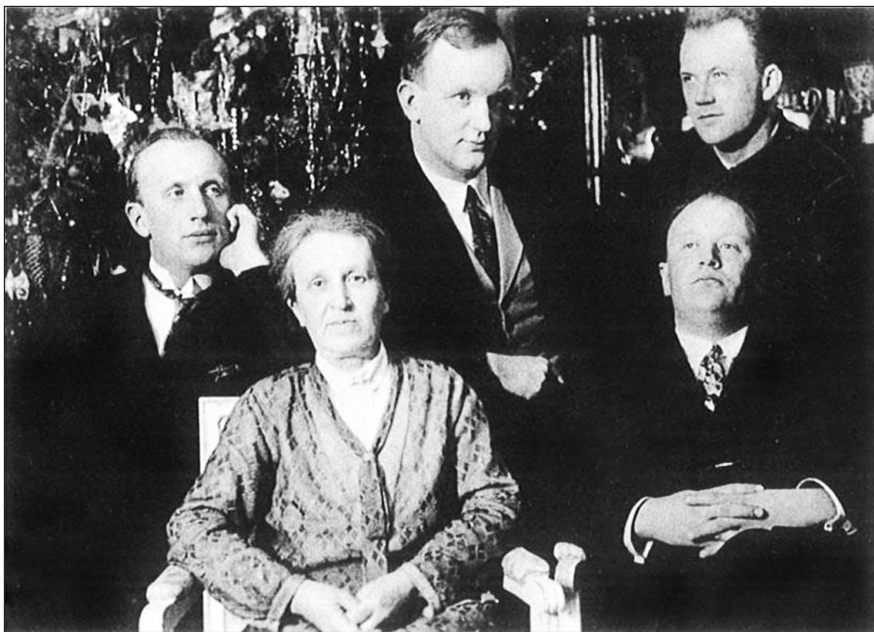
С чего, однако, началось наше знакомство с этим местечком? Ещё в Риге мы познакомились с бывшим советским адвокатом Владимиром Петровичем Аксёновым. Дочка его, Нина, была ученицей нашей русской гимназии. При немцах Аксёнов переименовал свою подлинную фамилию и стал называться Дифердингом. Это нас мало интересовало, да и таких перемен фамилий было тогда много. Когда мы устроились в 1945 году в Равенбурге, то скоро узнали, что Дифердинг поселился в Нагнау на Боденском озере. Там, в этом городишке, он открыл лавочку, продавал и покупал у местных немцев разные вещи, менял на другие и этим жил. Проживал он в доме какого-то знатного человека (это, видимо, был барон von Schweinitz), которому принадлежал этот прекрасный дом. Дом этот существует и до сих пор. Потом, немного позже, наша эмигрантская артистическая группа даже выступила там с концертом, который устроил Дифердинг. Так что об этом городке мы были наслышаны.

Затем по какой-то причине другой наш знакомый попал в Нагнау и переночевал в доме госпожи Lehmann, владелицы пансиона. Очень ему там понравилось, и он посоветовал нам съездить туда и побыть у Frau Lehmann, что мы и сделали. Так завязалось знакомство с Frau Lehmann. Когда мы переехали в Канаду, то получали письма от неё и писали ей тоже.

Уже в первую нашу поездку в Европу в 1954 году мы побывали в Нэгнау и повторяли эти встречи в следующие наши приезды в Европу. Наши отношения с Frau Lehmann были очень тёплыми, она была добрым и сердечным человеком, понимала нашу эмигрантскую беду и была всегда искренне рада нашим приездам к ней. В 1956 году, кажется, произошло следующее. Вскоре после того, как мы опять устроились у неё, в той же комнате, как обычно, Ксения беседовала с Frau Lehmann на кухне. А придя в нашу комнату, рассказала, что Frau Lehmann показывала ей православный резной крест очень хорошей работы, сделанный, вероятно, в каком-то монастыре, и объяснила, как этот крест попал в её руки. Оказалось, что брат Frau Lehmann, служивший в немецких войсках в качестве Zahlmeister'a (казначей – *ред.*), жил некоторое время, месяцев пять, в Екатеринославе в семье русского художника. Когда немцы уходили из города, то этот художник принёс ему крест и просил взять в благодарность за хорошее отношение к нему, художнику, и его семье, сказав, что ничем другим отблагодарить не может, поскольку у него нет ничего более дорогого ему. Немец взял крест с собой, но по приезде в Варшаву заболел и умер. Всё его имущество было отослано сестре, то есть Frau Lehmann. И вот она принесла мне этот крест и сказала: «Он должен принадлежать вам, русским, ведь недаром и неслучайно именно вы несколько раз приезжали ко мне, точно крест захотел перейти в руки русских людей. Возьмите его себе, вам он ближе всего». Я взял крест и храню его бережно, не расставаясь с ним.

И вот, приехав сейчас, в 1968 году, снова в Нагнау, я с волнением вошёл в дом, который раньше принадлежал Frau Lehmann, а теперь принадлежит другой женщине.

Да! Неисповедимы пути Господни! Во всём, что я рассказал, столько Господней мудрости и милости к нам, что благодарю Его постоянно. Крест висит в углу под иконой Спасителя – этим образом нас с Ксенечкой благословили родители перед свадьбой в 1919 году.



*Братья Климовы с матерью в Риге.  
В первом ряду сидят: М.А. Климова и Георгий.  
Сзади, слева направо: Павел, Константин и Евгений.  
Рига, 1926 год. Фото из семейного архива Климовых*



Композитор и пианист М. К. Метнер (1879–1951), близкий друг И. А. Ильина с московских лет, был знаком с канадским композитором Альфредом Лалиберте (Alfred Laliberté) и имел дружеские отношения с К. Е. Климовым. На фотографии, подаренной К. Е. Климову, Метнер сделал следующую надпись: «Милым друзьям и землякам <?> К. Е. и К. Г. Климовым от Н. Метнера».

Дата не прочитывается, но снимок, вероятно, относится к первой половине 1930-х годов, когда Метнер выступал с концертами в Риге.

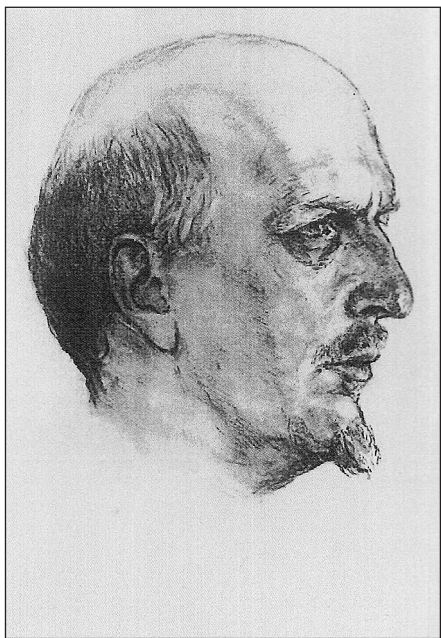
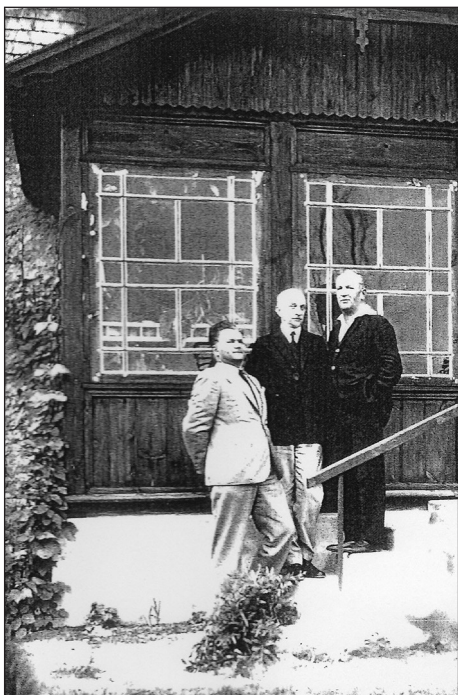
Фото из семейного архива Климовых

*И. А. Ильин на даче,  
снятой семьёй Климовых.*

*На снимке слева направо:*

*Р. М. Зиле, И. А. Ильин  
и К. Е. Климов.*

*Кокнесе, Латвия, август,  
1935 год. Фото из архива  
семьи Александровичей*



*И. А. Ильин.  
Рисунок Е. Е. Климова.  
1935 год*



Cher Monsieur Laliberté!

Si je Vous écris maintenant pour Vous soumettre une prière, c'est qu'il s'agit d'un homme, bien digne et bien noble pour mériter Votre appui et même pour gagner, dans la suite, Votre amitié... C'est monsieur Constantin Klimow qui Vous fut recommandé par notre excellent Maestro et ami Nicolas Medtner.

Je connais monsieur Klimow pendant de longues années. Je l'ai vu dans des situations bien dangereuses et bien pénibles. Et je ne puis que constater: comme citoyen - sans reproches; comme musicien - avec un goût classique; comme professeur - un homme avec les plus hautes exigences envers soi-même.

Cher Monsieur! Tout ce que Vous pouvez faire pour lui, faites, s'il Vous plaît, par fraternité qui unit maintenant dans notre monde tous les hommes de conscience, de bonté et de goût vrai. Et tout ce que Vous allez faire, pour lui donner Votre appui, - je l'estimerai comme une grace, faite pour moi personnellement ainsi comme pour tous les vrais amis de monsieur Klimow.

Veuillez agréer, cher Monsieur, l'expression de mes sentiments les meilleurs.

Tout à Vous Prof. J. Jlin

Mon adresse: Switzerland. Zollikon

L'adresse de Mr. Klimow:

Germany. Deutschland (l.b.) Franz. Zone

Ravensburg (Württemberg). Herrenstrasse 50 bei Sterkel

18/v. 1947

Альфред Лалиберте (Alfred Laliberté) (1884–1952) – канадский композитор, почитатель русской музыки и знакомый Н. К. Метнера. Письма Ильина и Метнера к Лалиберте по поводу Константина Евгеньевича Климова сыграли ключевую роль в судьбе всей семьи Климовых: по рекомендации Лалиберте К. Е. Климов получил работу в Канаде (1948) и смог выписать сюда братьев Евгения (1949) и Георгия (1951) с семьями



Дорогой господин Лалиберте!

Обращаюсь к Вам сейчас с просьбой, в которой речь пойдёт о благороднейшем и достойнейшем человеке, заслуживающем Вашей поддержки и даже, в дальнейшем, Вашей дружбы... Это господин Климов, которого Вам рекомендовал наш превосходный Маэстро и друг Николая Метнер.

Я знаю господина Климова на протяжении многих лет. Я видел его в очень опасных и сложных ситуациях. Могу свидетельствовать о нём только как о безупречном гражданине; музыканте с классическим вкусом; учителе и человеке с высочайшими требованиями к самому себе.

Дорогой господин! Всё, что Вы можете сделать для него, пожалуйста, сделайте ради братства, которое в данное время в нашем мире объединяет всех совестливых, добрых, с истинным чувством изящного людей. И всё, что Вы сделаете для него, чтобы поддержать его, я буду рассматривать как расположение, оказанное лично мне, а также всем настоящим друзьям господина Климова.

С уважением,  
искренне Ваш проф. И. Ильин

Мой адрес: Switzerland, Zollikon  
Адрес господина Климова:  
Germany. Deutschland (14.b.) Franz. Zone  
Ravensburg (Wurttemberg). Herrenstrasse 50 bei Sterkel

*Перевод с французского Елены Фейгмане*



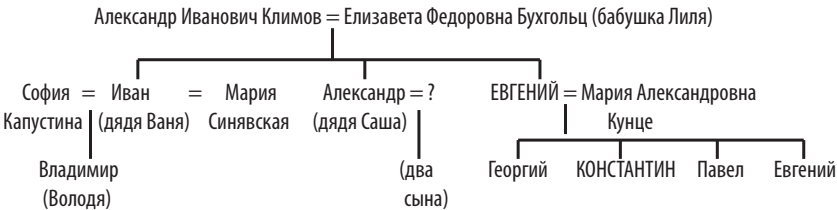
*К. Е. и К. Г. Климовы отплывают в первое путешествие в Европу из Канады. Лето, 1954 год*



*Братья Климовы. Слева направо: Георгий, Константин, Павел и Евгений. 1961 год. Фото из семейного архива Климовых*

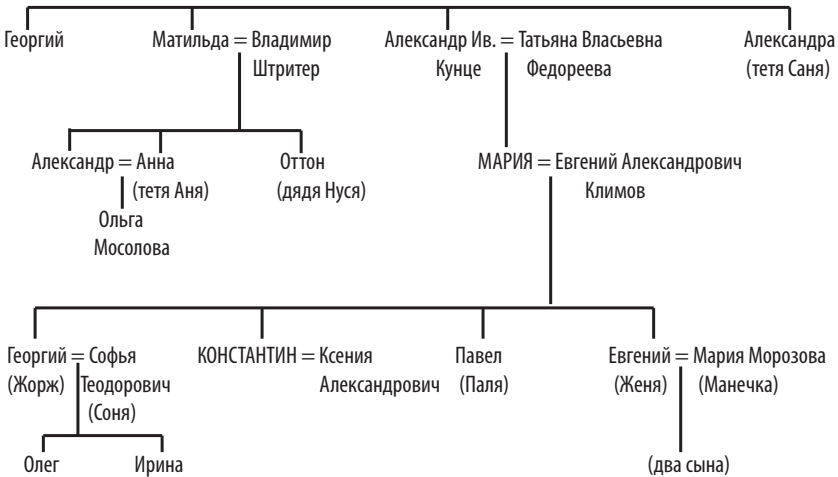
РОДОСЛОВНАЯ ПО ЛИНИИ ОТЦА

В обеих схемах учтены только лица, упомянутые в тексте



\* \* \*

РОДОСЛОВНАЯ ПО ЛИНИИ МАТЕРИ



# Письма профессора Василия Ивановича Синайского художнику Евгению Евгеньевичу Климову (с 1946 по 1949 год)

*(К 70-летию со дня кончины  
профессора Синайского)*

*Публикаторы:  
Оксана Дементьева,  
магистр филологии,  
и Татьяна Фейгмане,  
доктор истории*

Переписка В. И. Синайского с Е. Е. Климовым хранится в фонде (43-1-23, 24) Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына в Москве. Сотрудники этого бесценного хранилища документов русской эмиграции любезно разрешили редакции «Латвийского православного хронографа» впервые опубликовать эту переписку.

Публикаторы выражают особую благодарность Бронниковой Елене Владимировне (Москва), Вересовой Тамаре Васильевне (Псков), Соколовой Татьяне Фёдоровне (Москва) за содействие в выявлении названной переписки, отражающей жизнь и быт русской эмиграции второй волны в послевоенной Европе.

Неоценимую помощь в подготовке комментариев к письмам оказал Алексей Евгеньевич Климов (США) – сын художника Климова.

И профессор Синайский (1876–1949), и художник Климов (1901–1990) были знаковыми фигурами в межвоен-



*Профессор Василий Иванович Синайский.  
Фото с сайта «Русские Латвии»*

ной Латвийской Республике. Это были два духовно близких человека, невзирая на разницу в возрасте и различную профессиональную принадлежность.

В. И. Синайский родился в селе Лаврово Тамбовской губернии в семье сельского священника. В возрасте 14 лет он остался круглым сиротой, старшим из пяти детей. По обычаям того времени, Василию Синайскому следовало бы идти по духовной стезе. Однако, окончив Духовную семинарию, молодой человек отправился во Францию, где поступил на медицинский факультет

университета в Монпелье. Он проучился там только год. Вернувшись в Россию, поступил на юридический факультет Юрьевского (Тартуского) университета, диплом об окончании которого получил в 1904 году. Способный юноша был замечен и оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1907 году он сдал экзамен на степень магистра, а в 1908 году защитил магистерскую диссертацию по истории римского права. С 1910 года он экстраординарный профессор Варшавского университета. В 1911 году перешёл в университет св. Владимира в Киеве. В 1913 году защитил докторскую диссертацию. И в этом же году вступил в счастливый брак с Ксенией Алексеевной (ур. Гегелло). В 1914 году в семье появилась единственная дочь – Наталия, пошедшая по стопам отца и немало сделавшая для сохранения памяти о нём.

11 лет из жизни Синайского прошли в Киеве – это были весьма плодотворные и счастливые для него годы. Однако политические перемены в России вынудили его к поиску нового пристанища. Этим местом стала Рига, где Синайский с 1922 по 1944 год (22 года) был профессором Латвийского университета, читал лекции по римскому и гражданскому праву, вёл семинары, проводил большую научно-исследовательскую работу.

Это был человек широкого кругозора, интересы его выходили далеко за рамки университетского курса. Одним из увлечений профессора были живопись и иконопись. На этой почве, ещё в 1920-е годы, состоялось его знакомство с молодым художником Евгением Климовым. Их сблизили работа в иконописной мастерской П. М. Софронова, поездки в Печёрский край, совместная

работа в обществе любителей искусства и старины «Акрополь», участие в пленэрах.

В отличие от Синайского, Климов принадлежал к числу «коренных» латвийцев. Родился в Митаве (Елгаве), с 1903 по 1911 год жил в Либаве (Лиепаяе). Правда, затем семье Климовых довелось поменять немало мест жительства: с 1911 по 1915 годы – Варшава, с 1915 по 1917 годы – Петроград, с 1917 по 1920 годы – Новочеркасск. В 1920 или 1921 году Климовы вновь в Латвии, в Риге. В 1921 году Евгений Климов поступил в Латвийскую академию художеств и в 1929 году получил степень художника-живописца. Преподавал рисование и историю искусств в Рижской правительственной русской гимназии. Много путешествовал, в том числе был в СССР. Пробовал себя в разных направлениях живописи и графики. В 1940–41 годах занимал должности заведующего русским отделом и заместителя директора Латвийского художественного музея.

Во время Второй мировой войны семьи Евгения Климова и Василия Синайского оказались в Праге. Страх перед возможными репрессиями со стороны советских властей побудил их покинуть Латвию. Евгению Климову и Наталии Синайской удалось устроиться на работу в Русский археологический институт имени Н. П. Кондакова.

В 1945 году, после вступления Красной армии в Прагу, семья Климовых, опасаясь депортации в СССР, переехала в Баварию, оказавшейся в американской оккупационной зоне Германии. В свою очередь, семье Синайских удалось обосноваться в Бельгии.

Оказавшись в разрушенной войной Европе, разделённые границами, Синайский и Климов, не имея возможности личного контакта, вели активную переписку.

Василий Синайский вступил в завершающий этап своего жизненного пути. Перед Евгением Климовым же открылись новые перспективы в связи с отъездом в Канаду, где ему суждено было жить и творить 40 лет.

К сожалению, на данный момент мы располагаем лишь письмами Синайского, но не имеем писем Климова. Поэтому читатель лишён цельного представления о мироощущениях этих двух, безусловно, неординарных личностей.

Вряд ли дочь Синайского, Наталия Васильевна, не сберегла эти письма. В начале 1990-х годов она приезжала в Ригу и небольшую часть архива отца передала Академической библиотеке Латвийского университета. Можно предположить, что она планировала продолжить передачу архива, однако неожиданно поразившая её болезнь не позволила ей продолжить начатое дело. В итоге значительная часть архива профессора Синайского или бесследно исчезла, или, в лучшем случае, оказалась в руках коллекционеров.

Перечитывая письма Василия Синайского, читатель откроет для себя безрадостную картину жизни людей, оказавшихся на чужбине, оторванных от привычной им обстановки. Синайский не принадлежал к числу тех, кто любил жаловаться на жизненные невзгоды, кручиниться о прошлых заслугах. Тем не менее в одном из писем он отмечает: «Образно – сидим при дороге. И тут мы совсем чужие. Куда дальше идти, не знаем. День за днём проходят без смысла и цели, в хозяйственных заботах». В другом пишет: «Атмосферы симпатии здесь для меня нет, все заняты, чёрствы, о высоких материях не говорят. Это для них скучно, да и мало что сами зна-



ют». Синайский сознавал, что ему вряд ли удастся получить соответствующее его профессиональному уровню место. Но, несмотря на ухудшающееся здоровье, он не оставлял надежд, даже думал о возможном отъезде за океан. Он не мыслил свою жизнь без научной работы, но и она оставалась невостребованной.

Отдушиной для Василия Ивановича в его последние годы жизни была живопись. Он посещал многочисленные художественные выставки. Своим восприятием увиденного делился с Евгением Евгеньевичем. Их взгляды на искусство во многом совпадали.

Письма полны душевного тепла, заботы о друге и членах его семьи. Похоже, что аналогичные эпистолы поступали и в адрес семьи Синайских.

В письмах почти нет воспоминаний о прошлой, счастливой жизни в Киеве и Риге. Читая письма, нередко ощущаешь, что они написаны с учётом возможной цензуры. Встречаются случаи употребления эзоповского языка. Комментирование писем нередко затрудняет использование лишь имени и отчества без упоминания фамилии, что, в общем-то, вполне допустимо для корреспондентов, имевших общий круг знакомых.

Публикация писем Василия Синайского впервые даёт достаточно цельное представление о последних годах его жизни.

«Для чего жить? Только не для себя! Жить для себя – это не жить, а просто существовать, как существует природа», – таково было кредо Учёного и Человека Василия Ивановича Синайского.

Художнику Е. Климову

30 апреля 1946 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Порадовали Вы нас известием о себе и своих близких. Слава Богу, что все здоровы и благополучны. Мы тоже живём все вместе и пока что тоже более или менее благополучны. В смысле заработка трудновато. Сейчас регулярно зарабатывает Туся<sup>1</sup>, а Ксения Алексеевна<sup>2</sup> подрабатывает шитьём. Я, как всегда, научно работаю. Рад за Вас, что Вы как художник нашли удовлетворяющую Вас работу. Многим здесь приходится работать далеко от своей области.

Конечно, как было бы хорошо нам увидеться! Мы здесь в общем-то одиноко себя чувствуем. Трудно получить право на жительство и в особенности право на работу. Обо всём, что нас интересует, Туся пишет подробнее. Если Вы чаще будете нас вспоминать и посылать вести о себе, то очень этим порадуете. Не увеличилась ли наша общая семья ещё на одного человека, и кто родился у Ирочки<sup>3</sup>?

Сердечно Вас обнимаю, и все мы шлём Вам и всей Вашей семье, и Надежде Николаевне<sup>4</sup> самый сердечный привет и пожелания наилучшего.

*Ваш В. Синайский*

Архив Дома русского зарубежья им А. Солженицына (далее ДРЗ). Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.1.

\* \* \*

Дата не указана

Дорогой Евгений Евгеньевич!

В ответ на Ваше письмо отвечал Вам однажды карточкой, но до сих пор не знаю, получили ли Вы хоть одно из моих писем. Мы были очень рады узнать о Вас и Вашей семье, что у Вас всё благополучно и что Вы все и Надежда Николаевна здоровы. Мы все шлём Вам и ей наш сердечный привет. Глубоко жаль Екатерину Александровну<sup>5</sup>: тяжело одиночество на старости лет.

Живём мы здесь вполне сносно. Моя дочь Вам также писала по поводу жизни здесь художников. Пока нового ещё ничего нет. Получили ли Вы её письмо? Кстати, если Вы что-либо знаете об университете UNRRA<sup>6</sup> в Мюнхене, о жизни тамошних художников, напишите мне об этом и дайте добрый совет, следует ли что-либо предпринимать в этом отношении, какие есть возможности.

Мысленно обнимаю Вас, вспоминаю то время, когда мы были вместе и могли говорить об искусстве.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

11 мая 1946 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Вашу открытку и последнее закрытое письмо от 15 апреля я получил сегодня. Мы были так рады получить более подробную весточку о Вашей жизни и обо всей нашей большой семье, узнать и о том, что Вы думаете о дальнейшем устройстве. Я и Туся писали Вам в ответ на Ваши два письма – получили Вы их или ещё нет? Много трудностей было и у нас. Как всегда, помогли и нам добрые люди, как и Вам. Мы провели это время сносно, благополучно. Но впереди всё неясно и неопределённо.

Туся получила место, Ксения Алексеевна целыми днями занята по хозяйству и подрабатывает время от времени шитьём. Это и всё пока что. Я, как и всегда, продолжаю заниматься научной работой. Заниматься искусством нет настроения, лишь мысленно «пишу глазами», когда нахожусь на природе и воспринимаю её затаённую красоту.

Вы пишете о художнике Пикассо. Я вполне согласен с Вами: я никогда не любил его развязности, манерности; больно за искусство. Был здесь на выставке художника Мана. Слышали ли Вы о нём? Мастер он хороший, но больше график, чем живописец. Искусство сюжетно, в целом формально. Художникам, насколько я выяснил до сих пор, трудно зарабатывать. Буду и в дальнейшем

выяснять этот интересующий Вас вопрос. И, конечно, немедленно напишу Вам об этом.

Вы знаете, как я был бы рад увидеть Вас. Мы живём здесь одиноко, прежних знакомых здесь нет. Между прочим, здесь Серафимовы<sup>7</sup>, но не в Брюсселе и собираются уже выехать в Америку. В общем мы здоровы. День за днём проходят быстро, в заботах и мелочах жизни, живём каждым днём. Приходит ночь, и я радуюсь ей: меньше в ней люди делают нехорошего, злого, чем днём, и тем она уже лучше для человечества.

Очень рад был узнать, что Вы читаете лекции об искусстве, что Вы были на замечательной выставке старых мастеров – это даёт силы жить, верить и надеяться. Как здоровье Марии Александровны<sup>8</sup>, как Мария Клементьевна<sup>9</sup>? Напишите о детях: как они пережили всё происшедшее, как определяются их характеры, устремления. Как чувствует себя Надежда Николаевна? Как все остальные?

Ваше известие о Екатерине Александровне нас всех очень огорчило до боли. Все мы шлём Вам самый сердечный, душевный привет и желаем всего наилучшего, шлём также поздравления с праздником.

*Обнимаю Вас.  
Ваш В. Синайский*

\* \* \*

2 июля 1946 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Большую радость доставило мне и моей семье Ваше письмо от 29 мая 1946 года. Оно, по мере его чтения (а читал я его многожды), дышало на нас, поднимая в мир высокого и скромного – бесценной человеческой культуры, носителем которой являетесь в нашем мире и Вы, чуткий художник, стойко переносящий жизненные невзгоды, побуждающий и нас следовать Вашему примеру, и в особенности меня, постепенно уходящего из жизни. Невольно воскрес в памяти и образ художника Лохова<sup>10</sup>. Снова «увидел» его картины, вспомнил то время, когда мы с Вами впервые увидели Италию, восприняли её чудные образы, на солнышке около мостов и на улице писали наши этюды. Да, это было. А теперь Вы один делаете зарисовки скромной, затаённой стороны, шагая по деревням и городкам, проникая зорким взглядом в культурную быль человечества.

Третьего дня я был на выставке Эразма Роттердамского, устроенной в доме, где он жил<sup>11</sup> и творил <...>. Видел там его своеобразное кресло у рабочего столпа; на полке несколько книг в пергаментных переплётках, деревянный пол, такой же потолок, перерезанный балками, по стенам картины его эпохи. Глядели на меня портреты Гольбейна<sup>12</sup>, проникающие внутрь души светлой,

чистой правдой жизни, высоким, бережным мастерством этого художника.

В доме Эразма была помещена ещё другая выставка – современная, отражающая нашу эпоху. Почти все выставленные статуи изображали движения своими ногами, руками, согнутыми позами <...>. Ещё раз вспомнил тот отрывок из письма Александра Бенуа<sup>13</sup>, метко характеризовавшего наше время, по поводу Пикассо, что Вы привели в Вашем письме.

Посещал и другие выставки. Отраднo было видеть на них возвращение к природе, к свету, но всё это формально. Не достаёт внутренней композиции, которая возрастает до чего-то большего. Был и на выставке Пикассо и Матисса. О моём отрицательном отношении к первому я уже писал Вам, второй – деградировал. Я видел лучшие его вещи. Ваше замечание о том, что дала выставка Дюрера, мне вполне понятно: искусство, как и литература, выражает неизменные общечеловеческие ценности, и тогда это настоящее искусство. Всё, что вне этого, пусть и близкое сердцу, дорогое, но малое, в лучшем случае подготовка к подлинному искусству, преходящее искусство.

Мы рады, что ваша семья стойко переносит тяготы нашего времени. Увидите, или когда будете писать К<онстантину> Евгеньевичу<sup>14</sup>, передайте от меня ему и его семье наш сердечный привет, а также и Софье Терентьевне<sup>15</sup> со всей её семьёй. Беспокоимся мы за Палю<sup>16</sup> и пытаемся встретиться с ним. Получили ли Вы моё последнее письмо, в котором я просил Вашего ответа по поводу Мюнхена?

Мы все шлём Вам и Вашей семье наш сердечный привет. Волнуемся за Ваших детей. Обнимаем Вас, дорогой Е. Е.! Пишите нам.

*Василий Синайский*

P.S. Мой сердечный привет Марии Александровне, Марии Клементьевне, Надежде Николаевне и Вам, Евгений Евгеньевич. Хотелось бы свидеться со всеми вами.

*Ваша К. Синайская*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.3-3 об.

\* \* \*

12 августа 1946 года

156, AvenueAlbert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо в ответ на мою открытку и очень благодарен за неё: она многое мне уяснила, что было до сих пор мне не известно. Ваши письма вообще доставляют нам большую радость. Что-то светлое, высокое поднимается по их прочтении, снова к жизни и хочется ещё жить!

Третьего дня мы видели новую русскую церковь, построенную в смешанном стиле русской новгородско-



псковской старины. В ней нет ещё иконостаса, икон, стены стоят внутри её голые и ждут росписи. И вот мы все вспомнили Вас! Какие бы композиции Вы создали, какая это была бы увлекательная работа для Вас! Но, к сожалению, нет средств у этого Божьего храма, и стоит он, белый среди зелени, за оградой, поднимая полукружия апсид высоко к голубому небу. Колокольня воздвигнута отдельно от храма<sup>17</sup>.

Недалеко от него в коммунальном доме была выставка местных художников. Зашли туда. Ощутил её натуралистический характер. Можно было и кое-чему поучиться, в особенности свободе и лёгкости распоряжения материалом. Там были написаны: крестьянин, рыбак, да ещё один пейзаж, весь в голубовато-синей гамме, удивительно ценный и по композиции, и по колориту. Разумеется, выставка эта была неровная: много работ равнодушных, сухих по первому восприятию, без того, чтобы вещь говорила зрителю о чём-то более глубоком, сокрытом в природе. Видно, что художник и владеет мастерством, но сам не имеет что сказать; внутри его пусто. В это время выставок пока мало.

О себе я уже писал Вам, что часто, гуляя или сидя в парке, «пишу» глазом, но не рукою. Изредка делаю наброски карандашом. Каких материалов не хватает для искусства?

Мы были рады узнать о Пале, о Клавдии Константиновне. Не видели ли Вы её мужа, как его здоровье? Куда им написать? Приятно было узнать, что Константин Евгеньевич совершенствуется в музыке. Не знаете ли что о Кюзисах<sup>18</sup>? Ваша мысль устроить свою выставку в школе хорошая. Напишите потом, как только она состоится.

У нас нового ничего нет, всё по-прежнему, дни быстро идут в мелочах жизни. Получили ли Вы моё письмо, посланное после открытки?

Как себя чувствует Мария Александровна? Поздравляем её и Софью Терентьевну с внуком. Все мы шлём Вам всем наш сердечный привет и пожелания всего наилучшего. Пишите. Мысленно обнимаю Вас.

*В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 4-5.

\* \* \*

6 сентября 1946 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой, милый Евгений Евгеньевич!

Получил Ваши два последних письма, из них одно от 2 августа, и очень рад был им. Ваши письма всегда полны веры в жизнь и действуют на меня, поддерживая мои физические и духовные силы. Как-то становится веселее, спокойнее на душе.

Огорчило нас более подробное сообщение о болезни Надежды Николаевны. Так жаль эту благородную, замкнутую в себе натуру, и чувствуешь себя бессильным помочь ей в её тяжёлом горе. В своё время я писал ей, как

и Вам, но это было давно. Передайте ей от меня и моей семьи наш общий дружеский привет и пожелания собраться с силами, скорей окрепнуть, жить, делая добро другим людям ради памяти её сына. В этом глубокий смысл жизни, её оправдание. Тогда и своё горе переносится легче.

Надеюсь, что и Павел Евгеньевич наконец выедет<sup>19</sup>, лучше устроится со своей семьёй? Будете ему писать, передавайте ему наш дружеский привет. Вспоминаю море, как однажды мы с ним гуляли по берегу и беседовали о его будущем, о том, что есть в нём болезненный нерв жизни. От Клавдии Константиновны получили письмо из Парижа и очень рады за них; от Оли, их дочери, никто не имеет известий.

В одном из последних писем Вам я хотел написать о Вашей свадьбе 29 июля 1931 года. Утро раннее. Солнышко. Отец Терентий, матушка (если не ошибаюсь, были точно). А вот и Вы вспомнили Вашу свадьбу: образы и мысли сходятся на далёком расстоянии, когда люди близки друг к другу.

Мне интересно, как пройдёт Ваша выставка. Жду с нетерпением её открытия, надеюсь, что она принесёт Вам радость и Вы поделитесь её со мною. Помните нашу первую встречу на выставке, когда мы познакомились? Какое уж большое расстояние во времени! Ваше искусство становится всё глубже и цельнее. Рад, что Вы начали резать по дереву. К сожалению, снимки изъяли, как и другое здесь у нас, и я лишён возможности увидеть их.

По той же причине не мог прочесть о Лоте<sup>20</sup> и других парижских художниках. Впрочем, о Лоте была статья в одной из наших газет. И я также вспомнил то время, когда работал в его студии. Недавно я начал снова рисовать цветными карандашами и в этих работах нахожу забвение от тяжёлого раздумья. Как-то странно, что все эти образы (не этюды) восстают передо мной, продолжают жить; раньше подобного у меня не было. Вот и сейчас, когда пишу Вам, они как будто передо мной, вот здесь на столе.

Николай Васильевич<sup>21</sup> остался на своём месте, но что с ним теперь, не имею известий. Вероятно, здоров. Олечка<sup>22</sup> была два раза у Николая Ефремовича, он работает в канцелярии, большего не знаю<sup>23</sup>. Детей поздравляю с переходом в другой класс. Это ведь событие, теперь не новички. Вспомнил и своё ученическое время. Наталья Васильевна (дочь Синайского – *ред.*) живёт с нами, работает, имеет службу, добра, энергична, устаёт, но это всё же не ослабляет её сил.

Я, кажется, уже упоминал, что работаю над учебником русского языка на французском языке. Работа для меня нелёгкая. Написал этот учебник пять раз и всё недоволен. Теперь пишу в шестой, меняю систему, материал и всё прочее, улучшая свой французский язык и терминологию без большой надежды, что в материальном отношении выйдет из всего этого толк.

Живём мы втроем в двух хорошо меблированных комнатах, есть кухня и ванна (отдельный этаж). Квартира хотя и в центре города, но здесь тихо и зелено. Получаем уголь, зимой я за истопника. Топить приходится целый

день. А сейчас, весной и летом, я свободен. Продолжаю работать научно, хотя и мало, в Социологическом институте. Тяготит меня, что я не могу содержать семью, и тяжело это переживаю. Но что делать! Ксения Алексеевна работает целыми днями (она написала об этом подробнее Марии Александровне), устаёт; это отражается на её нервной системе, но в целом быстра и здорова. Вот так и живём, не зная ближайшего будущего, сожалея о прошлом. Екатерина Александровна должна была жить в последнее время у своих родственников, ей надо было выезжать. Она жила у Ирины Владимировны, которая теперь выехала с мужем и тремя детьми во Францию, в дальнейшем они едут к сыну.

Обнимаю Вас крепко. Передайте наш дружеский привет всей семье.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Забыл ещё напомнить Вам о письме Натальи Васильевны. Она писала Вам давно об искусстве, выставках и музеях в Брюсселе. Получили ли Вы это письмо? Жаль, если нет. Я уже спрашивал Вас об этом.

\* \* \*

8 октября 1946 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Вашу открытку с сообщением о Вашей выставке и очень порадовался за Вас, за её успех. Простите, что написал открытку вместо письма <...>. Жаль, что не получил каталог Вашей выставки. Это не дозволено, о чём и сообщаю <...>. Получила ли М<ария> А<лександровна> письмо от К<сении> А<лексеевны>, в котором сообщала, что пастор обещал предпринять розыски племянника и мы ждём его извещения? (У Марии Александровны не было племянников – *примеч. А. Климова*. Вероятно, о ком-то не хотелось писать открыто).

У нас всё пока по-прежнему. Как душевное состояние Софьи Терентьевны – оно нас огорчило, как она себя сейчас чувствует? Я работаю над учебником русского языка, заканчиваю. Делаю также время от времени этюды цветными карандашами, что даёт мне некоторую от этого радость. Жалко, что не могу показать Вам, как и увидеть Ваши этюды и картины. Шлём все Вам наш сердечный привет и пожелания всего наилучшего.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

12 ноября 1946 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получили Ваше последнее письмо и письмо Марии Александровны и были им очень рады. Жаль, что дети<sup>24</sup> не привыкли к климатическим условиям, болеют часто. Рады также за Павла Евгеньевича, надеемся, что он найдёт работу и окрепнет духом. У меня нет работы профессорской, и я ему очень сочувствую. Но он молод – всё впереди, у меня – позади.

Вы пишете, что мои письма не передают Вам ощущения реальностей нашей жизни, что Ксения Алексеевна более их Вам осветила, чем я. Но что реально я мог бы Вам изложить, кроме того, что писал? Что прибавить? Образно – сидим при дороге. И тут мы совсем чужие. Куда дальше идти, не знаем. День за днём проходят без смысла и цели, в хозяйственных заботах, чтобы тело ещё существовало: ношу воду, часами растапливал печку <...>. Устаём, пока ещё можем существовать, но впереди темно. Одно утешение: может, будет лучше – кто знает будущее?

Я уже писал Вам, что занимаюсь научной работой, которая в целом меня мало удовлетворяет. За эти два года с лишним написал много нового, но к чему это, если напечатать нет никакой возможности и в будущем её не предвидится, а по смерти – тем более. Делаю рисунки

для себя, чтобы забыться, пишу стихи никому не нужные. Написал литературное произведение гуманитарного характера <..>, и всё для того, чтобы скрасить время, тягостное для меня. Для меня это всё – реальность. Атмосферы симпатии здесь для меня нет, все заняты, чёрствы, о высоких материях не говорят. Это для них скучно, да и мало что сами знают. Радуют Ваши письма да немного ещё другое. Из мира социального это всё, и больше ничего нет. Живётся в мире людском, как в пустыне. Не хочется всё это писать, а пишу Вам ещё раз только потому, чтобы Вы, мой друг, соприкоснулись с душой Вашего друга на одно мгновение. Это не значит, что всё высокое мне чуждо. «Я буду жить, пока живётся, пока высоким сердце бьётся, пока я жизни не пережил», – написал я себе в молодые годы. Вот теперь всё жизнь переживаю. Но довольно об этом.

Вы пишете, что, может быть, будете в Париже, может быть, там увидимся. Первое возможно, второе – едва ли. Много есть на то причин, препятствий, начиная с разрешения выехать. Но я буду буквально счастлив, если Вы увидите Париж – мой священный город, любимый и ненавидимый: высокая культура и сатанинская бездна.

На этих днях был на выставке Ван Гога. Его произведения собрали из разных музеев, частных коллекций – пять больших залов. Всё в системе, по периодам его художественной жизни в её развитии. Глубокое впечатление произвела на меня выставка: художник – человек, выразивший себя, свою жизнь Прометея, глубоко страдающего гиганта человеческого духа. Многому у него поучился и в технике, и в заимствовании, и в оригиналь-



ности, в особенности в области цвета и линий. Мастер он исключительный: подражать ему невозможно, но учиться у него следует каждому, кто хочет быть настоящим, подлинным художником. Как-нибудь при свидании поговорим о нём подробнее.

Что касается росписи храма, то было бы лучше всего, если бы Вы сами написали настоятелю. Впрочем, как хотите. Сегодня был у настоятеля и выяснил, что дело безнадежно. Эскизы уже заготовлены. Денег нет, и эти эскизы лежат уже давно, и одобрены комитетом. Очень жаль, что эта возможность для Вас применить силы отпадает. Храм освящен в честь Иова Многострадального <...>.

Мы все Вас обнимаем, желаем всего доброго. Мысленно обнимаю Вас ещё особо.

*(Продолжение письма)*

Вчера написал Вам письмо, а сегодня утром получил ещё одно Ваше от 29 октября, где Вы вновь пишете об образе, об иконе. Очень рад, что Вам удалось её поместить в другом месте – старинная живопись исполнена вообще сладостной глубины для тех людей, душам которых открыто понимание более глубоких планов жизни. Роспись капеллы на тему Крестного пути в современном виде вполне понятна и, может быть, более целесообразна: заставит глубже воспринять вечный образ страдания во имя блага, жертвенность.

Что касается «плеванья в искусство», то этому удивляться не приходится: в пустой душе, в неудовлетворён-

ности, животный плевок облегчает горло, глотку. Очень буду жалеть, если Вам не удастся побывать в Париже.

Ирина Владимировна – из семьи хороших знакомых Николая Ефремовича из Риги. Вы её знаете. Может быть, я что-либо перепутал в её отчестве. О «племяннике» (кавычки – *ред.*) Марии Александровны пастор ничего не мог узнать, а в том, что нам удалось узнать от одного из его знакомых, ничего не было определённого, утешительного.

Письмо, написанное вчера, я посылаю вместе с этим, может быть, оно Вам покажется весьма пессимистичным. Не придавайте этому большого значения. Настроение меняется: жизнь бывает с нами суровой. Забываюсь в своих рисунках: достаю их, рассматриваю, и мне легче. Также забываюсь в литературе и научных работах, да в переписке с Вами. Надеюсь, что у Вас всё благополучно и что Надежда Николаевна здорова. Передайте ей эту мою радость и сердечный привет. Как хорошо, что Вы бодры, полны решимости, великого духа человечности.

Если Вам удастся побывать в Париже, не могли бы Вы навестить и нас? Это была бы большая радость для всех нас.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

19 декабря 1946 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Я написал Вам открытку и большое письмо, не знаю, получили ли Вы их. На этих же днях К<сения>А<лексе-евна> также послала письмо. Мы все шлём Вам, Вашей семье и Надежде Николаевне наши наилучшие пожелания – праздничные и новогодние. Что он нам принесёт, этот загадочный 1947 год?

Радуюсь за Вас, что Вы получили работу и что у Вас, слава Богу, всё благополучно. Приятно было читать в Вашем письме, что Вы находите интерес и в прикладном искусстве. Это всё обогащает чуткую, художественную душу человека. В линии, её движении, причудливых формах и в пятне есть своя неуловимая сразу прелесть, красота нашего видимого и невидимого мира; последнего – в виде психически-тонких нюансов, выражаемых и в реальном мире любого художника, поэта, писателя.

Был ещё раз на выставке Ван Гога перед её закрытием и ещё полнее, глубже понял душу этого единственного в мире страдальца – великого художника. На этой же выставке – отдельно, в пяти залах – видел и произведения кисти художника Лота. Он значительно регрессировал по сравнению с его прежними исканиями претворить классические формы в новые в их синтезе с современностью. Цветной модернизм его намного уступает лучшим

художникам этого жанра. Но когда я глядел на прежние его вещи (выставка была ретроспективная), невольно воскресало моё прошлое, мои занятия в его студии в Париже. Как хорошо мне было тогда, сколько веры в себя и надежды! Всё это теперь рухнуло, и сидишь как бы на собственной могиле с благодарностью, что жил, многое пережил и унёс в могилу невыразимую красоту мира, в душе воспринятую во всём богатстве образа и мысли.

Вспомните эти строки, когда меня уже не будет с Вами, дорогой Е. Е.! С Вами многое прошло в моей жизни, наши души были близки, как родные по духу. Не считайте эти строки выражением минутного пессимизма, упадком духа. Он ещё силен во мне, но такова объективность, когда тело теряет силы с возрастом и сидишь уже не на краю могилы, а за машинкой, плохо работающей, надеющийся, однако, что другие, в том числе и Вы, плодотворно работают.

Туся просила Вам написать, не могли бы что-либо узнать о Ксане и Валерии, а также о Макаре Викентьевиче. И ещё К<сения> А<лексеевна> просила уведомить Вас, что послана Вам небольшая посылочка, праздничная, через Красный Крест. Будем рады получить от Вас весточку, Ваши письма всех нас радуют. Жаль, что Ваша предполагаемая поездка в Париж пока что не состоялась. Обнимаю Вас крепко. Шлём Вам наш сердечный привет.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

20 марта 1947 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Из Вашего последнего письма я узнал, что Вы до сих пор не получили нашей и второй посылки, что меня и всех нас очень огорчило, тем более, что в ней были ценные материалы для Вас как художника. Просто опускаются руки.

За присланный Вами адрес <...> спасибо, я уже ответил ему. Радует, что Вы все увидели и нового члена Вашей семьи<sup>25</sup>, поздравить прошу от всех нас. Жаль, что Константин Евгеньевич не был ещё у Вас. Радуюсь, что Вы были в Мюнхене, в музее; выставка дала Вам подъём творческих сил, в особенности Тициан, как Вы пишете. Достоинство человека! Как оно поругано в наше время, и поруганное человечество бессильно и в искусстве. Ищут техники, и то неудачно, и это всё. Добро, красота, истина – триединый лик остаётся скрытым для современного искусства, оно его не видит.

Относительно Ван Гога я хотел бы прибавить к тому, что писал Вам в ответ на Ваши суждения о нём, что в этом вопросе мы, как будто, не поняли друг друга. Ван Гог трагичен, но его трагизм, как я уже писал Вам, не есть трагизм индивидуалиста. Поэтому я и воспринимаю его творчество как дело Прометея. Он терзался в поисках сущности общечеловеческой, единой личности,

которая в каждом из нас, но не воспринимал обыденности нашей в аспекте единства и внимал к индивидуализму.

Общечеловеческая личность неделима, как и наше тело. Личность пытается реализовать через тело – своего рода инструмент – добро, красоту и истину. И здесь, в этой реализации, есть блаженство и трагизм её, этой общечеловеческой личности.

Так я и воспринимал Ван Гога при всей его к тому же оригинальности. В этом отношении Ван Гог близок моей душе, и я радовался и страдал вместе с ним, посетив два раза его обширную выставку. Может быть, в силу близости душевных переживаний последних лет, таких же, в сущности, трагических, что и переживания Ван Гога, я в отношении его субъективен. Но, тем не менее, он всё же близок мне, как я уже это сказал, в аспекте общечеловеческой личности. Если увидимся, поговорим ещё об этом.

О себе мне пока что сказать нечего. Жизнь идёт по-прежнему: биологически живу, внутренне всё более ухожу в самого себя, продолжаю научно работать, делать наброски с натуры и композиционно. Когда тяжело, безнадежно перелистываю их и в них переживаю радость, полноту таинственного мира в скрытом для меня его смысле.

Туся уже вышла из клиники, вот почти неделя, как она с нами. Поправляется сравнительно медленно, но надеюсь, что скоро уже она вернётся к своей обычной работе. К<сения>А<лексеевна> по-прежнему занята хозяйством, устаёт очень, забот без конца. В общем, пока

ещё держимся, хотя силы у нас мало-помалу убывают. Но вера в то, что всё ещё устроится, наладится, поддерживает нас.

Как здоровье Марии Александровны? Я её вижу, как живую, перед своими глазами, в особенности сейчас, когда пишу эти строки. И с её образом невольно воскресает и вся Ваша семейная жизнь. Также выплывает и тот её портрет (цел ли он?), который написал в наши первые годы начинавшейся дружбы с Вами. Давно это было, но и сейчас оно наше. Напишите, как здоровье Марии Клементьевны. И её я вижу сейчас сидящей за столом – кроткую, милую, тихую, когда вместе пили чай и вели с Вами беседы об искусстве. Вы показывали свои новые приобретения – книги по искусству. Как было тогда хорошо, спокойно на душе! Всё проходит, и всё живёт, пока мы живы. Очень рад, что Павел Евгеньевич устроился; это такое счастье в наше время – быть снова при своём деле. Напишите также о Софье Терентьевне – как она, как её здоровье? Мы шлём самый сердечный привет Вам и всему Вашему семейству. Мысленно обнимаю Вас.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Устроилась ли Надежда Николаевна? Лучше ли она себя чувствует? Будете ей писать, передайте наш общий дружеский привет. Писали ли Вы ей за это время и что? Напишите мне и об этом.

\* \* \*

8 мая 1947 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо от 20 марта, когда Вы были на пути в Мюнхен, чтобы присутствовать на французской выставке искусства. Вы обещали вскоре написать о Вашем восприятии, уже новом в сравнении с тем, что Вы восприняли когда-то прежде. Вот я и ждал то письмо, которое получил лишь на днях.

Я вполне разделяю Ваши переживания: искусство для искусства не может удовлетворить вполне чуткую душу, ищущую во всём единое искусство, добро и истину. Искусство для искусства может быть оправдано, как своего рода школа достижений наиболее совершенной, прекрасной формы, притом наиболее богатой в своём своеобразии, многогранности передачи единого. Поскольку искусство ставит своей целью выразить только добро или истину, оно перестаёт быть искусством, если в нём недостаёт элемента прекрасного.

В сущности, деление искусства на содержание (добро, истину) и форму (прекрасное, красота), как я и прежде думал, неверно, условно. В едином нет и не может быть такого деления по существу, так как красота сама по себе есть добро и истина (правда). Говоря проще, искусство там, где художник имеет что выразить в области единого, иначе же искусство – своего рода «чистописание», то есть лишь умение красиво писать. Это не кра-



сота, а красивость, то есть уподобление красоте, но не она сама.

Вы пишете: «Право на свободу, чувства, изящность и прочие высокие качества заставляют, безусловно, высоко ценить французскую живопись. Но является ли показываемое отправным началом для будущего или это всё от прошлого? Есть какая-то бездумность в нём и только эстетство».

В следующем письме Вы приходите к выводу: радостно было видеть «старых знакомых», оценивать их по-новому, любоваться их изяществом и вкусом, свойственными им лёгкостью и свободой. Но за всеми этими достоинствами не увидел я тех глубоких черт, какие раньше видел у Тициана... Пустота духовная, а главное – отсутствие любви как к природе и человеку, так и к самому искусству. Но из любви, в большинстве случаев, и вырастают эти полотна, и Вы приводите слова Данте: «Я тот, кто пишет, когда побуждает к этому любовь». И Вы заканчиваете: «Я вспомнил это выражение и не находил ему оправдания на выставке».

Именно любовь и есть та истина в человеческом жизненном аспекте единого в объективном, абсолютном смысле, то есть существующем вне нас. В указанном субъективном переживании объективной, абсолютной любви сама любовь по своей сути есть единое в смысле слитности и нераздельности. Всякое отчуждение, разобщение – смертный грех искусства, как бы оно не было изящно. Его единственное оправдание, как я полагаю, в том, что это всего лишь школа, мастерство, своего рода высокое ремесло. Там, где мастерства недостаточно, но

главное – любовь – выражено, такое «хромое» искусство всё же является выражением подлинного искусства, хотя и в недостаточной мере в смысле мастерства высокой степени.

В частности, ещё относительно Ван Гога. Хотя в последнем письме Вы пишете: «Согласен с Вами, что действует он более сильно, каждый мазок его пронизан трепетом, красочная гамма всегда замечательна. Но что есть корень его творчества? К чему зовёт он? Если бы ожили полотна Ван Гога и стали явью, то мне не хотелось бы там жить. Есть мастера, которые видят иначе и другое ищут: более светлое и просветлённые души».

Дорогой Евгений Евгеньевич, мы слишком исстрадались в темноте недоброй человеческой души, и я понимаю Вас: о, как мы сейчас ищем более светлые и просветлённые души! Но и в страданиях есть прекрасное – любовь, единственное, что выражено Ван Гогом мощно и полно. Вы являете стремление уйти от уничтожающей неудовлетворённости в светлое и просветлённое. Это – зов в искусстве страдающей, затемнённой человеческой души. Оттого и Ван Гог исключительный художник, отсюда и его трепет, и мощь.

Вы пишете, что режете по дереву всю свою старую любимую «Сказочку». Я очень рад этому. Я более чем уверен, что именно теперь Вы найдёте наиболее совершенную форму выразить то гениальное, что дано Пушкиным в преломлении им светлой, просветлённой души народа и воспринято им ещё в детстве, вероятно, от няни. В этой сказке и природа, и человек едины, то есть

дано всё целое бытие, как проявление объективной, абсолютной красоты, добра и истины.

Как Шишко<sup>26</sup>? Изменился ли он как художник? О чём Вы с ним беседовали? Очень грустно было узнать, что Надежда Николаевна вернулась. Я так радовался за неё! Но и неудачи существуют для дальнейших удач. Не будут же первые вечно! Передайте, пожалуйста, наш дружеский, сердечный привет и пожелания преодолевать своё личное несчастье в страданиях за близких. Я знаю, что слова для неё пока что бессильны. Тем не менее, всё же хочется пожелать ей света и силы.

Вы пишете об Англии: такое переселение, что делается... Мы получили письмо, что кое-кто уже переселяется туда. Что Вы думаете в этом отношении о себе? Хотелось бы на эту тему побеседовать с Вами. Ведь наше положение неопределённое. Очень рады, что Вы получили лично открытку и наши письма. Н. Н. получила наше письмо и напишет нам, как только совсем оправится. Она уже работает, но всё же нервна. Рады также, что Вы завели уже себе огород. Это – жизнь, дающая силы справиться с затруднениями.

Очень рады и за Марию Александровну – 20 марта получил вместе с Вашим письмом и её письмо. Дорогая Мария Александровна, как хотелось бы повидать Вас, занять у Вас силы для жизни <...>! Рады, что Ваши внуки крепчают, духовно развиваются, что Е. Е. бодр, полон жизни, совершенствуется. Он – недостижимый пример для меня. Как здоровье Софьи Терентьевны? Хотелось бы её увидеть. Мы все относительно благополучны, хотя будущее наше неопределённо. Как Павел Евгеньевич и

Константин Евгеньевич? Приехали ли они уже к Вам? Ваше большое, любящее сердце объемлет не только свою большую семью, но и уважающих и любящих Вас друзей, близких и далёких. Целуем Вас крепко-крепко.

Дорогой Евгений Евгеньевич! Вы просите написать об общем положении наших дел. Я не понял, что Вы хотели этим сказать – как мы живём вообще? Или что другое, на что мы надеемся в будущем? На первый вопрос ответить легко. По-прежнему, как уже писал Вам, Туся вся в работе, К.А. вся в хозяйстве, я же томлюсь без оплачиваемой работы. Физические силы незаметно, но всё же убывают. Теперь весна, за нею – лето и осень, они помогут окрепнуть физическим силам после зимы.

Было грустно читать о вдове Н.П. Богданова-Бельского<sup>27</sup>. Я так же, как и Вы, ценю её жертвенную любовь к Николаю Петровичу. В начале июля вышлем словарь, который просила Мария Александровна. Сердечный привет шлём Вам и всем Вашим. Радует весна, её цветам, ласковому солнцу. Хочу опять на природу, делаю наброски, которые, если приедете, покажу Вам. Всё это кажется несовершенным, но искренно.

Мысленно крепко Вас обнимаю. Пишите. Ваши письма дают радость и бодрость. Они приходят быстрее, чем наши. Мы получаем Ваши письма через две-три недели. Наши идут, по-видимому, больше месяца.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

19 июня 1947 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил одно (от 6 июня) за другим (от 10 июня) Ваши письма. Очень рады, что посылка Вами получена и в полной исправности. Вам послана ещё посылка. Очень жалею Екатерину Александровну<sup>28</sup> – бедная она, так страдает за своего сына, разлучена с ним.

Ваш Пушкин передан с большой экспрессией, хотя его образ живёт во мне другой, тот, что выражен в подаренной мне статуэтке. У Вас он очень динамичен, нет в нём греческого спокойствия, эллинского духа, к тому же философа в эпическом восприятии мира. Может быть, свойственные нашей эпохе бездуховность и напряжённость Вы невольно передали и в Пушкине, но, может быть, я и ошибаюсь, неправильно воспринимаю. Пейзаж – элегический, написан просто, ясно, кратко, и я радуюсь, глядя на него. В нём передано не только романтическое, но и реальность, в которой Вы живёте. Это мне дорого. Удивляюсь, как это Вы при недостатке технических средств преодолеваете трудности. Впрочем, Ваша любовь к искусству всё преодолевает и преодолет в будущем. О том же свидетельствует и Ваша жадность к новым восприятиям, о чём Вы пишете. Приятно было читать, что Ваш огород радуется Вас всех своим многообещающим пышным ростом.

Что касается Илюши, о чём писали Вы ранее, а теперь пишет М<ария> К<лементьевна>, то, даст Бог, устроите

его в гимназию, как бы это ни было трудно. Очень жаль и вдову художника Николая Петровича Богданова-Бельского. От чего у неё болезнь? Угрожает ли это жизни? Будете писать ей, передайте от нас наше сердечное, дружеское сочувствие и пожелание скорее выздороветь.

Я нигде не работаю, как уже писал Вам, и ничего не предвидится. Туся, как уже писал, служит в бюро, и на её заработок мы живём. К<сения> А<лексеевна> иногда случайно шитьём кое-что зарабатывает. Как будет дальше, не знаем. Живём, как птица на суку. Вы большой оптимист, если полагаетесь, что нам <...>, может быть, представится возможность быть с Вами, хотя я мало верю в это. Ксения Алексеевна Вам напишет об этом со слов Туси: она узнала кое-что о той церкви, о которой Вам уже писал<sup>29</sup>. Может быть это будет зацепкой. Цепляемся за жизнь, за лучшее будущее. Обнимаем Вас.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.20-20 об.

\* \* \*

7 августа 1947 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Утро. Светит солнце. В руке папироса. Пишу Вам, чтобы побыть с Вами мысленно несколько минут совсем близко. Получил Ваше семейное письмо с фотография-

ми написанных Вами икон. Они будут переданы по назначению, как Вы просили. Будем всё же надеяться, что Вам удастся получить вызов, и мы, наконец, увидимся и, как прежде, будем снова жить в одном городе, встречаться и беседовать.

Не лишённый до сих пор некоторого присущего мне романтизма, я вспоминаю, как когда-то мы встретились на выставке в Риге и познакомились друг с другом. Большой период времени отделяет этот момент рождения нашей дружбы от настоящего, когда я пишу это письмо. Многое пережито нами обоими за всё это время, многое изменилось и в нас, но дружба наша сохранилась. Простите за эту своеобразную лирику. Жизнь так сурова, и всякая её лирика исключается. Я не знаю, в каком настроении Вы прочтёте эти строки.

Вы пишете о посещении Вами выставки современного искусства в Мюнхене. Печально, что она выражает нашу упадническую эпоху, наводнившую своими воззрениями не только искусство, но и литературу, и философию. Так писал ещё I. Benda, о чём читаем в его Essai, которое защищает философию экзистенциализма – существования человека для самого себя изнутри себя, а не из порядка жизни. Человек <...> существует не только социально, но и морально. В такой философии мы имеем своего рода «чёрный рынок» современной мысли. Существование для существования возводится в догму: всё позволено человеку, чтобы сохранить существование. Экзистенциализм есть альфа и омега жизни для жизни. Тяжело жить в такую эпоху, но ночь сменится днём, и упадок искусства, религии, философской мысли сменится их возрождением из тьмы к свету.

О себе могу сообщить, что в моей теперешней жизни всё как прежде, без перемен. Время идёт быстро: дни, как спицы в колесе, мелькают почти невидимо. Настроение, как состояние человеческого тела: то 40 градусов, то 35. Радует природа. Хотя и равнодушная к людям, она всё-таки воспринимается мною как близкий друг, в её широте забываешь о малых комнатах, трубах и крышах. Глаз отдыхает, к чему-то большому, высокому зовёт природа из бездны современной жизни, из грохота, шума и запаха автомобилей.

Не помню, писал ли Вам, что в последнее время я занялся графикой, а также обёрточной бумагой <...> для создания красочных композиций. Хороший материал обязывает: обёрточная бумага, оставшаяся от покупок, даёт полную свободу для творчества для самого себя.

В посылку Вам приложим нужные Вам краски карминового цвета, о которых Вы писали. Как Ваши иллюстрации к сказке «Золотая рыбка»?

*Ваш В. Синайский*

Р.С. К<сения> А<лексеевна> просит передать Марии Александровне адрес Софьи Андреевны: 32 Rue Maximilien, Ixelles, Bruxelles. Моя семья, как и я, шлём Вам всем дружеский привет и пожелания Марии Александровне и Марии Клементьевне. Пишите, дорогой Евгений Евгеньевич, больше о себе, о внутреннем мире, о Ваших близких. Обнимаю Вас. Ваш портрет Пушкина, как и Ваш город, висят у нас за стеклом буфета и глядят, как мы вспоминаем Вас. Сердечное спасибо за Ваши письма.



\* \* \*

6 сентября 1947 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Много раз я писал Вам, но не был доволен письмом и не посылал. Вот пишу ещё, оставляя в стороне вопрос, о котором Вам пишет К.А., хотя по существу это и верно, как теперь выяснилось. Сердечно благодарю Вас всех за поздравления и воспоминания, столь дорогие для Вас, но, увы, из далёкого прошлого.

Как-то перечитывал свои наброски и нашёл там белые стихи от 5 июня 1923 года: «Уж ранний час утра» и от 4 июня того же года «Был поздний час вечерний». Я перечитал их. И тогда мы стали ещё ближе, и Вы открылись мне в Вашем затаённом желании того семейного счастья, которое теперь Вы имеете. О, как это было давно и как это близко нам и теперь.

Видите, я ещё вопреки всем суровым урокам жизни остался романтиком. Но что же поделать... Обнимаю Вас и всех Ваших крепко.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Пишите, мы так рады Вашим письмам. Вы ими даёте нам бодрость жизни, что-то светлое, высокое. Я знаю, Ваше сердце тревожно, но Вы молоды, сильны и телом, и духом. Я верю, что все трудности Вы перенесёте молча, как это свойственно Вашей натуре.

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.23-23 об.

\* \* \*

22 сентября 1947 года

156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Только что получил Ваше письмо, написанное Вами где-то на станции в ожидании поезда. Из него я узнал о Вашей выставке в Мюнхене, и вместе с Вами порадовался, что её поняли, что она вызвала добрые чувства у людей. Ваша любовь к творчеству, прекрасному, искреннему передалась и им. Жалею, что я не мог лично разделить с Вами Вашу радость. Каталог я получил, прочёл его с душевным волнением, тихо, медленно и глядел на святые ворота, напоминавшие мне о том времени, когда мы оба стояли перед ними.

За Ваш подарок очень благодарю Вас: так живо вспоминался Киев и невольно воскрес он в памяти со своими главами церквей, возвышенностями, скатами к реке, разливом которой я когда-то любовался. О, как это было давно!

Батюшка сообщил, что он послал Вам письмо и что посланное ему Вами он получил. Но что он писал, мы не знаем. Вообще у меня лично мало надежды, как, по-видимому, и у Вас. Но кто знает будущее? И что нам лучше, что хуже, мы также не знаем.

В последнее время побывал на нескольких выставках. Удивительная была выставка Тулуз-Лотрека в его поражающем мастерстве: едва касается рука, немного, но

большого и не нужно. Это своего рода вдохновение, а, может, я и ошибаюсь – только мастерство зрелого, одарённого художника. Вы, конечно, знаете его произведения, напишите мне о нём Ваши суждения.

Был ещё на выставке самоучки Van Nèche – фламандца, пишущего акварелью произведения малого размера так, как будто они написаны маслом. Удивительно и непостижимо это искусство в его технике! Ему за пятьдесят, и он выставляется впервые в жизни. Было выставлено много работ, причём три или четыре – большого размера. Удивительная гармония красок, заполненность формата, правдивость восприятия природы при небольшой карикатурности фигур. Кое-чему я поучился на этой выставке.

Был ещё на удивительной детской выставке, авторам от 6 до 16 лет. Картины большого формата. О, какая там свежесть, острота восприятия, своеобразная передача необыкновенной простоты и силы. Все технические недочёты куда-то исчезают, остаются надолго образы <...>. Выставка эта имела большую посещаемость, открыта была и в других больших городах Бельгии.

Посетил ещё выставку латышки, ныне бельгийки <...> Зарини, учившейся в Антверпене. Выставка хороша своей красноречивостью, свежестью, в некоторых картинах композицией, но в целом она всё же сырая, несколько неумелая, но дышится на ней легко. Это вторая выставка Зарини<sup>30</sup>.

На днях открылась выставка «От Давида до Сезанна». Я ещё не был на ней, но уже заранее переживаю волнение.

Снова увидеть французское искусство в его историческом развитии за столетие!

Был ещё на выставке Кулиша. Цветные рисунки, сюжетные – и Апокалипсис, и Данте, но они мне не понравились, как ни странно. Нет в них цельности, нет той мистичности, которая могла бы взволновать душу. Какая-то несогласованность в построении, литературность.

Теперь читаю поэму «Гибель Атлантиды» Г. В. Голохвостова<sup>31</sup>. Удивительная поэма, оригинальная, своеобразная, классическая! В ней оригинальные иллюстрации художника А. П. Авинова<sup>32</sup>. Они мистичны, но полны очарования, уносящего к целому в единстве неба и земли, позволяющего постичь «в явлениях немалую дробность, а цельного правды начальную суть». «Весь мир природы самой голосами признал любовь бытием бытия».

Ваше известие о здоровье Надежды Николаевны очень огорчило всех нас. Мы думаем так же, как и Вы, что причина её болезни скрыта в её душевном состоянии, в отчужденности буквально от всего. Больная её душа замкнута в себе самой. Я замечал это и раньше, пытался помочь ей, но мне никогда это не удавалось. Передайте ей от всех нас сердечный привет. Может быть, она всё же справится с собой, вернётся к жизни, доброму, прекрасному, а через то и к себе. Обнимаю Вас дорогой Евгений Евгеньевич. Всего доброго Вам и всем Вашим, привет от всех нас.

*Ваш В. Синайский*

P.S. На Вашей выставке художникам есть чему поучиться: что есть шаблон и что есть мастерство. Молодая душа не отделяется от мира, она спаянна с ним неразрывно. Единство мира и человека открывается... Между прочим, сообщаю, что Ваше письмо было досмотрено на таможне. Пишите, дорогой Е. Е., чаще. Ваши письма для нас радость.

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.24-25.

\* \* \*

30 ноября 1947 года  
156, Avenue Albert, Bruxelles – Forest, Belgique

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Известие о Вашей внезапной болезни поразило меня, и только по мере того, как мы дочитали письмо до конца, более или менее успокоилось сердце. Хорошо ли Вам в больнице, как перенесли операцию, а главное, как чувствуете себя теперь, идёт ли полное выздоровление? Я и сейчас всё ещё продолжаю беспокоиться за Вас, и всякие мысли приходят в голову. Но Вы ещё сравнительно молоды, и это побуждает верить, что Вы скоро поправитесь от этого ужасного аппендицита, а главное я верю в Руку, ведущую нас через испытания и страдания к нашему же благу. Что пережили Ваши родные и близкие! Как это тяжело было им! У Марии Александровны есть

крепкая вера, и, как она сама пишет, это укрепляло её. Да, несчастны те, у которых вера поколеблена или её совсем нет. Если Вы уже как следует поправились, напишите, так радостно будет увидеть Ваши строчки. Я всё думаю о Вас: дай Бог, чтобы Вы после всего перенесённого стали крепче. Эта болезнь незаметно уменьшила Ваши силы.

На выставке «От Давида<sup>33</sup> до Сезанна<sup>34</sup>» я ещё не был, но, судя по рецензиям, она сборная. Лучше представлены Клод Моне, Милле, Руссо<sup>35</sup>. На этой неделе, вероятно, уже буду на выставке, тогда и напишу. Оказывается, я, по-видимому, ошибся, когда в последнем письме написал Вам, что батюшка выслал Вам сообщение о Вашем деле. Письмо для Вас написано, но оно ещё должно быть подписано соответствующими лицами. <...>. Будем надеяться, что всё так или иначе устроится на благо Вам. Обнимаю Вас крепко и привет всей Вашей семье и деткам в особенности. Трудно духовно сейчас жить.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Кармин Вам будет выслан. Сообщите о здоровье Надежды Николаевны. Нас всё очень огорчает, я уже писал об этом. Будем надеяться, что она справится с собой. Посылаем Вам и всей Вашей семье сердечные поздравления к праздникам. Скорее выздоравливайте и пишите. Ещё раз обнимаю Вас.

\* \* \*

18 декабря 1947 год

Дорогой мой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо из клиники от 21 ноября и из дома от 8 декабря и радуюсь, что Вы уже в семье, и печалюсь, что Алёшенька (сын Е. Климова – *ред.*) лежит с поднятой ногой. Там, где свет, там и тень; так и в нашей жизни. Поправляйтесь оба окончательно, и Мария Клементьевна скорее восстановит свои силы, отдохнёт от тяжёлого пережитого.

Вы спрашиваете о Татьяне Владимировне<sup>36</sup>, пишет ли она иконы и как она вообще путешествует? Она очень занята, говорила, что устраивает книгоиздательство (богоугодных книг), хотя ещё и недостаточно для этого собрано ею средств. Как монахине, ей, по-видимому, легче получить разрешение на путешествие. Писала мне, что скоро будет в Брюсселе. Если Вы хотите, чтобы я переговорил с ней о Вас, напишите мне. В её полной благожелательности я не сомневаюсь.

Вы пишете о людях, об их сущности (нутре), и это верно. Но бывает, что и сам человек не знает своей сущности, так он весь век и проживает. Этот вопрос, находясь в изгнании, хотя и добровольном, я задаю себе. И только в ретроспективе жизни, как на экране в кино, рассматриваю самого себя, чтобы хоть немного познать свою сущность; учитываю и наследственность. Но об этом как-нибудь позже.

Человечность, когда мы её испытываем, в особенности, в беде, несчастье, остаётся в нашей жизни незабываемым светом, несказанной радостью. Я имел эту радость, получив при моём переезде за границу в то давнее время, когда встретил доброе, простое участие в судьбе моей и моей семьи. Когда-нибудь при свидании расскажу Вам. Здесь же, в новой обстановке, нет и следа человечности.

Для чего жить? Только не для себя! Жить для себя – это не жить, а просто существовать, как существует природа.

Вы пишете о Канаде. Мы тоже думаем о ней, но впереди пока что темно, ничего не видать, в особенности для меня, находящегося в том возрасте, когда человек никому уже не нужен, не перспективен. Но, тем не менее, невозможное для человека возможно для Бога! Вы пишете о своей старости... Какой пустяк! Перед Вами всё открыто, всё ещё впереди. Вы пишете о природе. Да, она остаётся и в старости. Я так же, как и Вы, живу с ней в слиянии, она не мёртвая, но живая, она самый близкий друг для меня, всегда со мной. Вместе с тем произошла и большая перемена: природа теперь воспринимается как никогда глубже, полнее, интимнее, своеобразнее. Вместе с природой, в слиянии с ней, растёт и духовный облик человека. Через природу открывается и Бог, Который явил Себя в ней: столько красоты, добра, мудрости, цели и смысла!

Я уже писал Вам о гравюре с видом Киева. Она доставила мне большую радость: вспомнил, воскресил далёкое прошлое; и дорого, вместе с тем, Ваше дружеское



внимание. С большой проницательностью всматриваюсь и в портрет Достоевского. Спасибо и за этот подарок. Да, Русь – это не Запад. Мысль, её глубина, всеобъемлемость глубоко лежат в глазах Достоевского и во всём его облике. В изгнании всё это иначе воспринимается, чем прежде. Словами передать невозможно, но оба это мы чувствуем.

Письмо, полученное нами от батюшки, неутешительно для Вас. У меня было мало надежды. Но что нам лучше и где – мы этого не знаем. Здесь жизнь холодная, трудная; сердце солнышко не греет; люди любят собачек; охотно все обещают и ничего не делают. Тяжело сознавать, что мы не встретились здесь, как временами я об этом мечтал. Но хорошо и то, что мечтал.

Ваши <мысли> чрезвычайно интересны. В них так много Вашей правды, нам родной и «далёкой». И это правда: всё или ничто; нет золотой середины; полярность души мучительна, трагична, но она же и радость размаха, силы, мощи, дерзания, так сказать, универсальная индивидуальность. Я мал, ничтожен, меня почти нет, но я и велик, я – всё, во всём, и всё во мне.

Был здесь на многих выставках. Они как грибы урожайной осенью. Я писал Вам, в частности, о выставке одной латышки Зарини: мастерства много, а искусства мало. Но она ещё молодой художник, и судить о ней окончательно пока что трудно.

Побывал я и на выставке от «Давида до Сезанна». Странное чувство пережил! Как будто был где-то в прошлом, милом, дорогом... Но так оно далеко от настоящего! Мощь, спокойствие так далеки от стремительного

бега времени. Как я уже писал Вам, сама выставка сборная. Больше всего произвёл на меня впечатление Домье<sup>37</sup>: выразительность, лаконичность в фигуре при особой, к тому же, технике, поразили меня. К Давиду и Жегру<sup>38</sup> вообще я остался равнодушен по причине вышеуказанной. Это – прошлое. Они оба хорошо представлены на выставке. Сезанн почти не представлен (три небольшие вещи, в частности, «Негр»). Воспринял как-то близко Эдуарда Мане. Клод Моне красочен, живой Писсаро в технике манерен, скучен. Кижо представлен слабо, больше Курбе<sup>39</sup>, но он с его коровами как-то не дошёл до сердца. Сислей<sup>40</sup> был ближе. Ренуара я видел и получше картины. Милле (три вещи, одна из них «Ангел») не тронул меня, как-то было прежде. Всё это прекрасно, высоко и далеко, а почему и сам не знаю. Может быть причина тому – сборность выставки, калейдоскоп. Странно, сам себе удивляюсь. Очевидно, стал я другим. Хочется чего-то ближе, задушевнее. Классицизм и реализм – как это уже далеко от меня! Хочется более душевного... Не знаю, не знаю, не думаю, что я устал от большого искусства, но Рембрандт мне ближе. В следующем письме попытаюсь дополнить, а пока что ограничиваюсь сказанным.

Пишите, дорогой Евгений Евгеньевич, не сердитесь на меня, что я пишу реже. Мы все шлём Вам всем наши поздравления с праздником и Новым годом. Посылку Вам передали для отправки, но пойдёт ли она, мы не знаем; встретились какие-то затруднения. Но, может быть, как мне сказали, всё ещё уладится. В посылке вложено для Вас то, что Вы заранее просили (кармин). Дай Бог, чтобы Вы её получили, но всё всегда меняется.

Кстати, я ошибся, когда писал Вам о Печёрах<sup>41</sup>, но Вы так близки мне в искусстве, что я мыслил себя невольно вместе с Вами. Много хотелось бы рассказать, но писать трудно. Не написали ли Вам адрес д-ра Дементьева<sup>42</sup>? Мы всюду спрашиваем.

И ещё о Печёрских воротах монастыря. Теперь вижу, что я ошибся: я не был с Вами в Печёрах. Мне как-то это странно! Как могло быть, что мы не были там вместе?! И невольно встал Изборск, пасхальная ночь, весна; писали вместе и портреты, и природу, и дома, и её – радость нашей молодой жизни, ключом бьющую в нас. Такое счастливое время не проходит, и всё остаётся в памяти живым и прекрасным. Мысленно обнимаю Вас крепко. Напишите, как идёт посылка. Принялись ли уже за работу?

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 27-30.

\* \* \*

12 января 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Да, было когда-то хорошо нам в Изборске, где мы встретили и милых нам Макаровских<sup>43</sup>. Как Вы пишете, сын не пошёл в отца. Что делать? Такое уж наше время.

Может быть, позже выровняется и духовно станет как отец.

Прошедший год у Вас – год восприятия искусства и размышлений, что укрепит Вас ещё больше в Вашем новом творчестве. Хотелось бы мне увидеть то, что сделано Вами за это время, показать и то, что сделано мной за этот год. Я много работал, и когда сам пересматривал свои наброски (тушь, гуашь, акварель), думал о Вас; Вы как будто сидите со мной. Научно я меньше работал, занимался и литературной работой. Больше наблюдал природу и размышлял, как и Вы.

У нас была мать Серафима<sup>44</sup>. Она не получила Ваше письмо, и я дал ей Ваш адрес, она напишет Вам. Получили ли Вы моё последнее письмо? В нём я писал о выставке «От Давида до Сезанна». Туся получила Ваше письмо и собирается ответить Вам, что, видимо, Игорь Грабарь<sup>45</sup> жив. С Вашей оценкой его творчества я согласен. Помню то время, когда он у нас обедал. Как давно это было! Не знаете ли Вы чего-либо об Убане<sup>46</sup>?

Поговорим об искусстве. Вы пишете: «В пейзажах хотелось найти какой-то слаженности всех частей, которая зовётся классичностью, но пока что только попытки, и до полного осуществления мне бесконечно далеко». Может быть, Вы поясните мне, почему Вы слаженность частей называете классичностью? И далее – что Вы разумеете под слаженностью? Целостность ли? Неэтичность? Выбрасывание ли деталей из конкретности? Только ли композицию как первенствующее? Вообще, поясните Вашу мысль о слаженности, чтобы я мог в следующем к Вам письме поделиться с Вами мыслями и в этом вопро-

се. В частности, какие попытки Вы сделали в этом направлении, чего всё же достигли? Буду ждать с нетерпением Ваших пояснений, чего Вы достигли, и почему Вы считаете, что это ещё далеко от полного осуществления, и чего ещё не хватает у Вас. Я, конечно, понимаю, как трудно искусство в его достижении, но меня здесь интересуют конкретно Ваши попытки за прошлый год.

Надеюсь, что Вы, благодаря героическим усилиям Марии Клементьевны, поправляетесь, но всё же поберегитесь, не поднимайте тяжёлое, пусть всё крепко зарастёт. Начали ли Вы снова работать? Как здоровье Марии Александровны, братьев, Софьи Терентьевны? Довольны ли Вы остались своими артистами в виде Пимена и Григория<sup>47</sup>? Жаль, что я не был с Вами в то время.

Посылка к Вам, по-видимому, пошла: мы до сих пор не получили её обратно. Мы все ещё раз шлём Вам поздравление с праздниками и самые наилучшие пожелания. Главное из них – осесть прочно, не быть птицей на ветке. Так, птицами, чувствуем себя мы... В тяжёлые минуты раздумья и печали <...> я верю в благословляющую Руку. Оглядываясь на прошлое, вижу, что многое было катастрофического в нём, но она выводила. Выведет и Вас всех. Жизнь учит этому. Вы ещё молоды, энергии у Вас много. Теперь, после перенесённой операции, Вы <...> станете крепче и ещё выносливее. Да и избавитесь от будущих «аппендицитов». Словом, хорошо.

Пишите нам письма. Они доставляют нам радость и укрепляют наши духовные силы, а духовные силы крепят и физические. У нас здесь мокрая зима, но хорошо, что тепло. Как у Вас? Солнышка мало, но свет прибывает.

Время идёт быстро, и теперь всё к свету, к солнышку. Все мы шлём сердечный привет. Всех заочно обнимаю.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Относительно Николая Ефремовича Вам писала К<сения> А<лексеевна>, большего мы ничего не знаем. Получили ли Вы её письмо? Передайте, пожалуйста, наши поздравления и пожелания наилучшего Надежде Николаевне.

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.31-32.

\* \* \*

23 января 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Очень рад, что Вы получили моё большое письмо и так тепло ответили на него, что я и сейчас хожу под впечатлением. Сегодня был на выставках Maurice Van Essche<sup>48</sup>, Raoul Labarre<sup>49</sup>, бельгийского графика Rona и ещё барона Frederic<sup>50</sup> и иллюстратора Ferero. Первый из них был представлен африканскими сюжетами – Congo (Конго – *ред.*), Kasai (приток реки Конго – *ред.*), Le Cap (Кейптаун – *ред.*), Tansanica (Танзания – *ред.*) и другие. Имеется у него также много акварелей; особое внимание уделяется деревьям причудливой формы <...>, по-

стройкам, что интересно с точки зрения ознакомления с бытом неизвестной Африки. В общем же смысле живописи он скучен, модернист, хлёсток. Второй из них (R. Labarre) и как мастер слаб. Больше мне доставил удовольствия третий (Rona): смелость композиции, недоговорённость, оригинальность невольно привлекли моё внимание. Ему сейчас около 45 лет. Его акварели прозрачны, лаконичны, чувствуется вообще не только мастер, но и художник. Кое-чему поучился, пришёл домой и набросал четыре композиции (пейзажи). Четвёртый (барон Frederic) – один из лучших старых мастеров Бельгии. Поразил он меня чрезвычайно перспективностью: не верится, что это полотно, плоскость. Это случилось со мною впервые в жизни, когда видишь изображённое на картине ровно таким, каким оно было в жизни, в натуре. Он вообще натуралист, большой мастер, но... боюсь сказать, художник ли он по своей природе. Выставка ретроспективная, несколько больших залов, имеются миниатюры и очень большие полотна почти во всю стену. Удивительно и использование света – не всё академично, как в натуре, нет преодоления её в душе художника. В целом – скучно. В смысле перспективы меня необычайно поразили бытовые зарисовки: вечера, поминки и прочее. Последний (иллюстратор Ferero, итальянец) – очень разнообразный (перо и тушь по преимуществу), талантливый, живой, подвижник в своём искусстве; обладает лёгкостью, свободой и фантазией.

К тому добавлю, что там же, в тот же день, был ещё на выставке «Современный портрет». Разочарование полное, шаблон. Современная серенькая душа самодовольно

глядит со всех стен в заказной работе. Сделано всё, конечно, аккуратно, умело, но без подлинного художества – на заказ, но раньше и на заказ лучше писали. Может быть, я и ошибаюсь в своём суждении: талант всё же просматривается и в заказной работе, но я очень бегло осмотрел эту выставку, и в нескольких залах мне было скучно. Здесь вообще пишут на заказ цветы, портреты и пейзажи в дополнение к мебели («Дайте пятно на стену!»), что и можно видеть в мебельных магазинах. Вот это всё, а художественные выставки здесь без конца.

Вы пишете о своём несогласии со мной в оценке выставки от «Давида до Сезанна» в вопросе о динамичности и статичности. Тут, кажется, недоразумение. Динамичность я понимаю, быть может, своеобразно... Внешнее движение нашего времени начинается с Французской революции. Душа отошла от вечного, дающего покой и душе художника. У человека нет времени вынашивать образы... И пишется мимоходом. Если человек сосредотачивается, то он пребывает в поисках мастерства, а не притворства. Я вполне разделяю Ваше отношение к Сезанну, Эдуарду Мане и другим; ту Вашу переоценку былых для Вас ценностей в искусстве. Не всё прекрасное в мастерстве прекрасно в сущности красоты, как и красы самого человека, претворяющего в себе видимый мир и в нём человека – венец творения. Достаточно ли ясно я выразил свою мысль о динамичности в искусстве <...>?

Конечно, имеются исключения. Вопреки этому фактору люди уходят в себя от этой высшей динамичности. Они в синтезе внутренней статики и внутреннего же



душевного движения (динамики) создают и ныне подлинное искусство. Но это всё же исключение. То, что нас радовало в мастерстве, пытается радовать и сейчас, как человеческие достижения; но мы теперь ищем не только этого, но большего – любви к искусству в целом, как выявления вечного. Пусть это выявление самое маленькое, но в капле отражается дело, как отражается и мир.

Наша жизнь идёт по-прежнему, ничего нового, а то, что есть нового во внешнем мире, уже знаете. Постепенно проясняется в сознании и сердце человеческом, что без взаимной симпатии нет истинной жизни. Шлём Вам всем наш душевный, сердечный привет. Обнимаю Вас крепко.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.33-35.

\* \* \*

1 марта 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Очень жалею, что моё письмо оказалось неразборчивым. Мой почерк зависит от моей нервности, которая в наше трудное время вполне понятна. Мне также жаль, что вопрос об искусстве современном и классическом остался у нас до конца невыясненным. Не поняли мы друг друга и в вопросе о современном портрете. Понятно

всё же, что портреты пишутся на заказ во все времена, но поскольку заказ вообще выполняется для заказчика, а не для искусства, ясно, что такого рода выполнение заказной работы далеко в целом от искусства. В этом смысле я и характеризовал выставку.

Письма мои иногда идут долго потому что, как я думаю, многое зависит и от домашних обстоятельств. Они посылаются иногда позже, чем написаны. Так было, по крайней мере, с последним письмом от 21 января. Ваше же письмо от 21 января (какое совпадение, писали друг другу в тот же день!) меня очень обрадовало. Ваши наброски утра и осени и сейчас и сейчас стоят перед моими глазами. Они свидетельствуют о Ваших глубоких исканиях художника в области композиции. О ней, во всяком случае, можно судить по наброскам. Это уже не этюды. Я воспринимаю их, как попытки стать композитором, сказать своё художественное слово. В смысле цельности восприятия мне больше мне говорит Ваше утро, чем осень. Но, конечно, судить очень трудно, не видя то и другое в красочном выполнении, воздушности, колорите. Как бы хотелось взглянуть на Ваши другие произведения того же рода, чтобы нам обменяться, как-то было прежде! Мало надежды на это, но будем всё же надеяться.

Мало-помалу уходят великие люди нашего времени. Спасибо за воспоминания о художнике Убане. Как-то раз мы вдвоём с ним писали, и я вижу его в художественном творчестве, как живого, перед собой.

Почему отложили операцию Софье Терентьевне? Обойдётся ли всё без операции и надолго ли отложили? Радуюсь за Палю и Костю (имеются в виду братья Е. Е. Кли-

мова – *ред.*), что первый имеет преподавательскую работу, остальное устроится, и за второго – он преуспеет в своём искусстве, а будущего вообще никто не знает. Мария Александровна наша – идеал для нас всех; я часто думаю о ней, как о светлом образе, кротком, но исполненном необыкновенной разносторонности – физической и духовной. То, что Илюша стал «индейцем» – это хорошо. Индейцы – хорошие люди. Я сам иногда переживаю себя индейцем, но также и египтянином, как будто когда-то я был ими. Алёша несёт в себе непосредственное творчество, потому, я думаю, он больше, как Вы пишете, зажигается. Глядя на них, радуйтесь: они – молодая жизнь в Вашей большой, сплочённой семье.

В порядке ответа на Ваше письмо перехожу к Вашему пониманию классичности, как слаженности; так Вы её определяете. Это в общем верно, но, как я уже писал Вам, в ней есть покой в гармонии, как равновесие не только внешнее, но и внутреннее, – тот высший мир, о котором Вы пишете, упоминая Рембрандта. В последнем письме от 16 февраля Вы упоминаете о неких больших вещах, давших Вам подъём. Мне бы очень хотелось, чтобы Вы написали мне об этом подробнее, как о самих вещах, так и о том подъёме, который Вы пережили. Не забудьте, напишите мне об этом. Хотелось бы взглянуть и на Ваш двойной портрет (*Stilleben* – натюрморт – *ред.*).

Поздравляю Ваших молодых артистов с новым успехом и желаю им дальнейших успехов на радость себе, родителям и всей семье с бабушкой. Грустим из-за Надежды Николаевны, передайте ей при случае наш сердечный, дружеский привет. Поздравляем Вас с освяще-

нием Вашего образа св. Вунибальда (Wunibald)<sup>51</sup>: «Нет, весь я не умру», душа переживёт и «тленья избежит»!

Теперь несколько строк о себе моему спутнику жизни. Я всё время работаю, чтобы избежать жизни, найти забвение в самом себе. Как уже писал, нахожу его в трёх областях: в научной работе, искусстве и литературе.

В последнее время пишу пастелью. Опасное это дело, слишком само собою выходит красочно, радостно, светло, чисто (всё это композиция). Не знаете ли, как можно её закреплять кратким способом, без утраты красочности? Напишите об этом. Акварель мне что-то теперь не даётся, как это было прежде. В чём дело, не понимаю. Маслом совсем не пишу <...>.

В науке пишу по истории культуры. Когда гуляю, как никогда воспринимаю природу, а теперь я – как влюблённый в начинающуюся раннюю весну: всё в ней неуловимое, как тайна природы, близко моей душе в её интимных переживаниях. Вообще же вне забвения душа беспокойна, тревожна; мысли её одолевают. Борьба с ними трудная, иногда совсем не по силам.

В семье все благополучны, здоровы. Время идёт быстро. Зима уже позади. Гляжу уже на почечки, пробивающуюся травку; солнышко уже ласкает своим пока кротким светом, теплом. А кругом так жалобно в мире, события развиваются. Но будем всё же надеяться, не так ли, дорогой Евгений Евгеньевич? Пишите. Все мы шлём Вам и Вашей большой семье наш сердечный, дружеский привет. Обнимаю Вас мысленно.

*Ваш В. Синайский*

P.S. О Николае Ефремовиче ничего не знаете больше того, что писали раньше?

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 36-39.

\* \* \*

29 марта 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Поучил Ваше дорогое для меня письмо со штемпелем от 8 марта. Не писал Вам: был у меня небольшой грипп, сидел дома, настроение было скверное. Очень грустно было узнать из Вашего письма, что предстоят две операции <...>: у Софьи Терентьевны и у Марии Александровны. Будем же крепко надеяться на хороший их исход.

Передавали Вы мне, что Вам удалось достать холст. Жаль, что я не могу увидеть Ваши более крупные работы. Мысленно, по Вашему описанию, стараюсь их представить себе, как Вами уже написанные. Этюд, посланный для меня Вами, до сих пор не получил.

Приятно было также узнать, что Вы повезёте в Kitzingen<sup>52</sup> около ста Ваших работ. Была ли уже там Ваша выставка?

Вы пишете, чтобы я прислал Вам свои наброски. Трудно это сделать, так как набросок мало что передает, ибо линейная композиция создаётся также в целом и красочном восприятии. Но всё же попробую это сделать, послать Вам один-два наброска в письме.

Ещё Вы пишете, что забвение себя в творчестве может привести к отрицанию жизни, если пропадёт любовь к миру. Страшные эти Ваши справедливые слова. Да, в самозабвении есть весьма опасная сторона, Вы совершенно правы. Но всё же в творческом самозабвении, в любви к нему, я думаю, и есть само творчество, предохраняющее до некоторой степени человека. Как Вы думаете?

В это время я думал об искусстве особенно много, перерабатывая свои порядка двухсот очень маленьких по размеру набросков, всё ища в них что-то новое для меня, радостное и серьёзное. Рука моя не очень-то искусная, для малых вещей в особенности. Писал я так, чтобы избежать линий, рисуночности, как бы пятнами – и то радуюсь, то печалюсь. Всё ищу и всё не то, чего душа просит. Почти каждый день пересматриваю их в разном освещении и снова рьяно ищу и не нахожу.

Вчера был на ретроспективной выставке законченных и незаконченных картин Turner`а<sup>53</sup>. Он родственен моей душе, понятен. Я ищу неба на земле, он же на небо переносит землю в последних больших своих вещах, за что его в своё время осуждали. Чудесна его акварель. Он также избегает линий. В особенности пленила меня его «Музыка», меньше – «Дом у ручья», но и он восхитителен. Многому у него поучился; пробовал писать так же – ничего не вышло. Проблема света у Turner`а разрешается оригинально, неподражаемо.

Был ещё на выставке итальянского прикладного искусства. Порадовался за итальянцев: большой прорыв в этой области. Открылась у нас и американская выставка. Я ещё не был на ней. Но по отчётам в газетах она не

представляет американского искусства – подражание Европе.

Мысленно обнимаю Вас, дорогой Евгений Евгеньевич. Напишите, как прошла Ваша выставка. Довольны ли Вы ею? Сердечный привет от всех нас.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.40-41.

\* \* \*

9 апреля 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Сегодня, 9 апреля, получил Ваше письмо. День солнечный, более тёплый, чем предыдущие дни. Настроение моё тихое, светлое, как солнечный весенний свет. В комнате две ветки сирени, за ними – повешенные мною четыре новые композиции. Лёжа на диване, гляжу я на них и размышляю о Дюрере; его «Страсти Христовы»<sup>54</sup> получил от Вас вчера; спасибо Вам за них.

Вы хотели бы, чтобы я поделился с Вами моими мыслями и чувствами о Дюрере. Они вполне совпадают с Вашими, изложенными кратко, глубоко, всесторонне. При первом восприятии меня поразила витражность: всё в деталях, главное сразу не воспринимается. Далее удивила необыкновенная динамичность, колоссальная

напряжённость движения. Что-то стихийное, как буря, пронеслось передо мной, пока я перелистывал страницу за страницей, и несколько успокоился, когда снова взглянул на лик Христа на обложке. Нет, такой Христос для меня чужой – страдальческий, благой, в терновом венце; лик человеческий, но не Богочеловеческий. Композиция цельная, почти прямоугольник.

Много раз я снова пересматривал другие композиции. И всё в них человеческое, а не Богочеловеческое. В особенности поразили меня в этом отношении «Взятие Христа», «Бичевание», «Погребение». В «Воскресении» Христос изображён как крепкий, мускулистый античный муж с жезлом в руке. Вообще всё дышит античностью, столь знакомой мне. Это и неудивительно: западное искусство в своих истоках не восточное, поэтому и Мадонны – человеческие. Они так далеки от изображений Божьей Матери в иконописи! Также далёк и человек-Христос Дюрера от Богочеловека-Христа, Спасителя мира.

Композиции Дюрера в общем классические: в виде креста («Тайная вечеря»), треугольника («Моление о чаше»), центральные линии («Бичевание»), прямоугольника четырёх частей с косым крестом («Христос перед народом») и так далее. В частности, повёрнутые в сторону головы (титульный лист), лица, смотрящие в разные стороны, соучастие природы – языческий основной мотив выражен и в «Оплакивании Христа», что и Вам бросилось в глаза. Эти пантеистические черты всюду в языческом творчестве – и вот, вся окружающая природа слушает игру Орфея на лире, и в «Погребении Христа» Дюрера деревья наклоняются. Мастерство Дюрера пора-



зительно, композиции его совершенны (в особенности «Воскресение Христа») по своей полноте, звучности, восторженности, цельности, в круговом многообразии и пышной торжественности.

Я с Вами вполне согласен, что душа Дюрера страдальческая. Она искала Небесного Града и не находила его. Всё потому, что язычество низводит Божественный мир до человеческого, а из последнего не так-то легко выбраться в Божественный мир! Но, тем не менее, страдания Христа-человека близки человеческому сердцу. О, как Он страдал за нас, людей, и в этом глубокий смысл Страстей Христовых для западного сердца. И торжество Христа-человека в Воскресении есть и торжество для сердца человека. Поэтому и нам, воспитанным в духе восточного Православия, где Христос-Богочеловек, так трудно понять западного христианина, для которого, по существу, Христос есть человекобог.

Жду Ваш этюд, посланный Вами с Марией Андреевной<sup>55</sup>, а также с большим нетерпением Ваших дум и переживаний, связанных с Вашей выставкой. Очень рады были получить вложенное Вами письмо от Софьи Терентьевны, такое трогательное, сердечное. Радуюсь, что и бабушка с ней вместе увидит своих внучат. Иван Сергеевич<sup>56</sup> – трогателен. Я как-то раз, давно это было, получил от него глубокое, задушевное письмо. Рад был узнать, что он жив и здоров. Все наши прогнозы в руке Божией. День нам Им дан, и благодарим за него.

Наброски своих композиций я ещё не приготовил. Я всё ещё думаю и не решаюсь, что выбрать, что послать Вам. Жду от Вас и обмена мыслями по поводу композиции,

о чём Вы упомянули в последнем письме. Кстати, Вы как-то спрашивали меня о Вашем рисунке, исполненном когда-то в Печёрах, фотографию которого Вы мне прислали. Он очень тонкий, сильный, но аскетичен. В творчестве, как я думаю, время – необходимый акцент. К этой мысли привёл меня Пушкин, говоривший о художественной оценке литературного произведения. Он же натолкнул меня ещё на две мысли: об искренности к самому себе и о равнодушии, как условию беспристрастной оценки явлений, как я думаю, и оценки своих произведений. Когда-то давно я говорил Вам, что по окончании работы художнику трудно быть объективным; нужно, чтобы прошло время, чтобы взглянуть на произведение, как на чужое. Сердечный привет от всех нас. Обнимаю Вас.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Забыл упомянуть, что посылки, отправленные нами одновременно с Вашей, дошли по своему назначению, о чём мы имеем сведения. Вероятно, скоро и Вы получите, чему мы радуемся. Напишите, как получите и что получили, всё ли в исправности. Приятно, что письма доходят скорее – итак, во всём прогресс во временах. Обнимаю Вас ещё раз и крепко целую.

R.P.S. Как устроилась Надежда Николаевна? Желаю полного успеха Вашей выставке и того душевного отклика зрителей, который увеличивает энергию художника.

\* \* \*

25 апреля 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Сегодня утром получил Ваше письмо, и сразу же отвечаю. Слева окно во двор. Небо чистое, без единого облачка, мягкое, спокойное, радостное, белесоватое – не синее и не голубое. Справа, на столе, лежит присланное Вами и дорогое мне воспоминание о Праге – Ваш этюд. Тогда мы писали вместе. Какое счастливое было время! Небо на этом этюде такое же чистое, мягкое и спокойное. В низу этюда лежит Ваш конверт, чуть закрывая нижний конец большого ствола правого дерева. Композиционно это усиливает целостность построения овальности, образуемой двумя стволами. Весь этюд, хотя и контрастный в стволах, тем не менее, также спокоен и мягок – и земля, и небо в гармонии.

Вы пишете, что этюд скучный. Я не согласен с Вами: в своей скучности он имеет свою серьёзность, исключаящую и нарочитость, и случайность. Спокойствие и движение (в ветках) синтезируются, что даёт также глубину и живость. Понятно, что этюд графичен, он плоский, но художник вправе дать и иной подход к искусству. Вообще в нём имеется оригинальность, и я бы хотел, чтобы Вы попробовали исполнить его в некоторых других работах в этом же направлении стиля именно с теми качествами, о которых я упомянул (чистота, мягкость, контрастность, синтез покоя и движения, целостность построения и так далее).

Рядом с этюдом лежит сложенный каталог Вашей выставки с Печёрским рисунком (дорогое воспоминание, как знак, и в то же время это акцент и каталога, и души самого художника). В них (Печёрском и Пражском) есть что-то общее, хотя первый есть лишь кусочек (этюдность в конструкции), тогда как второй, Пражский, контрастен.

Просматривая содержание каталога, я частично представляю себе и Вашу выставку: и четыре сезона, и дома, и города, и деревья, и людей. Как жаль, что помещение выставки оказалось неудачным и что вообще она была плохо организована! Не огорчайтесь, мой друг: неудача бывает перед удачами, хотя, признаюсь Вам, я очень огорчён. Ждал-то я Вашей радости, заглядывал всё в почтовый ящик. Но Вы уже преодолели разочарование, не встретив отклика в чужом для Вас городе. Пушкин в одном из своих стихотворений сказал, что творец – строгий, совершенствующий своё творчество – есть «сам свой высший суд». Этот завет дан всем, кто занят тем или иным творчеством.

Глубоки и мудры слова Лао-Цзы, которые Вы приводите в Вашем письме: «Застой в творчестве – смерть творчества в человеке, его отверждение». Он уже не ищет, не живёт. Ищите же и обращайтесь! И как мучительны и радостны поиски в творчестве!

Весна в общем холодная и у нас. Я до сих пор (был простужен плюс флюс) ничего не писал на природе, но «глазом писал» много. Радовался и затаённости, и мягкости, узорчатости, пленительности просыпающейся весны, ласковости её солнца, дрожанию света, зовущего к жизни, творчеству. Дома же писал, как всегда в это вре-

мя, много; в поисках техники, композиции я отдавался размышлениям об искусстве. Темы: скупость и расточительность в искусстве, сдержанность и опьянение в творчестве. Вот своего рода афоризмы: «Радость глаза, остановившегося в непонятном изумлении, – забвение себя», «Буйство – не героизм». Технически писал небо пятнами, избегая линейности; искал новые красочные гаммы, даже красочные симфонии; мешал краски, чтобы найти новые тона, особенно затаённые, интимные, потусторонние; искал разнообразия серого – этот цвет до сих пор мало мною использован из-за неумения составлять его из разных красок. Теперь как будто есть уже маленький прогресс.

Как уже писал Вам, почти каждый день при дневном и вечернем (электрическом) свете я пересматриваю по частям уже написанное, изучая влияние света на цвет и размышляя о композиции. В отношении последнего пользуюсь тем, что закрываю по частям композицию. Иногда удачно или неудачно «анатомизирую», «оперирую», уменьшая формат и прочее. Занимаюсь переклеиванием на ту или другую бумагу. Словом, лаборатория; по принципу – ничего не уничтожаю, чтобы снова вернуться, иногда почти переписываю, сохраняю немного. Никогда не жалею – это своего рода исследование. Если это бросается в глаза, то оставляю. Если написано вновь, уже, так сказать начисто, тогда это некий архив, подготовленный для новых работ. Так я живу в искусстве, в творческом самозабвении.

Никогда я ещё так много не искал в искусстве, как последние два-три года. Жаль, что рука моя некрепкая,

хотя мало-помалу всё же становится несколько крепче. Я уже писал Вам, что время от времени прикалываю на стене несколько работ, чтобы лёжа на диване воспринимать их издали, размышляя об их качестве. Это своего рода выставка домашняя. Сейчас висят у меня четыре работы: три из них о весне; одна наиболее удачная – весенняя вода, мелкая, с выделяющимися кусочками земли, непокрытыми водой, с уходящими далями, возвышающимися в мягкой весенней зелени. Словами нельзя всего этого описать, надо видеть.

Сегодня же после обеда дописываю это письмо, перед тем набросав цветными карандашами то, что вчера «рисовал глазом» (кусочек парка). В целом неудачно, но всё же радостно, по-весеннему – мотив для других более удачных попыток. Мои сейчас в кино, а я дописываю это письмо. Так почти целый день я с Вами. Мысленно обнимаю Вас. Старался написать разборчиво, что потребовало много времени. Надеюсь, что Вы всё же сумеете прочитать без большого затруднения. Все мы шлём Вам наш сердечный, дружеский привет и наилучшие пожелания к светлому празднику.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

29 апреля 1948 года

Дорогие Мария Александровна, Мария Клементьевна  
и Евгений Евгеньевич, Христос Воскресе!

Поздравляю Вас всех со светлым праздником Пасхи.  
Дай Бог Вам провести его в мире и благополучии!

Сегодня мы с Тусей говели. Есть здесь одна маленькая церковка бывшего приюта для детей. В неё так уютно, так радостно себя чувствуешь и такой там благодостный, хороший батюшка! Он совсем незаметно, скромно создаёт у молящихся настроение, овеянное тихой ласковостью. В наше время это какое-то исключительное явление.

Как у Вас всё идёт, хорошо ли чувствуете себя или снова тревога? Крепко всех целую за себя и за Тусю, которая просит передать свои поздравления и приветы всем. Не забывайте нас.

*Ваша К. Синайская*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 48.

\* \* \*

31 мая 1948 года

156, Avenue Albert

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Не писал Вам сравнительно долго: был увлечён научной работой – своей «картограмматикой» (древнего греческого языка в его письменных знаках на карте неба плюс календарях), а кроме того бывает время, когда человек будто и сам не свой.

Получил, наконец, Ваш этюд. Он стоит у меня на камине, как будто Вы с нами. Он своеобразный во многих отношениях: по общности красочной скупости, по композиции, по новой манере письма, по восприятию природы, тончайший, компактный и так далее. Для меня дорога и его сюжетность. Это Вы там, на природе, с Вашим взглядом на Ваше жилище. Напишите, какой именно дом, где Вы живёте.

Гравюра Рембрандта висит у меня на стене. Когда я лежу на диване, я смотрю на неё и думаю как о нём, так и об искусстве в его внешней и внутренней качественности. Смотрю и учусь у этого великого мастера. Недалеко от этой гравюры, на той же стене, ещё четыре красочные композиции. Я меняю их время от времени. Гляжу и, как ни странно, сравниваю их. А находя недостатки, стараюсь запомнить, чтобы не повторить в будущем. На природе, сидя на скамейке и отдыхая, делаю



цветными карандашами наброски углов улиц, реклам на стендах – их здесь так много! – стриженных и не стриженных деревьев. Рисую без напряжения, рука как бы и не моя: чертит, а я гляжу бездумно, ничего не ищу, ничего не надо. Странное переживание себя – в природе и как бы вне её. Иногда приношу три-четыре наброска, наклеиваю и в архив.

Ваша последняя композиция, присланная также в наброске, мне нравится. В ней есть сила – она в сочетании карандашных нажимов, пятен. Может быть, в целом композиция графична, но в этом своя прелесть такого рода искусства. Получил и «Запечатленного»<sup>57</sup> с Вашей дружеской подписью, а я как раз недавно перечитал этот рассказ Лескова. Перечитывая его, удивился самому себе: очевидно, я стал уже другим человеком. Рассказ тенденциозен, искусственен в своей сюжетности, но, тем не менее, полон очарования, что я испытал при его чтении. Ядрёный, своеобразный русский народный язык, быт, люди-староверы, мировоззрение, духовные устремления <...> и многое другое... О, Русь наша, кто чужой её поймёт, когда и мы многого в ней не понимаем?! Как далеки и она, и мы от Запада! Но она всё же удивляет, как удивляла и англичанина в рассказе, а жену его – пленяла.

Нас беспокоит, как прошла операция у Софьи Терентьевны. Напишите, не откладывая, что оказалось? Как её здоровье, где она? Напишите также, поправились ли Мария Клементьевна и дети. Боюсь и за Вас (эпидемия!). Радует, что Марии Александровне не понадобилось делать операцию, с Вами ли уже она?

Весна холодная, дождливая и ещё как! «Хрущи (разновидность жуков – *ред.*) над вишнями снуют», как поют о вишнёвом садике. Какие уж тут хрущи! На улице бесконечные автомобили ездят, отравляют воздух, давят детей, взрослых и собак <...>. Обнимаю Вас, пишите о себе, о Ваших думах, поездках, об искусстве вообще и о Вашем также.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Дорогие Мария Клементьевна, Евгений Евгеньевич и детки!

Извините, что так долго не отвечала на Ваше милое, интересное письмо, Евгений Евгеньевич, а также задержала и письмо Василия Ивановича с посылкой. У меня было много работы: весенний сезон, шьют дамы, надо пользоваться. Кроме того, были и другие дела с приездом наших знакомых рижан: им надо было помочь с квартирой и прочим. На новом месте людям сразу трудно адаптироваться, а приехали сюда из Праги Нина Ал<ександровна><sup>58</sup> с матерью. Их выписал их сын и брат – доктор в Конго<sup>59</sup>. Новостей от них много не узнала, они подтверждают то, что уже было известно.

Кстати, мы с Тусей получили из Австралии письмо от родственника Николая Ефремовича, и он уже точно сообщил, что Кока (Н.Е. Андреев – *ред.*) в Германии, в русской зоне, и даёт уроки. Екатерина Ал<ександровна> у себя дома в Ревеле (Таллинне – *ред.*). Очень тяжело переболела (нервное расстройство), но теперь живёт сносно и, кажется, учительствует и даже получает пенсию.

Чудеса! Думаю, что эти мои сообщения Вас интересуют в первую очередь.

Что касается матери Серафимы<sup>60</sup>, то мы её время от времени видим здесь, и скоро, к концу июня, она снова приедет. Она чрезвычайно занята и для писем ей, верно, трудно выбрать время. На наше письмо к Пасхе она ещё не ответила. Что касается Туси, то от неё долго приходится всем ждать ответы. Она любит писать, когда располагает временем, не торопясь, а этого у неё и нет.

Как здоровье всех Ваших близких? От гриппа, надеюсь, поправились, а как рука Марии Клементьевны? Что с Софией Терентьевной – была ли операция и как её здоровье? Где Мария Александровна? Мы получили от них письма, очень хорошие и сердечные, и собираемся им ответить, а пока благодарим их за эти письма.

Мы живём по-прежнему. Весна нас не радовала. Стояла холодная и дождливая, что будет летом? Но для Бельгии это явление нормальное: жаркое лето, вроде прошлогодного, – редкость. Но мы живём в городе, у Вас среди сельской природы куда лучше летом! И огород иметь приятно. Конечно, требует заботы и ухода, но когда большая семья и много помощников, то не так тяжело вырастить овощи. Я теперь охотно переселилась бы в деревню, ближе к природе, но отказаться от возможности посещать, скажем, такую выставку, как сейчас здесь, тоже не хочется.

Сердечно всех обнимаю и желаю всем хорошего здоровья и благополучия.

*Ваша К. Синайская*

P.S. Очень приятно, что посылку Вы получили. Собираем следующую. Сообщите, что было бы предпочтительнее для Вас из пищевых продуктов.

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 49-52.

\* \* \*

4 июля 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Вашу грустную открытку о Надежде Николаевне, а раньше того – о Софии Терентьевне (писали подробно Мария Александровна и Мария Клементьевна). Как теперь? Улучшается ли здоровье после операции? Рад был узнать, что Вы выехали на работу. Как она идёт, довольны ли Вы ею?

Не помню, писал ли я Вам о Мюнхенской выставке. Мы все посетили её здесь. Большую радость доставило нам соприкосновение с прежним миром, столь далёким от нашего холодного, жуткого, в котором мы живём почти без надежды на скорое улучшение. На другие выставки, а их тут много, не хожу. Какие-то вызывают равнодушие – всё одно и то же, нет ничего нового, что вызвало бы подъём. К тому же вот уже четыре месяца, если не более, как сижу, почти не отрываясь, за научной работой, о которой уже писал Вам. Подвожу своего рода итоги

научной жизни, также почти без надежды увидеть их когда-либо напечатанными... Но вообще надо всё же надеяться, верить и любить, чтобы жить на свете, что и стараюсь делать.

Искусством сейчас почти не занимаюсь. Лето дождливое, холодное, гуляю мало. Вообще о себе не стоит писать – ничего интересного, заслуживающего хотя бы самого маленького внимания, нет. Жизнь идёт изо дня в день. В общественной же жизни ещё того тяжелее. Улучшается ли, хотя бы несколько, положение у Вас с новой денежной системой? Как Вы вообще, все ли здоровы? У нас здесь всё относительно благополучно, хотя жизнь не перестаёт несколько дорожать. Словом, всё по воле Божией, и на Него единственно и приходится надеяться.

Вы спрашиваете, почему до сих пор не послал Вам своих каких-либо набросков. Да просто не знаю, что послать и как можно послать. Дойдёт ли в письме? Разрешено ли теперь посылать в одном письме? Мысленно обнимаю Вас. Посылаю наш сердечный привет всей Вашей семье от всех нас.

*В. Синайский*

\* \* \*

3 августа 1948 года

156, av. Albert

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Очень Вы обрадовали меня известием о Николае Ефремовиче. И не только потому, что он может располагать сам собою, но и потому, что, как Вы сообщаете, он, по-видимому, устроился в качестве лектора в Кембриджском университете. Дай ему Бог этой удачи в жизни, этого счастья! Если увидите его, передайте наш общий сердечный привет и пожелания успеха в новой его жизни.

Очень грустно, печально было узнать из Вашего письма о смерти Н. Н. Лохова<sup>61</sup>. Снова оживает его образ – мудрый, величавый русский интеллигент, идеалист, любящий свою родину. Как давно это было, когда мы оба были в его мастерской, восхищались и радовались, видя то его необыкновенное, небольшое в мире искусства, найденное им самим. Как Вы думаете, оставил ли он людям приёмы своего мастерства, записав их, или же вся техника безвозвратно ушла с ним, потеряна для человечества?

Радуюсь, что Вы закончили свой альбом и возвращаетесь к своим близким. Удивляюсь, что моё последнее письмо так долго блуждало. Вероятно, оно было послано мною значительно позже, чем было написано. Напишите, когда Вы это послание получите.

Ваша мысль дать людям радость в Вашем альбоме правильная, симпатичная, она нашла своё выражение уже в первом листе альбома, присланном мне. Рисунок и техника мне нравятся. Чувствуется Ваша любовь к этого рода искусству, умение, опыт. Дай Бог успеха Вашему альбому!

Как здоровье Софьи Терентьевны? Улучшилось ли оно с течением времени, по крайней мере, улучшается или нет? Мы очень за неё беспокоимся. Напишите, не забудьте. Получил очень милое, бодрое письмо от Павла Евгеньевича. Он доволен своим положением профессора, и я рад за него, что он уже устроился.

Как Ваши дети? Как думаете их устроить, в особенности Илюшу на осень? Она уже приближается. Поправилась ли окончательно Мария Клементьевна? Как себя чувствует Мария Александровна? Мы все Вас сердечно обнимаем, шлём дружеский привет.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 55-56.

\* \* \*

4 августа 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Посылаю Вам свой набросок – ради композиции. Как видите, основная задача – по возможности избегать линий, найти целое, соединить небо и землю. Разумеется,

набросок остаётся наброском, и таких набросков у меня очень много. Хотелось бы выслушать Ваше дружеское суждение, советы.

Мне, конечно, очень жаль, что я не могу поделиться с Вами тем, что сделано за эти последние три года в Брюсселе. Если эти два наброска дойдут для Вас, то в следующем письме попробую послать Вам и другие мои искания. Они давали мне много забвения, делали жизнь более интересной, во всяком случае, побуждали к жизни. Жаль, что больше композиций нельзя прислать в письме.

Вот и ещё набросок весны, просто радости, как общее впечатление. Простите, что присылаю Вам такие пустяки, но по ним можно судить о моих переживаниях, новых попытках, исканиях, в частности, от отрешённости что-либо сделать. Когда мне грустно жить на свете, я пересматриваю свои наброски, как уже писал Вам. Ещё раз мысленно обнимаю Вас.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.57-58.

\* \* \*

28 августа 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше дружеское письмо. В нём столько широты и глубины понимания дружеской, близкой души! Как жаль, что мы разобщены, и, может быть, навсегда:



так неопределённо будущее каждого из нас. Спасибо Вам за все Ваши сообщения о близких нам и Вам людях. Кстати, я забыл Вас спросить, не знаете ли Вы адрес Лазерсона<sup>62</sup>, о котором Вы упомянули в Вашем предыдущем письме? Если знаете или можете узнать, прошу Вас написать мне, куда бы я мог отправить ему письмо. Я давно его разыскивал, но до сих пор неудачно. Очень жалею, что Вы не увидели у себя Николая Ефремовича. Написал ли он уже Вам и что пишет? Не мог ли бы он Вам помочь перебраться в Англию или США? Я думаю, что это для Вас было бы, может быть, желательно; во всяком случае, лучше, чем оставаться в Германии при настоящем в ней положении.

Очень жалею, что Софья Терентьевна медленно поправляется, и Вы правы, что для неё нужна более спокойная обстановка. Будем надеяться, что Мария Александровна получит облегчение, пусть только она лечится. От болезни в плече я в своё время пил корень девясила, настой из него мне каждый раз помогал. Но теперь, наверное, есть более совершенные средства.

Печально было узнать, что альбом пока что не имеет достаточного спроса. Может быть, действительно высокая цена? Но порадовало, что Вам удалось устроить свою выставку. Напишите о Ваших впечатлениях и наблюдениях.

Посылаю композиционный набросок предместья Брюсселя. Он, конечно, по всем пунктам недостаточен, но меня интересует Ваше суждение в смысле композиции. И ещё другой набросок, также композиционный. Комбинированный образ светлых, давних воспоминаний. Он,

конечно, искусственен в своём построении. Он успокаивает меня: всё так просто, ясно, радостно, спокойно, тихо... А, может быть, я и ошибаюсь.

У нас нового ничего нет. Всё по-прежнему. Мысленно обнимаю Вас. Все шлём Вам наш общий дружеский сердечный привет.

Не пишу Вам больше, оставляя место для К<сении> А<лексеевны>, о чём она меня просила.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Поздравляем, хотя и поздно, с 29 июля – 17-й годовщиной Вашей свадьбы. Помню и утро ясное, светлое, радостное, и Терентия Павловича<sup>63</sup>. К<сения> А<лексеевна> напишет отдельное письмо. Жаль, что уже осень, холодает. Пишу Вам, а руки мои холодные.

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.59-61.

\* \* \*

29 сентября 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Сегодня нет солнышка, но природа всегда прекрасна: нет в ней лжи, заискивающей приспособляемости, она сама по себе естественна в своём проявлении. Об этом говорит мне и мой маленький набросок, который Вы ви-

дите. Я посылаю его Вам на память, ведь мы оба нежно любим природу. Композиционный набросок кажется мне слаженным, впрочем, может быть, я ошибаюсь.

Вы спрашиваете, получил ли я литографию – лист из альбома. Я уже писал Вам об этом в своё время. Литография сделана с большим умением, искусством, проникновенностью в суть вещей в их простом и наглядном отображении в общем синтезе, включая в него и человека.

Очень рад за Николая Ефремовича и Софью Терентьевну, что она чувствует себя уже лучше, здоровее. Надеюсь, что со скорым выездом всё уладится. Как хорошо, что Вы повидали друг друга! Спасибо за адрес Лазерсона. Я ещё не написал ему, но на днях напишу. Надеюсь, что с зубами у Вас всё в порядке, и Вы остались довольны своеобразным обменом труда (зубы, картина). Надо только иметь терпение, чтобы привыкнуть, хотя это и трудно. К очкам я уже привыкаю 20 лет, но всё же до сих пор совсем ещё не привык.

Книгу М.Г. Курдюмова «Сердце смятенное»<sup>64</sup> я не читал. Чехов мне всегда нравился, как своеобразный, тонкий художник-новеллист. Жаль, что Вы ничего не пишете о своих работах. Чем не здорова Ксения Георгиевна<sup>65</sup>? Не знаю, писал ли я Вам, что от Павла Евгеньевича недавно получил милое, дружественное, хорошее письмо, на которое и ответил ему. Очень жаль, что он грустный. Но чьё чуткое сердце ныне не грустит? Да и семья Павла Евгеньевича, о чём и Вы пишете, не однородна по духу. Рад за успехи Николая Ефремовича. Будете ему писать, приветствуйте и от нас. Получили ли Вы для пересылки наши письма (моё и К<сении> А<лексеевны> в одном

конверте) для Софии Терентьевны? Приятно было узнать, что посылка дошла до Вас благополучно, и её мелочи доставили Вам пусть и немного, но всё же радости.

«Вера в свои силы сопутствует успеху», – так Вы пишете. В молодые годы это особенно реально. Несомненно, что преуспеет и Ирочка<sup>66</sup>, какими бы ни были условия тамошней жизни, как равно преуспеет с ней и Г<еоргий> Евг<еньевич>.

У нас здесь всё по-прежнему. Пишите, мы так рады Вашим весточкам. Все шлют сердечный дружеский привет. Мысленно обнимаю Вас.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.62-63.

\* \* \*

31 сентября 1948 года

Дорогой мой Евгений Евгеньевич!

Сегодня солнышко. Перебрав свои наброски, я захотел послать Вам часть солнышка в этом наброске. Помню, как возвращались мы в своё время с солнечных этюдов. Но, глядя на эти этюды в комнате, я разочаровался. «Куда же солнышко скрылось», – спрашивал я себя. Ведь, когда писал, они на солнышке были солнечными! Теперь, глядя на приложенный здесь набросок, вижу, что это достигается так просто... Очевидно, на всё нужно время.

Жаль, что я многим не могу поделиться с Вами, в особенности набросками и композициями больших размеров. В это время я постоянно делал наброски цветными карандашами на природе. Мне доставляло это радость и отдохновение, забвение от грустных мыслей и возрастных физических недугов.

В Брюсселе почти в центре города, рядом с нами, природа сохраняет свою дикую красу или напоминает сельские пейзажи. Стройное сочетание в городе сельской тишины и городского шума. Но, глядя на Ваш осенний этюд, на котором изображено место, где Вы живёте (один из белых домиков), я невольно переживаю своеобразную прелесть той затаённой, интимной жизни природы, которой и Вы живёте.

Ещё раз крепко обнимаю Вас. Всего Вам доброго.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 64-65.

\* \* \*

25 октября 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо с портретом Надежды Николаевны. Вы меня очень обрадовали этим. Не только восстал образ прошлого, милого, далёкого, но и пленило меня

совершенство Вашего восприятия оригинального, исключительного человека, переданного в удивительной композиции, мною переживаемой в пространстве статики и одновременно внутренней и внешней динамики. Удивительное сочетание моментов замкнутости и протяжённости! И так просто, лаконично, без какой-либо нарочитости.

Порадовали Вы меня в моей изолированности от мира и пониманием чуткой Вашей душой меня самого и моих набросков. В наброске природы я воздержался в письме к Вам от описания того, что я сам чувствую при взгляде на него. Было удивительным и поразило меня то, что Вы написали мне именно то, что я сам думал написать Вам, но воздержался, опасаясь быть субъективным. Так же, как и я, Вы почувствовали и городской набросок: игривый, с движением.

В связи с этим Вы пишете о свете. Спасибо за Ваши указания и за набросок одной гравюры. Глядя на него, я порадовался ощущению света и воздуха. Но в моём городском наброске меня лично радовало неуловимое солнышко, передать которое было для меня отдельной задачей. Я его теперь люблю, как никогда не любил, как нечто ласковое в нашем холодном, равнодушном мире. В этом наброске я не сумел передать такой ласковости...

Спасибо, что передали письма по назначению. Что у них? Уезжают или ещё нет? Передайте, пожалуйста, мою благодарность за то, что прислали мне из Парижа Ваш этюд маслом; я часто смотрю на него и мысленно с Вами. Бросаться с семьёй наудачу нецелесообразно. Но я думаю, что это пока и не нужно. Время ещё терпит,

по-моему, может быть, глупому разуму, даст нам возможность не погибнуть, устроиться. «Надежды юношей питают, отраду старцам подают». Мы ещё пока относительно спокойны.

В варягах, может быть, и есть что-то легендарное, но не всё же одна легенда. Спасибо за интересную, знаменательную выдержку. Понимание «Троицы» есть социальное задание в духе обслуживания, выполнения указанного. Хотел бы очень, чтобы провалы в Вашем творчестве «провалились», и Вы снова оказались с кистью в руке за мольбертом. Мысленно обнимаем Вас и шлём все Вам наш сердечный, дружеский привет.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Посылаю Вам ещё этот мой набросок, как попытку выбрасывать детали, сводить образ к елико возможному, мнимому. Написан он с натуры в несколько преобразованном виде. Как Вы находите этот мой новый подход, по крайней мере в смысле композиции?

Что же касается первого наброска, то он относится к 1946 году. Как-то сидел я «у коров» (так мы называем одно место в городе, где я раньше часто гулял), сделал зарисовку, пришёл домой и превратил в композицию. Она говорит о чём-то близком моей душе, а что говорит, я и сам не знаю.

Ещё несколько слов по поводу неба в городском пейзаже. Я согласен, в общем-то, с Вами: небо тёмное, на что Вы указали в прошлом письме. Но моя мысль теперь такова: заполнять, по возможности, небо в общей

целостности строя гаммы, не выделять его просто как небо. Та же задача и во втором наброске-наметке. Напишите мне, что вы об этом думаете.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 68-68 об.

\* \* \*

3 декабря 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил в своё время Ваше письмо и вчера – открытку. Очень рады за Константина Евгеньевича и опечалены за бразильцев, нет, за аргентинцев, что долго им ждать ещё парохода. Как тяжело положение в таких случаях, в особенности, для людей семейных!

Лазерсону на днях напишу ещё. Он больше возлагает надежд на дочь, чем на меня, в смысле возможности нашего материального устройства в Новом Свете. Дай Бог, чтобы мы увиделись, хотя у меня мало на это надежды в виду моего возраста. Но и невозможное иногда делается возможным в жизни и наоборот.

Посылка Вам отправлена тем же путём, как и прежде. Надеемся, что Вы её получите, – и то, что просили, и прочее кое-что другое.

Вы спрашиваете, почему я молчу, и пишете, что это Вас волнует. Здесь какое-то неведомое недоразумение. Вскоре после письма к Вам Ксении Алексеевны я написал Вам, и Вы должны были уже получить это письмо в



первой трети прошлого месяца. Очень жаль, если оно не дошло до Вас. Письмо было большое, с двумя композициями. Одна из них мне была в особенности дорога и хотелось узнать о ней Ваше мнение. Другая была менее интересная, как лишь опыт писать пейзаж с большим выкидыванием материала; то есть сведение его к творческому минимуму. Об этой новой творческой манере надеялся также услышать Ваше мнение.

Читал статью о русских художниках в Италии, в частности, публикации об Иванове. В том же журнале в записках графа Валугева<sup>67</sup> упоминается об искусстве, прекрасном по форме и соответствующим по содержанию идеям времени и стилю эпохи. Может быть, это и так социологически, но искусство – не социология; проблема содержания искусства очень сложная; содержание не есть литература.

В это время я занимаюсь изучением русского и церковнославянского языков в смысле структуры слов, применяя статистический метод. Это моя новая научная работа пока что меня удовлетворяет.

Продолжаю делать композиционные наброски. Хочу попробовать писать и маслом. Вот пока что нет палитры и картона, а краски есть. Так уж потянуло меня к живописи маслом, но в общем не спешу. Как идёт Ваша художественная работа? Напишите мне.

У нас в доме пока что всё по-прежнему. Мы все шлём Вас наш дружеский, сердечный привет. Обнимаю мысленно Вас, насколько это возможно, пишите, не забывайте.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

16 декабря 1948 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо от 7 декабря 1948 года. Очень обрадовался Вашим гравюрам, напомнившим мне наше милое, незабвенное прошлое, исполненное веры, надежды и радости. Как часто я хаживал к Вам мимо торговых рядов в зимнее время! В гравюре всё просто, экономно, сильно, выразительно; сказано скромно – столько, сколько надо по композиции. Печёрская же, наоборот, при всей своей также удивительной простоте обладает необыкновенным богатством, религиозным торжеством. Обе они у нас за стеклом в шкафу, и я гляжу на них – не нагляжусь. Как хорошо, что и дети режут по дереву. Какая трогательная картина, мысленно мною представляемая! Рад и за Марию Александровну, что она бодро переживает зимнее время.

Йордан – тот самый, о котором Вы пишете. Чудесны его воспоминания; определение понятия картины, данное Сомовым<sup>68</sup>, мне кажется наиболее удачным.

Как хорошо, что Ваш кризис миновал. Жаль, что я не с Вами, не могу видеть Ваши работы. Ваш набросок «Распятия» мне нравится и по композиции, и по замыслу: победа красоты над драмой и трагедией.

Мне удалось разыскать своё письмо с рисунками, которое не дошло до Вас. Оказывается, я носил это письмо с уже наклеенной маркой около своей груди в боко-

вом кармане, будучи уверенным, что я уже бросил его в ящик! Теперь снова посылаю. Посмотрите, как я пытался реализовать минимум, о котором и Вы пишете и его показываете мне на Ваших новых присланных гравюрах.

Будьте добры, не забудьте написать нам адрес Константина Евгеньевича; радуемся его успехам. Хорошо, что Ирочка такая молодец. Верим, что и у родителей всё устроится. Об отправлении Вам посылки я уже написал в прошлом письме. От Лазерсона я получил очень дружеское, милое письмо. Как хорошо, что он помнит Ваши работы. Пошлите ему гравюру, хотя бы одну, если можете. Это его порадует.

Недавно были на 16-й выставке акварелистов Королевского Бельгийского общества. Большинство акварелей написано необычно. Некоторые же написаны маслом: аква, вода, заменяется в акварельных красках маслом. Иные очень поучительны, хотя для меня, кроме некоторых работ, многое было скучно и шаблонно. Наиболее понравились Neige («Снег» – *ред.*) и Vers le suis («До утра» – *ред.*), интерьеры церквей. Вообще я никогда не думал, что акварелью можно так писать. Поучительно!

Был также на выставке Leonard Fimi. В целом интересно по своей задумке, но мало что мне дало. Фантазия сама по себе характеризует эту художницу, обладающую ремеслом искусства. Был ещё на выставке Jules Marie Cancell: итальянские пейзажи, чудные для нас, европейцев, – серые, мрачные, массивные, демократические. Мало мне что дало! В общем, выставок без конца, а в целом – много лишнего.

Посылаю заблаговременно наш сердечный привет к праздникам и наилучшие пожелания.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.71-72.

\* \* \*

12 января 1949 года

Ещё раз с Новым годом, дорогой Евгений Евгеньевич!

Дай Бог, чтобы он принёс Вам и всем Вашим близким, дорогим и нам, более прочную оседлость в лучшей материальной и культурной жизни. Задержал ответ Вам, так как чувствовал себя, как это со мною теперь бывает, нерадостно: что-то не работалось, не писалось, не читалось... Зябли пальцы рук, глаза глядели устало, равнодушно к себе и людям. Разумеется, Ваши письма (как полученные мной, так и вчера и Ксенией Алексеевной) несколько улучшили моё самочувствие.

Сегодня сел написать Вам, поблагодарить Вас за присылку Ваших «Врат» и обменяться мыслями и чувствами. От всего сердца приветствую Ваши намерения написать «Врата», прототип которых, чисто научно, суть врата космические, календарные, Божьего небесного порога, по аналогии, отраженные и во вратах земного города. И это не только мои научные изыскания. Это во-

обще теократия – синтез неба и земли в целостном восприятии Вселенной.

Целую, обнимаю Вас.

*Ваш В. Синайский*

*(Продолжение письма)*

13 января 1949 года

Вчера написал несколько строк. Сегодня продолжаю, дорогой Евгений Евгеньевич!

Двое ворот, присланных Вами, есть уже доброе начало в реализации Вашего плана. Мне хотелось бы поделиться с Вами мыслями, прежде всего, по поводу неба, о котором и Вы писали мне, а также по поводу моего рисунка. Продержав письмо около месяца, если не более, я распечатал конверт, прежде чем послать Вам это же письмо. Уже в другом конверте, разумеется. Взглянув на рисунок, я вдруг почувствовал, что он не дописан – небо пусто. Но я боялся уже тронуть его и в таком уже виде отослал Вам.

У Вас в обеих композициях небо имеет свои чёточки, но всё же, мне думается, чего-то ещё не достаёт, а чего – и сам не знаю. Но чувствую, что это ещё не всё. В последней композиции Сиона я закрыл бумагой небо и тут же нечто, в перспективе через врата видимое, стало значительнее, сильнее; так это мною ощутилось. Вообще очень жаль, что я не могу Вам лично высказать всё то, что хотелось бы мне передать в живом обмене. Всё, что

Вы прислали, хорошо: ворота крепки, солидны, написаны экономно – столько, сколько надо. Вообще написано сдержанно, вдумчиво, но что-то ещё хочется сделать, поискать в смысле композиции. Не находите ли Вы, например, что было бы желательно несколько уменьшить самый размер Сионских врат, дать несколько больше их связи с городом, со стеною, как это у Вас было сделано в Печёрских вратах.

Далее, у меня ещё есть вопрос о «Немецких вратах»: они связаны со стеной, по моему восприятию, удивительно цельно и разнообразно. Но очень большие, при сравнительно малом формате, размере композиции, они как-то лишают монументальности всю композицию, дробят её.

Портрет Марии Клементьевны нам всем очень понравился. За фотографию этой работы мы шлём Вам сердечную благодарность. Так приятно увидеть милое лицо, глаза как живые... Как только удалось Вам так написать – удивительно! Ведь всегда трудно передать то неуловимое, что имеется в человеке.

Буду ждать Ваших дальнейших врат, желаю Вам полного успеха в Вашем благом начинании. Уже присланное Вами служит залогом глубокой вдумчивости в выполнении задуманного.

Спасибо за адрес К<онстантина> Е<вгеньевича>; ещё не писал ему. Не найдёте ли Вы желательным давать Алёше рыбий жир, если можно его достать? Он укрепляет и предохраняет от заразы. Приятно было узнать, что он у Вас преуспевает в «науках» и радуется своим весёлым, живым характером. Я помню его именно таким.

За это время на выставки не ходил. Дома также почти ничего не писал. Всё пересматривал написанное мною, думал, размышлял, критиковал, иной раз что-то поправлял, а то и переписывал. Из этого «архива» посылаю Вам два наброска. Они разные, но всё же как-то дополняют друг друга.

Продолжаю писать свою научную работу «Структура слов русского языка». Работается трудно, тяжело, через силу. Обнимаю Вас мысленно из моего далека. Работайте, вдохновляйтесь.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Мои ответят отдельно. Они, как я, шлют всем вам свой сердечный привет. Простите за почерк. Старался выправить. Не пишется что-то. Глаза устали.

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 73-73 об.

\* \* \*

31 января 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше милое, дорогое для меня письмо с двумя фотографическими снимками: портреты переплётчика и композиция Вашей местности. Портрет очень живой, выразительный, художественный, и в окружении

он каком-то световом – весеннем ли, летнем; он также напомнил портрет человека той профессии, о которой Вы упомянули в письме. Я очень радуюсь, глядя и сейчас на фотографию портрета переплётчика... Как-то весело, приятно, радостно за Ваше искусство. Композиция хороша и в динамике, и в статической обстановке.

Городской вид, к сожалению, в фотографии не даёт мне возможности судить о его красочности, то есть красочной «спетости». Что же касается самой композиции, то она имеет свой размах, свою тоновую «спетость», и всё это в целом как-то широко, вольно и интимно, романтично и душевно. А когда я закрываю пальцем дом на Вашей композиции, то испытываю ещё большее очарование. Деревья вносят конкретность, и этого достаточно и без дома. Но всё же, может быть, в смысле красочности дом оправдан – не видя Вашей картины, невозможно судить об этом.

Спасибо за присланные фотографии. Словно Вы здесь со мной! Угол дома (моя композиция) был послан Вам из-за какого-то внутреннего света, и Вы это также почувствовали, как чувствовал и я. Удивительная гармония наших душ в этом отношении!

О своём самочувствии ничего не пишу, так как нечего прибавить. Из моих композиций пришлю что-либо позже. Присылайте и Вы мне. Сердечно обнимаю Вас, радуюсь, что Алёшке уже лучше. Шлю сердечный привет всем Вашим, а деток целую.

*В. С.*



\* \* \*

4 февраля 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо с кладбищенскими изборскими воротами, когда-то нами вместе виденными. Да, это было время! Благодаря изображённому дереву со светлой травой внизу у Вас получилась некоторая этюдность. Присланное изображение меня радует, оно стоит за стеклом буфета, где находятся и некоторые другие Ваши работы.

Как всё это ни странно, в указанной этюдности, её недоговорённости, изборские ворота, тем не менее, стали для меня более монументальными и к тому же предстали в каком-то художественном слиянии природы и старины, уже столь давней.

Я продолжаю, глядя на эту Вашу работу, любоваться изборскими воротами в их сокращённой композиции. Всё это, конечно, субъективно. Каждый чувствует иначе, чем другой. Я очень признателен за присылку этих «ворот» и надеюсь, что Вы будете присылать мне и другие этюды. И мы будем дружески делиться нашими переживаниями в области искусства.

Спасибо за Ваше суждение о воспоминаниях М. Чехова<sup>69</sup> и М. Добужинского<sup>70</sup>. Я вполне присоединяюсь к Вам: последний – поэт Петербурга. Да, света у него нет. Он рисуночно-композиционен, большой мастер на выдумку.

А что в диаспорах спорят вечно, так это свойство русской натуры, и это, по слабости человеческой, нормально. Так же и в искусстве – области столь священной, возвышенной, казалось бы, к тому же и нейтральной. «Ах, не с нами обитает «гений чистой красоты», лишь порой он навещает нас с небесной высоты».

Очень мы рады за Надежду Николаевну. Я всё время думал спросить у Вас о ней, а Вы и сами догадались написать. Спасибо Вам вообще за весточки, спасибо и за стихи. Будьте добры, полны силы, веры и надежды! Вы живёте в милой семье, где любящие глаза смотрят на Вас, а детские голоса для родителей всегда как музыка для души. А к тому же Вы всегда пребываете под духовным крылом мудрости и любви Марии Александровны.

Посылаю Вам из моего архива два наброска, беглые. В них много недосказанности, сдерживаемого порыва, но есть общее, что их объединяет.

Простите, что пишу очень неразборчиво, но всё же надеюсь, что Вы разберётесь. Самочувствие моё прежнее. Дружески обнимаю Вас издалека и шлю Вам и всем Вашим сердечный привет. Как с отъездом? Как Софья Терентьевна и Мария Александровна себя чувствуют? Новостей у нас больше нет. Всё по-старому.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

22 марта 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Ваше последнее письмо получил в самом начале марта, сегодня уже 22-е число. Не писал, но много думал о Вас. Сейчас вечер, половина одиннадцатого, я один дома и мысленно снова с Вами, с Вашей семьёй.

Письмо Ваше очень хорошее, милое, дружественное. В нём Вы сообщаете о Кэтэ Коллвату – художнице (Туся видела её работы, я нет), истинном человеке. Книгу же Вальтера Шубарта<sup>71</sup> мы читали. Да, многое на Западе далеко от истинно человеческого, хотя в скрытом, загнанном виде оно есть повсюду в мире и раскрывается в несчастье.

Выставкой в Лондоне мы меня удивили. Невольно вспоминаю и нашу выставку, устроенную когда-то «Акрополем»<sup>72</sup>.

Был ли у Вас Паля? Если да, напишите, как он, как его семья? Довольна ли своей поездкой Мария Клементьевна, приобрела ли мастерство в столь короткий срок? Радуюсь, что Ваши детки, сыновья, учатся, и вы все помогаете им.

Вы спрашиваете о моём здоровье. Оно идёт, «прихрамывая». Довольно высокое давление крови, но оно у меня всегда было повышенное, даже в молодые годы. Я продолжаю научно заниматься, как и Вы. Теперь больше читаю, гуляю, живу с природой дружно, жду появления солнышка.

Вот, из моего архива посылаю Вам наброски. Искусство – моя радость, мой отдых, забвение, счастье, и это всё в трудные времена жизни, в особенности, когда здоровье не так уж солидно. Радуйся, пока можно! Вы чувствуете меня в моих набросках, а в последних двух, о которых Вы пишете, чувствуете удивительно проникновенно, формулируя лучше, чем я сам бы определил. Песня в одном и встревоженность, напряженность – в другом; лада и мира тут нет. Да, так я чувствовал, когда и писал, и посылал Вам оба эти наброска как взаимно дополняющие друг друга.

Первоначальный план построения Вашего наброска Сан Джимињанских ворот<sup>73</sup> мне нравится. Здесь есть не только законченность, но и внутренне богатство, и удивительная простота композиции при кажущейся сложности. Отдохните и принимайтесь снова за работу. В частности, интересно распределены свет (белый) и тень (чёрная) в проекте Сан Джимињанских ворот.

Напишите, как Вы себя теперь чувствуете. Поживём, многое ещё в мире преодолев, укрепляя наш внутренний мир, не так ли? Посылаю Вам свой несколько мистический набросок тушью. В нём нет ничего. Но весь он – в распределении белого и тёмного, и это о чём-то говорит моей душе во всеобщем движении жизни. Такого рода попыток использования туши у меня сделано немало, но в большинстве своём они всё же меня не удовлетворяют. Что Вы скажете мне по поводу этого наброска? Искусство это для меня новое, но почему бы не попытаться, когда душа просит?

В пейзаже беглом, композиционном, с деревьями до неба представлен метод карандашного письма по чер-

нильному наброску. Может ли быть такой метод оправдан? Такого рода композиций у меня в архиве много: «гуляешь» пером или тушью, а потом и роспись, такая же, свободная, разноцветными карандашами.

Что же касается другого наброска (два дома), то и дома здесь живут разной жизнью «психологично», а карандашики дают своеобразный тон ковровости, как я и сам воспринимаю.

У нас всё по-прежнему. Насчёт планов отъезда – пока всё туманно. Думаем, что время ещё есть. Крепко Вас обнимаю, желаю бодрости, силы в осуществлении Ваших планов внешних и внутренних. Все мы шлём Вам всем наш сердечный, дружеский привет.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 77-79.

\* \* \*

22 апреля 1949 года

Дорогой наш Евгений Евгеньевич!

Сегодня получил Вашу печальную открытку. Кто бы мог ожидать, что Мария Александровна, как Вы пишете, наша бабушка, смертельно больна, да к тому же больна и Мария Клементьевна – обе в больнице!

Через два дня наша русская Пасха, собирался уж писать, послать Вам всем дружеские поздравления и

наилучшие пожелания к Светлому празднику. Страшно подумать, что нашей бабушки не будет уже с нами. Не хочется допустить мысли о её смерти, таится надежда, что Мария Александровна вопреки всему, даст Бог, выживет и мы отпразднуем её 80-летие. Я как-то верил в это событие. И всё ещё верю. Передайте ей эту мою веру, улыбнитесь от нас всех, скажите, что мы надеемся на её скорое выздоровление. Но беда одна, по-видимому, не приходит. Ещё более верю в то, что вскоре поправится и Мария Клементьевна, и как-то боязно и за неё. Мария Александровна писала, что у взрослых, у всех вас, питание недостаточное. Ксения Алексеевна и мы все думали спросить Вас, не прислать ли при первой же возможности Вам сала и вообще каких-либо продуктов? Напишите, чего не достаёт Вам в особенности.

Как же бедные дети переносят все эти неожиданные болезни бабушки и матери? Как хотелось бы мне быть с Вами в эти тяжёлые для Вас дни. Хорошо, что с Вами Ирочка, Жорж, Павел. Всё же вокруг они – свои, близкие, родные. В сознании ли Мария Александровна? Буду ждать от Вас утешительных известий. Я совершенно расстроен. Светит солнышко, а на душе темно, так грустно за всех Вас, так хотелось бы Вас всех обнять, поддержать. Будьте бодры, сильны душой и телом и Вы, дорогой мой Евгений Евгеньевич. Господь да поможет Вам всем пережить эти тяжёлые болезни и будет с Вами во всём, что надобно в Вашем обездоленном настоящем положении.

Ирочка, наверное, обо всех заботится, она сейчас хозяйка в мужском доме, где трое взрослых мужчин и двое мальчиков.

У нас всё относительно хорошо. Утром были в коммунальном управлении, где нам продлили право жительства ещё на полгода, до 22 октября. Была радость, а дома ждала печаль – Ваша открытка.

Обнимаем Вас всех с надеждой на лучшее.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.80-81.

\* \* \*

28 апреля 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Да, нет с нами в этой жизни нашей Марии Александровны. Она скончалась в больнице 21 апреля. Моя надежда, хотя и была соломинкой, не оправдалась. Всё время жил в тяжёлом ожидании. Воспроизведённый Вами её образ, её расставание с жизнью, её любовь, ласковость, спокойствие в восприятии смуты – всё это так велико в жизни того человека, сердце которого связано не только с миром человеческим, но и со всем миром природы.

Таким человеком была Мария Александровна: любила и верила, и этим давала поддержку всему и всем, и не только её близким, родным и друзьям. Её последнее письмо – дорогой для меня дар её души, своего рода

последний внешний знак перед смертью, голос ушедшего человека. Я очень любил и почитал Марию Александровну, недолго уж и мне жить без неё. Пойдите как-нибудь в поле, в луга, на холмы, наберите, о чём прошу Вас, цветов скромных, полевых, положите на её могилку, тихо, молча постоит, соединившись с мыслями со мною и с нею, нашей милой, дорогой бабушкой.

Верно ли я понял, что она ушла из жизни в утренние часы, а не поздним вечером? В Вашем последнем письме так всё велико в ликах жизни и смерти, так любвеобильно, так глубоко волновало и волнует меня. Почему же Илюши не было, когда с нею был Алёша?

За Палю волнуюсь также, хотя он и молод ещё, и силен, но всякая операция – всё-таки напоминание, что все мы – глиняные горшки, которые бьются. Была ли уже операция? Как прошла? Как самочувствие? Радуюсь очень и очень, что Мария Клементьевна на пути к выздоровлению, что через неделю она будет со всеми вами дома. Передайте ей наше поздравление с возвращением к милому очагу и пожелания скорее окрепнуть, восстановить вполне свои силы.

Как я был бы счастлив, если бы Вы могли скоро перебраться в Канаду. Я так был бы спокоен за Вас! Газету «Россиянин»<sup>74</sup> я не имею и не могу здесь достать. Но всё равно попробую. Приятно было узнать, что Вы всё же печтаетесь.

Найдите в себе силы пережить всё, и в память о Марии Александровне продолжите её дело любви и веры. Как Георгий Евгеньевич? Налаживается ли его отъезд?



Как здоровье Софьи Терентьевны? Как Надежда Николаевна, где она, здорова ли, работает ли?

Сердечный привет всем Вам и Ирочке, бодрости.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.82-83.

\* \* \*

16 мая 1949 года

Понедельник. Вечер.

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше письмо и узнал, что Мария Клементьевна уже дома. Она возвратилась из больницы после воспаления лёгких. Как радостно было узнать, что Вы уже все вместе! Как восстанавливаются её силы? Её крепкий дух поможет быстро окрепнуть. Питайте её только возможно лучше. Но я очень тревожусь за Павла Евгеньевича. Каждый день думаю о нём. Как он? Поправляется? Какая беда и с ним приключилась!

Вы очень хорошо написали, приведя стихи Шиллера в переводе Жуковского. Да, это глубоко верно. Можно жить и в разлуке с ушедшими от нас, творя, тем не менее, их дело и своё вместе с ними. Я живу до сих пор с моим ушедшим другом – братом. Недавно во сне беседовал с ним: прозрачный, но милый его образ, живой,

прежний. И Мария Александровна останется с нами всеми. Я переживал её смерть: ушла и не ушла; вот здесь ещё, с нами...

Принялись ли Вы опять за работу? Я попробовал писать, как пишут иконы с житием, но, к сожалению, многое забыл. В частности, как разводить желток, сколько прибавлять уксуса и так далее. Напишите мне, не забудьте, дорогой друг Евгений Евгеньевич.

У нас весна в общем холодная. Вчера был на природе за городом, сделал два наброска. Грабарём. Вы меня очень удивили; что это – тактика самоспасения или огрубение в новом для него укладе жизни? Не могу понять. А Вы как думаете? Видел ли он когда-нибудь творчество Лохова?

Что с выставкой в Лондоне? Получили ли письмо от Николая Ефремовича? Напишите о Надежде Николаевне, что Вы знаете о ней? Как дети переносят отсутствие бабушки? Младая жизнь красою вечною сияет, как сияла все нам равнодушная природа.

Думаю много в последнее время об искусстве в его двух типах: описательном (дескриптивном) и объяснительном (экспликативном). Под экспликацией я понимаю выявление сущей природы и человека в единстве с нею, как части в целом. Думаю и о технике, пробовал писать и декоративно: в очаровательной отрешенности от живописности, в простоте, лаконичности, ясности...

Девочки брата Н.А. Евлановой, Ольга и Нина, пишут декоративно и этим заражают меня. Н.А. Евланова и её мать шлют Вам свой привет. Девочки очаровательные, в искусстве необыкновенно талантливы, сердечны, милые художницы.

Писал в это время глаголицу, то есть очерк, заметки о славянской азбуке, а именно о направлении её букв, что вообще характерно для древнего письма. Читаю книги по истории русского языка.

Не печальтесь, не скорбите, дорогой Евгений Евгеньевич. Обращайте скорбь и печаль в воспоминание о той радости, которую Вы имели от Марии Александровны – мамы и друга. Мысленно она с Вами и Вашей семьёй.

Лохову, конечно, очень жаль. Крепко обнимаю Вас; наш сердечный общий привет всем Вам.

*Ваш В. Синайский*

P.S. О цветах на могилу напишите, как только Вы исполните это моё скромное желание. Ушёл от нас Леопольд Леопольдович: прекрасный, тихий человек с его гармоничной любовью к русскому творчеству, России и друзьям. Я очень был обрадован, узнав, что мой набросок моря доставил в своё время радость досточтимой Марии Александровне.

*(Продолжение письма)*

17 мая 1949 года

Вторник. Утро.

Доброе утро, далёкий Евгений Евгеньевич!

Перечитал сейчас моё письмо от 16 мая, выправил его, сколько мог, чтобы Вам легче было его прочитать. Хочу добавить, что русское искусство синтетично: описательно

(дескриптивно) и объяснительно (экспликативно). Поэтому-то европейцам Запада трудно понять его в его своеобразии. Описательность считают натурализмом, объяснительность – литературой. Такого рода поверхностный, внешний подход мешает понять своеобразие тихого, глубокого русского творчества.

Описательность, однако, не есть в русском творчестве натурализм, ибо она проходит через творчество в поисках его единства с целым – всей Вселенной, как его в ней части. Литература в русском творчестве имеет такой же характер, потому что она всемирная. Поэтому то, что в русском искусстве считают литературой (экспликативно-стью), не есть литература в шаблонном её понимании. И, наконец, формальный элемент не есть в этом искусстве самоцель. Отсюда понятно, что в русском искусстве нет как самоцели того, что называют живописностью, или ещё красотой. Русское искусство в живописности и красоте не самодовлеет. Отсюда, по этой причине, нет лёгкости, воздушности, яркости, композиционности чисто внешней, но есть композиционность внутренняя. Есть и живописность, но скромная, для общей цели, а не сама для себя. Конечно, словами трудно передать то, что я хотел бы выразить. В целом я пытался выявить своеобразие русского искусства, столь недоступного западным людям. Напишите, что Вы думаете по этому поводу. Меня интересует вопрос о связи русского искусства с иконописью <...>. Здесь связь внутренняя, а не внешняя, только техническая.

*Ваш В. Синайский*

\* \* \*

28 мая 1949 года  
Пятница, 9 часов вечера.

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваши два письма от 25 апреля и от 21 мая 1949 года. Наши письма разошлись, и потому отвечаю сейчас на оба в порядке их получения. В часы, дни и ночи глубокой печали, переживая жизнь чутким сердцем, разбуженным горем, ближе становятся родные нам по духу люди, которых так мало у нас. Только они помогут, поймут и, насколько возможно, укрепят.

Вы правы, дорогой Евгений Евгеньевич! Вы идёте правильным взятым Вами путём. Бабушка с Вами – её свет не исчезнет; с этим светом – до конца жизни. Этот свет укажет Вам путь и в новых трудных переживаниях и горестях, которых никто не избежит, а в наше трудное время в особенности. Нам остаётся укреплять свой внутренний, духовный стержень, как бы это ни было трудно.

Понятно и осознание Вами некоторой виновности перед уходящими людьми: терзания мучают нас; в нас говорит голос совести, как мы иногда были невнимательны, занятые обычными житейскими делами. Но таков уж закон жизни: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Сомнения тяжёлые для Вас и в иконописи. «И подчас хочется оставить иконописные попытки, – пишете Вы, – поставить на них крест и заняться только своим

живописным ремеслом». Но жизнь художника – это сомнения, иногда отчаяние, невольные духовные падения, самоотрицание.

Для меня никогда не подлежала сомнению Ваша талантливость в графике, в иконописи. Но последнее искусство в особенности трудно, требует подвига. «Нереально ощутимое» требует от нас духовной реальности, большого напряжения ума и сердца. Реальнее природа: она подсказывает нам, и потому она легче, радостнее в восприятии, живописность реального захватывает нас. Но жизнь человека многообразна, в ней есть полярность: нереально ощутимое (один полюс) и реально ощутимое (другой полюс). Первое – в графике и в иконописи, второе – в «живописном ремесле», как реальном восприятии природы в её живописно-синтетической красочности. Не надо, думается мне, оставлять намеренно навсегда один полюс. Как душа просит, так и живите в искусстве.

Рассказ Чехова «Студент» действительно чудесный. Я пережил его образы и мысли очень глубоко. С теплом и радостью прочитал Ваши строки о Верещагине. Его образ представлен Вами выпукло, значительно, как большого русского художника-идеалиста.

«Часового»<sup>75</sup> постараюсь выслать Вам, все просимые Вами три номера. Как приятно, радостно, что жизнь Павла Евгеньевича спасена. Вы правы и здесь: жизнь его сложилась криво, драматично, но такова уж есть, и это часто, жизнь наша. В страданиях есть для нас, нашего духа, испытание.

Ваше сообщение о публикации о состоянии русского искусства не удивило меня: изворотливость людей во имя

«неправды как правды» в наше время повсюду. Очень хорошо, что Вы ярко реагировали, но напечатали ли?

Н. А. Евланова просила передать Вам, что её мама, А<лександра> А<лександровна>, молится каждый день о Марии Александровне. Как это дорого! Сама она болела, опасались воспаления лёгких, но до этого, слава Богу, не дошло, и она поправляется. Я также, по-видимому, слегка простудился, но без каких-либо последствий.

Перехожу теперь к письму от 25 апреля. Впрочем, у меня всё спуталось. На это письмо я ответил. Ваше последнее письмо найти не могу, но его содержание помню. Первое. Выставка русская в Лондоне не удалась, а мы так ждали реакции лондонской публики. Второе. Николай Ефремович тоскует по Отчизне. Увы, он по молодости лет ещё может тосковать, а я уже не вижу в этом смысла: наша тоска безосновательна, надежды мало, для меня в особенности.

Нашёл-таки Ваше письмо! Итак, третье. Спасибо за сведения о желтке – попробую теперь ещё писать, как надо, по Вашему разъяснению. Четвёртое. Жаль, что здоровье Надежды Николаевны всё ещё неважное. Чем она занята? Пятое. О Грабаре Вы правы. Шестое. Моё письмо Вы разобрали правильно. Об экспликации в применении к русскому искусству напишу Вам позже отдельно.

Седьмое. Ваше пояснение о кириллице и готическом шрифте интересны. В глаголице есть одни и те же знаки – буквы, обращённые то вверх, то вниз. Скажу кратко: разнонаправленность одного и того же знака-буквы, обнаруживается уже в памятниках глубочайшей древности. Направление указывало гласную, которая не

писалась в слоге. Это так называемый консонантный текст, то есть без гласных. Таково письмо кипрское, греческое, арабское, библейское, клинописное абиссинское, индейское и другие. Над этой проблемой направления букв в связи с консонантизмом я работаю уже давно. Изучил теперь направление букв и в кириллице. Короче, «самоутешаюсь» без надежды когда-либо напечатать.

Восьмое. Как интересно было узнать о Вашем отце! Тоже была драма... Неудивительно, что Константин Евгеньевич в той же профессии, к которой стремился Ваш отец<sup>76</sup>. Как это трогательно: реализовалось не в отце, а в сыне! Девятое. Сердечное, дружеское спасибо за цветы на родную нам могилку. Сейчас только перечитал письмо Марии Александровны в ответ на моё письмо, написанное ей ко дню Ангела. Как дорого мне это её последнее письмо! Какая широкая, всеобъемлющая её душа, терпеливая в недомоганиях, болезнях, в воспитании, в недугах, твёрдая в истинной вере Христовой! Она пишет, что Вы изнурены и её это очень беспокоит. Десятое. Передайте наше дружеское поздравление – моё и всех нас – Марии Клементьевне с выздоровлением. Пусть не волнуется, набирает силы, с каждым днём всё крепнет и крепнет.

30 мая мысленно будем с Вами на могилке Вашей бабушки. Посадите цветы, как Вы пишете. Уже сороковой день – время бежит. Сердечный наш общий привет Софье Терентьевне. Вы пишете, что она приедет к Вам. Одиннадцатое. От Сегирских<sup>77</sup> получили письмо, успокоились. Двенадцатое. Здешний Буткевич – не Евгений Антонович. О Толстых же ничего не знаю. Тринадцатое.



Читаю Лермонтова целиком, Тютчева, книги по истории русского языка: Соболевского<sup>78</sup>, Унбегауна<sup>79</sup> и Виноградова<sup>80</sup>. Сейчас получил на время рассказы о художниках (1939-1945 годов), книгу о христианском искусстве. Четырнадцатое. Научно работаю над двадцатью знаками мексиканского календаря.

Обнимаю Вас всех.

*Ваш В. Синайский*

P.S. Много рисую. Я в поисках образов и техники. Всем Вам наш общий дружеский сердечный привет. Не устали ли Вы читать это письмо?

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 88-91.

\* \* \*

16 июня 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получил Ваше последнее письмо, в частности с приведёнными в нём примерами кириллицы и глаголицы, а также с Вашими суждениями об описательно-эксplikативном искусстве. Разумеется, Вы вполне правы, что и в описательном искусстве человек так или иначе выражает себя. Но, возможно, я недостаточно выявил Вам свою мысль о двух типах искусства. В описательном

(дескриптивном) искусстве человек противопоставляет себя природе; последняя для него прежде всего материал. В описательно-экспликативном творчестве человек ставит себе целью объяснить материал, исходя из себя и не утрачивая указанного противопоставления себя природе.

В моём же понимании экспликативного искусства нет противопоставления или также разделения субъекта (художника-человека) и объекта (природы – всего, кроме художника). Говоря иначе, художник включается в природу; он, как часть её через это включение становится целым и, образно говоря, в экспликативном искусстве, как я его понимаю, природа через включенного в него художника, объясняет себя. Ибо при включении в неё человека последний есть сама природа – всё целое в своих частях, а не в их противопоставлениях или также противопоставлении части и целого.

Трудно всё это выразить. Поясню на примере русского искусства. Русский человек вообще, а художник в особенности, именно включает себя в природу – целое. Именно поэтому русское искусство, как Вы пишете, поражает своей звучностью. Мне это понятно. В этом его сила при слабости, даже порой недостаточности, техники. Техника иной раз тяжёлая. К тому же русское искусство иногда обвиняют в литературности, но это лишь внешнее. Внутри же человек-художник включён в целое. Нет в нём противопоставления, выделения себя как мастера, техника-художника <...>. Это не всё о русском искусстве, но это наиболее существенное в нём, как я думаю <...>.

Вчера не успел закончить письмо. Продолжаю. Сейчас половина десятого вечера. Погода холодная. Вчера Ксения Алексеевна получила письмо с фотографическими карточками Марии Александровны. Как дорого было увидеть её. На карточке она спокойная, с большим достоинством человеческая личность, и это всего за четверо суток до смерти. Её черты снова воскресли в памяти; как живую увидели мы её.

Понятно, что Ксения Алексеевна сделает всё, о чём Вы просили, как только будет у Шаховской<sup>81</sup>, и тогда всё напишет Вам. В настоящее время Ксения Алексеевна очень занята. Александра Александровна<sup>82</sup> в больнице (университетской), туда же ходит два раза в день Нина Александровна. Дети на руках Ксении Алексеевны. Но уже приехала жена одного из сыновей Александры Александровны, и теперь Ксения Алексеевна станет уже свободнее.

«Часового» (первые три номера) мы Вам вышлем. Спасибо Вам за «Россиянина». Я сразу же догадался, что в нём Ваша статья, и тут же её прочитал. «Россиянин» производит впечатление своей серьёзностью, полной объективностью и обстоятельностью.

Фотографии театра в общем ничего, артисты молодые и милы. Радуюсь за Николая Ефремовича, за его успехи в этом деле. Дай Вам Бог, чтобы Вы уже получили разрешение на въезд в Канаду. Так спокойно стало у меня на сердце за Вас всех. Пусть только скорее поправляется наша милая больная, выздоравливающая Мария Клементьевна <...>. У нас в городе многие болеют воспалением лёгких; заболели ещё два наших знакомых – Вы их не знаете.

Счастлив за Павла Евгеньевича, что ему удалось вернуться снова к жизни. Будете писать ему, пошлите от всех нас поздравление и пожелание ему, крепкому и сильно-му, выбраться на лучшую дорогу в Канаде.

Вы пишете, что занялись портретами. Как идёт у Вас эта работа? Довольны ли Вы? Первые портреты Ваши были удачные; помню новизну спаянности, органичности, яркости, живописности.

Я много делаю набросков и этим заполняю свои дни, когда не занимаюсь наукой.

Обнимаю Вас, дорогой Евгений Евгеньевич, желаю Вам и Вашей семье успехов в жизни. Простите, что почерк мой трудный для чтения моих писем. Стараюсь, сколько могу, а всё же не выходит чётко и разборчиво.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.92-95.

\* \* \*

6 июля 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Порадовался за Вас, что Вы смогли быть в Мюнхене, повидали там ряд прекрасных произведений искусства и даже порадовали меня почтовой карточкой с изображением на ней «Молодого человека» Тициана. В глазах

этого человека – тайна мысли и сердца в гармоничном единстве, соцелостности. Эта тайна присуща всему истинно великому искусству всех времён и всех народов. Об этой тайне говорит и человек – творец, художник, как «орган» самораскрывающейся в нём природы, всего целого. Эта тайна самораскрытия целого есть подлинное творение через человека, включённого в целое. Она живая, творящая и, как часть большая или малая, она выражает целое. Мы поняли друг друга, и так хорошо сознавать и чувствовать, что каждый из нас не одинок во внешнем холодном мире.

Пример, данный Вами (Leo von Konig)<sup>83</sup>, убедителен. «И не находится у него той тайны, которая есть у великих стариков», – так Вы написали мне. И ещё: «Не ищите у него полной самоотдачи искусства. Всё время выпирает его «я», и потому становится назойливым и навязчивым».

Ваше понимание искусства Веласкеса близко и мне: «Божественная живопись, таящая во всех гранях откровение», – так Вы пишете. Ваше сообщение и о выставке Франса Мазереля<sup>84</sup>, и о деревушке Oberumtergau<sup>85</sup> – всё это так интересно мне. Сохраним веру, что человечность переживёт наш материалистический век и выйдет на путь подлинного искусства – красоты, которая, по словам Достоевского, спасёт мир.

Огорчает меня, что Вы не могли быть у врача. Вообще врачи всё более и более «механики», а не люди искусства, но всё-таки иной раз могут помочь. Лечат они крепко, не всегда сердце выдерживает. Сегодня узнал, что ночью скончался Е. А. Буткевич. У него было воспаление лёгких. Вылечили от этой болезни, но сердце

всё же не выдержало. Напишите, что побудило Вас обратиться к врачам. Я беспокоюсь за Вас, хотя Вы и молоды по сравнению со мной. Не забудьте, напишите.

Очень хорошо, что «сыны» Ваши здоровы, здорова и Мария Клементьевна. Наконец-то всё благополучно. Что насчёт отъезда? Я всё жду от Вас известий, надеюсь, что Вы будете счастливы на новом месте. А пока что поздравляю с наступающим днём Ангела Илюши. Время вертится, как колесо. Ксения Алексеевна писала Вам подробно. Сейчас читаем с ней Мельникова-Печерского «В лесах». Всё забывается за этим чтением. Есть там и то, над чем поразмыслить.

Обнимаем Вас. Я и мы все шлём Вам всем наш сердечный привет.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.96-97.

\* \* \*

25 июля 1949 года

Дорогие Мария Клементьевна и Евгений Евгеньевич!

Думаю, что Вы в разгаре сборов – укладке, хлопотах, и Вам не до получения писем и не до писания их. Дай Бог, чтобы у Вас всё было благополучно и устроилось хорошо. Когда Вы думаете, примерно, можно будет выехать и

каким путём? Была я, наконец, у С<офьи> Андр<реевны>, отдала присланную Вами для неё фотографию Марии Александровны и поговорили с ней о жизни в юные годы, о дружбе с Марией Александровной. Но, как я и писала уже Вам, много сведений я от неё не получила, всё то, что уже и раньше слышала. Она сейчас апатична и равнодушна ко всему. Весь её интерес сосредоточен на себе и на том кусочке площади, на котором проходит её жизнь в четырёх стенах. У неё сохранились только некоторые внешние факты. Она спрашивала, получили ли Вы её письмо. При случае напишите мне, я передам, когда снова увижу её.

Туся сейчас в отпуске, поехала во Францию. С бельгийской валютой во Францию ездить очень выгодно: бельгийский франк в 7,5 раз дороже французского. Здесь же, в Бельгии, провести время на отдыхе в пансионе, даже деревенском, обходится дороже, чем съездить туда. А Туся очень нуждается в отдыхе, хотя по виду этого и не скажешь. Она сильно располнела от сидячей жизни, и для нервов необходим отдых.

Василий Иванович неважно себя чувствует, а сейчас наступила жара (до 40 градусов), и это тяжело на нём отражается. В целом же лето было прохладное и дождливое. Пока закончу письмо. Дружески Вас обнимаю, детишек целую. Считали мы с Василием Ивановичем, сколько Илюше лет, но так и не сосчитали. Большой уже, скоро будет Вам помощник.

*Сердечно Ваша К. Синайская*

Р.С. Гортынские<sup>86</sup> живут в Ницце, проездом не то в Австралию, не то в Аргентину или в Венесуэлу, но очень хотят остаться в Ницце. Поздравляю с 19-й годовщиной брака. Радости и благополучия, устройства на новом месте желаю от всей души.

*(Продолжение письма)*

26 июля 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Вот и жизнь Ваша определилась, и Вы – канадцы. Чего же лучше! Что-то новое, во всяком случае, есть. Собирайтесь с силой! Я очень рад за Вас, дай Бог Вам только собраться, помните, что Вы крепки и сильны.

Я знаю, что Вы и Мария Клементьевна теперь заняты, у Вас обоих нет времени для писем. Как скоро Вы отправитесь в Канаду? Я вообще ничего не представляю себе – если можете, напишите о Ваших предположениях на ближайшее будущее.

Мне грустно, что Павел Евгеньевич ещё очень слаб и что жизнь его не наладилась, нет полной ясности. А Вас обоих опять поздравляю с годовщиной брака, хотя и с малым, на несколько дней, запозданием. Крепко обнимаю Вас обоих. Вас и деток целую.

*Ваш В. Синайский*

Р.С. Рад, что Вы поработали в Мюнхене. Смотрю на Вас с верой и любовью.

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.98 – 101.



\* \* \*

12 августа 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Работаете ли Вы в искусстве хоть немного, чтобы запечатлеть воспоминания о местах, где Вы жили, если, разумеется, есть на это время? Или же Вы поглощены исключительно заботами? Написали ли Вы могилку Марии Александровны, кладбище, Ваше жилище?

Хотел также узнать, как наши общие знакомые; писал ли и когда Вам Лазерсон? В середине июля он (вероятно, временно) выехал в Израиль. Не знаете ли Вы адвоката Шмидт<sup>87</sup>? Она прислала нам письмо и карточку (фотографию) детей и сообщила, что 4 августа вылетела в Нью-Йорк. Дети молодцы, выросли, хорошо выглядят.

В последнее время упражнялся в искусстве: пытался достигнуть художественного единства в свободном выражении образа. Работа такого рода привлекает, требует сосредоточения и вдохновения. Иногда чуть удаётся, и, во всяком случае, приносит радость. Разумеется, предварительная работа необходима, но в самом уже образе она самостоятельна и независима. Отсюда и ощущение свободы.

Искусство – это красота, но не нарочитая. Скоро приобрету шпатель и тогда попробую заняться маслом. Мне советуют, однако, начать не с масла, а со скипидара, керосина и прочего. Как Вы на это смотрите? Напишите, не забудьте. Рекомендуют также писать просто на кар-

тоне, бумаге и так далее. Обнимаю Вас. Будет время, пишите.

*Ваш В. Синайский*

*(Продолжение письма)*

13 августа 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Получили мы Ваше письмо и порадовались: Вы бодры, энергичны, как и Мария Клементьевна. Наверное, не менее энергичны и дети. Словом, всё в движении! Радостно было также узнать о вероятности того, что Ваша будущая жизнь в Канаде наладится и воскреснет в Вас надежда на перспективы. Спасибо Вам и за сообщение об ориентировочном времени отъезда. Словом, я живу с Вами. Дай-то Вам Бог выйти на путь-дорогу. Пусть там жизнь и более материалистична, но она молода, сильна побегами, и, кроме того, благожелательные, хорошие, милые люди всегда и везде есть во всех странах. Найдёте и Вы там, в Канаде, хороших, добрых и милых людей. Я твёрдо в это верю. На худой конец – надеюсь. Но мысленно прощаясь с прошлым в связи с Вашим отъездом в Канаду, мне всё же вдруг жаль Хайденхайма, жаль расставаться с Марией Александровной и её могилкой, с нашей углублённой перепиской, милой и дружеской. Она уже не будет такой больше.

Я иногда чувствую слабость, но в общем всё же занят – рисую, пишу, и это даёт мне жизненную силу. Меньше

работаю научно. По возможности каждый день недалеко, в аллее, гуляю. Так что пока жив курилка, хотя уже более года он не курит... Вы не беспокойтесь. Такая уж с возрастом жизнь; исключения редки. Но жизнь – прекрасна, искусство – счастье, наука – глубина постижения великого. Литература удлиняет жизнь и увеличивает её богатства. Теперь мы вместе с Ксенией Алексеевной читаем вслух «На горах» Мельникова-Печёрского. Хотя и прежде читали этого автора, но теперь он переживается в своеобразном состоянии «перекатности», в размышлениях о былой родине.

Если найдёте время, бросьте хоть открытку, когда Вы, родитель с малыми детишками, поплывёте, наконец, по синим волнам океана. Мысленно мы будем там с Вами всеми. Обнимаю Вас. Всем Вам наш дружеский привет.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л.100-102 об.

\* \* \*

2 сентября 1949 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Сердечное спасибо Вам за присланные фотографии Ваших деток. В этих фотографиях выражено столько типичности, характера молодых душ; так ясно видишь их

и (приблизительно, конечно) какими они станут в будущем. Видишь, что дано от природы, самой наследственностью, родительским и бабушкиным воспитанием. Каждый из них по-своему своеобразен. Дай им Бог получить хорошее образование в новой стране, где также найдутся хорошие люди, достойные человеческого образа. То же будет и с Вами, и с Марией Клементьевной, как и со всеми нами – «человеками». Я верю в доброе начало духовной жизни, затмеваемое недобрым или безразличным началом жизни стихийной, плотской.

Кстати, знание языка даётся практикой независимо от больших или меньших способностей; практика учит всех людей. Я глубоко уверен, что она научит и Вас. Хуже, конечно, что имеется недостаток слуха, чем, к сожалению, сам начинаю уже страдать, хотя пока ещё всё вполне терпимо.

Благодарю Вас очень и очень за пояснения, столь наглядные, масляной техники. У нас пока что очень жарко, и здоровье не позволяет мне усердно заниматься живописью. Опять немного прихворнул, потому отчасти запоздал с письмом.

Возможно, что оно и не дойдёт до Вас до отъезда. Может быть, Вам тогда его перешлют Ваши добрые знакомые и друзья. Но я всё же думаю, что не так скоро отправят вас, изгнанников, и письмо всё же ещё успеет добратся. А, может быть, пошлю его ещё и на Ваш новый адрес, как только получу его, хотя и нескоро. Но мысленно я с Вами и в Вашем отъезде, и в путешествии, и в приезде, с Вами также и в Вашем ко мне новом письме. Всё пройдёт в мире будничном, но проходимое есть

наша реальность; и дай Бог, чтобы Он утешил всех Вас в другой стране.

Целую и обнимаю Вас.

*Ваш В. Синайский*

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 103-104.

\* \* \*

17 октября 1949 года

Дорогие Евгений Евгеньевич и Мария Клементьевна!

Посылаю Вам последнее письмо Василия Ивановича, законченное и обращённое к Вам, Евгений Евгеньевич! Наш папа покинул нас навсегда 21 сентября в 10:25 утра. Скончался Василий Иванович от болезни сердца, которая явилась следствием большого склероза, развившегося у него за последние годы. Нетрудно представить, какие тяжёлые времена мы переживаем с Тусей – Вы сами недавно пережили кончину дорогой Марии Александровны.

Болезнь Василия Ивановича не протекала резко, не тревожила болями, но общее состояние было неважное, хотя он и старался не поддаваться: вёл активный образ жизни, занимался наукой, рисовал, гулял, принимал соответствующие лекарства. Но когда принимал их, сердцу становилось хуже. Он всё говорил: «Дайте же жить человеку без «латинской кухни»!»

Конечно, истинного своего положения он не знал, а мы уже за полгода знали, что болезнь его приняла угрожающий характер. Приблизительно за полтора месяца до смерти у него начались сердечные припадки, и тогда он перестал выходить из дома. Скончался он на наших руках, в присутствии доктора – одного из лучших специалистов по сердечным болезням. До самой кончины Василий Иванович сохранял здравость мысли и даже физическую бодрость. Лежал только два дня, и то разговаривал с нами на разные темы и интересовался всем, что каждый день приносил. Спрашивал, почему, например, Туся дома – означает ли это, что праздник? А Туся уже три дня как не ходила на службу...

Похоронили мы его на Новом кладбище<sup>88</sup> в прекрасном месте с чудными горизонтами, пашнями, леском, холмами, кругом цветники; словом, природа тихая, какую он любил. Напоминает местами немного Лиелварде, и даже его любимые цветы кругом – жёлто-оранжевые махровые бархатцы. Он всё просил купить их в последнее время и ставил в вазу. Недавно я увидела на кладбище деревья, растущие кружком – он часто рисовал такую композицию, у него много таких рисунков. Как страшно, не правда ли! Он так любил природу, и именно природа в последнее время давала ему особенную радость. Он наслаждался ею. Теперь мы устраиваем его «новый дом»...

Похороны носили сердечный характер, чего мы никак не ожидали на чужбине. Много было цветов, венков. Наши знакомые пришли его проводить, а также бельгийцы, латвийцы, бывшие ученики, которые тут оказались. Бывший латвийский посланник<sup>89</sup> с женой, венки с

лентами цвета латвийского флага. Сейчас мы получаем много писем с выражением сочувствия и тёплых слов, сопровождающихся воспоминаниями о нём.

Пока появились некрологи в латышской печати<sup>90</sup> и одна статья о нём как об учёном. Я хочу ещё в иностранной печати попробовать написать о нём как о человеке науки, о его жизни. Кое-какие попытки мы уже предприняли.

Ваша открытка, написанная 21 сентября, была как раз в день его смерти. Я долго не могла прочесть Ваши письма, обращенные к нему как к живому, мне было очень тяжело. Вас он всегда любил, Евгений Евгеньевич, как своего члена семьи. Скажу, что он всегда был искренен в своих чувствах, может быть, не всегда умело выражал их, что ему часто мешало в жизни... Вот и нет нашего папочки!

Поздравляем Вас с приездом на новое место и от души желаем, чтобы Вы нашли там радость и счастье. Это пожелал бы и Василий Иванович.

*Ваша К. Синайская*

P.S. Не забывайте нас, на чужбине живущих. Сердечный привет от нас всем вам. Я не писала Вам сразу: было очень тяжело, кроме того, я не хотела, чтобы Ваш приезд в Канаду был сразу омрачён таким известием. Сердечно Вас всех обнимаю.

\* \* \*

Брюссель, 15 января 1950 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Сегодня я впервые решилась взяться за разбор рукописей и рисунков. До сих пор мне тяжело было всего этого касаться. Вы, конечно, понимаете почему.

Переписала для Вас несколько стихов, которые, мне казалось, Вам будут сейчас близки и понятны. Спасибо Вам большое за переписанные Вами папины мысли. Как они нам знакомы, точно слышишь его голос! Мы стараемся думать о папе, как о «живущем» где-то не с нами, стремимся, чтобы печать смерти, отделившая его от нас, изгладилась бы из нашей памяти. Такое мировоззрение завещал он нам и в своих стихах. Какое счастье, что мы имеем ещё «наследство» его мыслей в форме тех немногих рукописей, которые остались.

Посылаю Вам один из его рисунков. Не знала, какой выбрать, что было бы Вам по душе. Они такие разнообразные! Но во всех – искания.

Как Вы поживаете? Работаете ли? В Вашем последнем письме много грустных ноток, но, как и всегда на новом месте, в новой стране, нужно время, чтобы привыкнуть, понять новый дух и что-то полюбить. Везде находятся хорошие люди, но не сразу с ними сталкивается судьба.

Конечно, все уехавшие из Европы тоскуют по ней – такова участь всех новых эмигрантов. В письмах, кото-



рые я получаю из Австралии, проскальзывает именно тоска по Европе вообще, а не по той стране, откуда человек родом. Издали Европа кажется родиной по сравнению с другими неевропейскими странами.

Помните ли по Риге семью доктора Дементьева? Они недавно прибыли в Австралию. Я получила от его дочери<sup>91</sup>, с которой вместе училась в университете, подробное письмо. Она работает в каком-то госпитале для туберкулёзников. Занята целый день, очень устаёт, а оплата труда не даёт ей возможности содержать всю семью – отца и мать. Квартир нет, ютятся в какой-то комнатухе, где нет места для трёх кроватей. Спит она на ящиках. А ведь по образованию она доктор биологии! По окончании Латвийского университета защитила диссертацию в Германии. От Даниэльса тоже пессимистические известия.

*Ваша Н. Синайская*

P.S. Сердечный привет от меня и мамы Вам и всей Вашей семье, а также Константину Евгеньевичу и Ксении Георгиевне. Получили ли Вы газету с некрологом?

\* \* \*

21 января 1950 года

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Спасибо Вам большое за поздравление и память о моих именинах, а также за подарок – Ваш рисунок. Он мне очень приятен как выбором темы, так и художественным исполнением. Знакомый почерк и штрих карандаша напоминают мне милые и далёкие уже времена, когда Ваши картины висели у нас. Увы, это невосвратимо.

Ваше письмо очень интересно своей характеристикой внутренней и внешней жизни страны, о которой так много теперь приходится слышать и куда направлены чаяния многих. К сожалению, для нас, русских интеллигентов, это описание довольно безотраднo. Но и здесь, в Европе, интерес людей сводится, главным образом, к деньгам, к материальным благам. Такое время... Но, конечно, здесь живы старые традиции, у интеллигенции – интерес к культурным ценностям. И потому можно уживаться со всё возрастающим материализмом, зная, что при желании есть отдушина: музеи, выставки, лекции, библиотеки. Кстати, театры здесь тоже не ахти какие, опера неважная, публика предпочитает симфонические концерты.

Марис Ветра<sup>92</sup> открыл в Галифаксе частную оперу, там же работает как декоратор Рожлапа.

Мысль о победе воодушевляющей идеи высказывал и Василий Иванович, противопоставляя её материализму.

Туся послала на днях Вам письмо с папиным рисунком и несколькими стихотворениями. Будем посылать Вам и дальше.

Елизавета Дмитриевна Кюзис пишет мне, что читает книгу Василия Ивановича «Жизнь и человек»<sup>93</sup> и говорит: «Просто и правдиво». Где она её достала, не знаю. Хотела бы я её иметь.

Из Праги о Евлановых имеются сведения, они переписываются с сестрой. Жизнь там для нас знакомая: много нет, просят посылок, кто зарабатывает, тот более-менее живёт прилично. Если хотите о ком-то узнать, могу попросить Н<ину> Ал<ександровну><sup>94</sup> справиться.

Пока же сердечный Вам от нас привет. Даст Бог, всё устроится. И Вы обживётесь в новой стране.

*Ваша К. Синайская*

P.S. Туся спрашивает, интересуется ли Вас номер журнала, посвящённый современной итальянской живописи. Это то, что Вы не любите, но, может быть, для преподавания Вам пригодится?

*(Продолжение письма)*

Дорогая Мария Клементьевна!

Спасибо Вам за память и поздравление с пожеланиями к моим именинам. Сейчас мы не отмечаем в своей семье никаких наших дней и праздников. Уж очень грустно отсутствие нашего дорого папы, и всякие празднества

по поводу семейных событий кажутся нам сейчас невозможными.

Вас интересуют сведения о Шуре Чулковой<sup>95</sup>. Я действительно писала Вам о ней, но умышленно не написала фамилию, думая, что Вы догадаетесь. Теперь это можно. Она живёт в Праге, муж её очень хорошо устроен, они получили хорошую квартиру и до сих пор жили хорошо. Как будет дальше, покажет время. Так и нам всем время выяснит наше дальнейшее положение.

Как хорошо, что у Вас растут детки: они скрашивают всяческие жизненные невзгоды и дают радость, хотя и беспокойства за них много. Я лично очень жалею, что у нас нет внуков. Я всё ещё пишу «у нас» – никак не мыслю, что я уже одна и Василия Ивановича больше нет. Мне всё кажется, что он уехал, как это бывало в Лиелварде<sup>96</sup>, и всё думаю о нём как о живом и что это временная разлука и он вернётся, как раньше.

Будьте здоровы. Дай Вам Господь устроиться и быть удовлетворёнными на новом месте. Туся и я обнимаем Вас и детей сердечно.

*Ваша К. Синайская*

P.S. Не забывайте!

ДРЗ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 10-11.

**Комментарии к письмам В. И. Синайского  
подготовила Т. Д. Фейгмане  
при участии А. Е. Климова**

<sup>1</sup> Наталия (Туся) Васильевна Синайская (1914–2006) – дочь Василия и Ксении Синайских. В 1931 году закончила Рижскую русскую частную гимназию Л. И. Тайловой. В 1938 году – юридическое отделение факультета народного хозяйства и права Латвийского университета со степенью кандидата юридических наук. В январе 1940 года заняла должность ассистента профессора Константина Чаксте (1901–1945). Во время войны продолжала работать в Рижском (бывшем Латвийском) университете. Весной 1944 года отправилась в научную командировку в Прагу, откуда вместе с родителями переселилась в Бельгию. Наталия Синайская училась в Академии Международного права в Гааге, на международном факультете сравнительного права университета Страсбурга. В 1958 году окончила Отделение славянской филологии и истории университета Брюсселя и получила звание лиценциата. Занимала должность профессора русского языка Коммерческого института Брюсселя. Долгие годы в качестве специалиста в области таможенного и налогового права работала в структурах Европейского сообщества.

<sup>2</sup> Ксения Алексеевна Синайская (ур. Гегелло) (1889–1983) – супруга В. И. Синайского. Родом из старинного дворянского рода. В 1913 году вышла замуж за профессора Киевского университета им. Святого Владимира. С 1945 года жила в эмиграции в Брюсселе, в Бельгии.

<sup>3</sup> Ирина Георгиевна Климова (1922–2011) – дочь Георгия Евгеньевича Климова, в замужества Бен-Чавчавадзе. После Латвии жила в Германии, в 1950 переехала с семьей в Канаду. Скончалась в Оттаве. В 1945 году у неё родился сын Андрей.

<sup>4</sup> Надежда Николаевна Рыковская (ур. Антонова; 1896–1975) – художница, вдова рижского художника Юрия Георгиевича

Рыковского (1893–1937), который совместно с Е. Е. Климовым расписывал храм св. Иоанна Предтечи в Риге. Единственный сын Рыковских Глеб (1920 г.р.) погиб на войне. Брат Н. Н. Рыковской – известный в Риге архитектор и художник Сергей Антонов (1884–1956). В послевоенной Германии Н. Н. Рыковская делила жильё с семьёй Климовых в посёлке Хайденхайм в Баварии. Впоследствии переехала в США. Скончалась в Нью-Йорке где была компаньонкой дочери Рахманинова, Ирины Сергеевны Волконский.

<sup>5</sup> Екатерина Александровна Андреева (ур. Квашенникова; 1883–1961) – мать Николая Ефремовича Андреева (см. ссылку 27). С 1907 по 1919 годы вместе с мужем заведовала колонией и приютом под Петроградом, где содержались малолетние преступники. Семья Андреевых, в которой было трое детей, жила с маленькими «правонарушителями», вместе с ними и питались. Андреевы обучали детей грамоте, ремеслам и основам сельского хозяйства, устраивали спортивные состязания и даже театральные представления силами своих учеников. Из-за гражданской войны пришлось оставить приют и в 1921 году осесть в Таллинне.

На момент написания данного письма Николай Ефремович находился в заключении в советской тюрьме. Екатерина Алексеевна приехала в Прагу к сыну из Эстонии в июле 1944 года. После ареста сына была возвращена на прежнее место жительства. Впоследствии, когда Н. Е. Андреев был профессором в Кембридже, ему удалось выписать мать к себе (в 1958 году).

<sup>6</sup> UNRRA – организация помощи и восстановления Объединённых Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration). Создана в 1943 году для оказания помощи на освобожденных территориях. После окончания Второй мировой войны на протяжении нескольких лет в Мюнхене находился так называемый Унровский университет, где обучалось до 2 тысяч студентов, в основном из числа русских беженцев.

<sup>7</sup> Серафимовы – известная семья, родом из Ярославской губернии. После отмены крепостного права, обосновавшись в

Риге, Серафимовы стали одними из крупнейших русских огородников. Сын Алексея Яковлевича (1951–1897) – Яков Алексеевич Серафимов (1884–1949) – окончил Рижский политехнический институт. Считался одним из лучших преподавателей математики в рижских русских школах. Его супруга Юлия Николаевна Серафимова (1887–?) вела занятия по классу вокала в Латвийской консерватории. В семье было четверо детей: Евгения, Тамара, Ирина и Алексей. Тамара и Алексей умерли в детстве. Ирина ещё до войны уехала в Аргентину. Поэтому, оказавшись в эмиграции, Серафимовы решили воссоединиться с дочерью и внуком. Но за неделю до предполагаемого отъезда Я. А. Серафимов скончался от разрыва сердца. Его вдова якобы ещё долгие годы выступала с концертами в Аргентине.

<sup>8</sup> Мария Александровна Климова (ур. Кунце; 1870–1949) – мать Георгия, Константина, Павла и Евгения Климовых. Скончалась в Хайденхайме, Германия.

<sup>9</sup> Мария Клементьевна Климова (ур. Морозова; 1902–1978) – супруга Евгения Евгеньевича Климова.

<sup>10</sup> Николай Николаевич Лохов (1872–1948) родился в Пскове. Свою главную цель видел в создании для России копий фресок и картин эпохи Итальянского Возрождения. С 1913 года жил в Италии, во Флоренции. Его коллекция копий находится в университете в Питтсбурге, штат Пенсильвания, США. СССР не ответил на предложение о приобретении коллекции Лохова. В 2017 году вышла богато иллюстрированная книга Т. В. Вересовой и М. Г. Талалая «Человек Ренессанса. Художник Николай Лохов и его окружение» в серии «Русская Италия» (Москва, Старая Басманная).

<sup>11</sup> Эразм Роттердамский (1649–1536) – крупнейший учёный эпохи Северного Возрождения. В 1521 году некоторое время провёл в доме местного учителя Пьера Вихманса в деревне Андерлехт (ныне это один из районов Брюсселя). В 1930 году в этом доме был открыт музей Эразма Роттердамского.

<sup>12</sup> Ганс Гольбейн (Младший) (1497–1543) – один из наиболее известных немецких художников эпохи Северного Возрождения. Портретист. Был знаком с Эразмом Роттердамским, иллюстрировал его книги. Автор знаменитого портрета Эразма, хранящегося в Музее искусств в Базеле, Швейцария.

<sup>13</sup> Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) родился в Санкт-Петербурге в семье архитектора. Окончил юридический факультет. Но его истинным призванием стало не право, а искусство. В конце 1890-х годов А. Н. Бенуа стал инициатором художественного объединения «Мир искусства». Вошёл в историю не только как живописец и иллюстратор, но и как художественный критик и историк искусства. В 1918 году возглавил картинную галерею Эрмитажа. В 1926 году эмигрировал из СССР. Жил и работал в Париже. Оставил богатое наследие по истории искусства, воспоминания и дневники.

<sup>14</sup> Константин Евгеньевич Климов (1896–1974) – брат Евгения Климова. В 1927 году окончил Латвийскую консерваторию по классу рояля. Работал учителем музыки в Риге. В 1944 году эмигрировал в Австрию, затем в Германию, а в 1948 году – в Канаду, где продолжал работать по специальности. Автор впервые публикуемых в «Латвийском православном хронографе» воспоминаний «О том, что вспомнилось» (см. тома II и III).

<sup>15</sup> София Терентьевна Климова (ур. Теодорович; 1899–1992, дочь протопресвитера) – супруга брата Евгения Климова, Георгия (1895–1967), участника Первой мировой и гражданской войн. В межвоенные годы Георгий жил и работал в Риге страховым агентом и антикваром. В 1944 году София Терентьевна с супругом эмигрировали на Запад, в 1951 году переселились в Канаду, где Георгий продолжал заниматься антикварным делом.

<sup>16</sup> Брат Евгения Климова – Павел (1899–1970), инженер. После гражданской войны приехал в Ригу, затем уехал учиться в Германию (Дармштадт), осел там, став гражданским инженером со специальностью по тоннелям и мостам. После войны



переселился во Франкфурт, где преподавал в Политехническом институте.

<sup>17</sup> Речь идёт о церкви в честь святого праведного Иова Многострадального в Брюсселе. Закладка храма совершена 2 февраля 1936 года, освящение состоялось 1 октября 1950 года. Храм находится в юрисдикции Русской Православной Церкви за границей.

<sup>18</sup> Елизавета Дмитриевна Кюзис (Кюзе; ур. Потилицына) родилась в 1885 году в Томске. С 1918 года работала в Риге врачом по женским болезням. В 1944 году эмигрировала на Запад.

<sup>19</sup> Павел Евгеньевич застрял на время в Sudetengau (в Судетах), заселённой немцами части Чехословакии, где у семьи его жены был дом. В 1945–46 годах всех немцев выслали оттуда согласно декретам президента Чехословакии Эдварда Бенеша, поддержанным союзниками.

<sup>20</sup> Андре Лот (1885–1962) – французский скульптор, художник и педагог. Автор нескольких книг по искусству.

<sup>21</sup> Николай Васильевич Зарецкий (1876–1959) – художник, график, искусствовед. С 1920 года жил в эмиграции в Берлине, с 1931 года в Праге. В 1951 году переехал в Париж, где и умер.

<sup>22</sup> Ольга Дошкарова, сотрудница Кондаковского института.

<sup>23</sup> Николай Ефремович Андреев (1908–1982) в 1919 году с родителями эмигрировал в Эстонию, где окончил русскую гимназию. С 1928 по 1931 год учился в Праге. Получил степень доктора философии. Работал в Институте Н.П. Кондакова (1844–1925) – крупнейшего специалиста в области истории искусства. В годы войны руководил Кондаковским институтом в Праге. Был арестован советскими властями в 1945 году и два года провёл в заключении. После освобождения некоторое время работал в Магдебургском университете, но вскоре был приглашён в Кембриджский университет. Автор многих научных трудов по истории и культуре.

Возможно, подобное упоминание о нём в тексте письма можно отнести к образцу эзоповского языка.

Подробнее о нём см.: Из воспоминаний Е. Е. Климова // Записки Русской Академической группы в США. Том XXVIII –

[http://www.russkije.lv/files/images/text/PDF\\_Files/Klimov\\_memoirs.pdf](http://www.russkije.lv/files/images/text/PDF_Files/Klimov_memoirs.pdf)

<sup>24</sup> Имеются в виду дети Е. Е. Климова: Илья (1936 г.р.) и Алексей (1939 г.р.).

<sup>25</sup> Вероятно, речь идет о втором ребёнке Иры Бен-Чавчавадзе – Нине.

<sup>26</sup> Ромуальд Титович Шишко (1888–1954) – график, плакатист. В межвоенные годы жил в Латвии. В 1939 году репатрировался в Германию. Весной 1944 года участвовал в выставке русских художников в Риге. После войны работал в Милане, где и завершил свой жизненный путь.

<sup>27</sup> Н. П. Богданов-Бельский, проживая в межвоенные годы в Риге, в 1932 году обвенчался с балтийской немкой Антониной Максимилиановной (1893–1969; урожд. *Emmeline Valerie Antonie Höflinger*, в первом браке была замужем за Карлом Мартином Эрхардтом).

В 1944 году Антонина Максимилиановна вместе с мужем Н. П. Богдановым-Бельским и двумя сыновьями от первого брака уехала в Германию. После смерти Н. П. Богданова-Бельского (19.02.1945) жила на юге Германии в Байройте. Сохранила картины и архив художника, неоднократно давала интервью о художнике журналистам немецких газет. Передала любовь к творчеству живописца своим детям и внукам. – *Комментарий К. Е. Рудзите.*

<sup>28</sup> См. 5.

<sup>29</sup> См. 18.

<sup>30</sup> Анна Зариня (ур. Берзиня, 1907, Рига – 1984, Антверпен, Бельгия). Окончила Латвийскую Академию художеств. Совершенствовала мастерство в Антверпенской высшей школе искусств. С 1939 года постоянно жила в Бельгии. Имела персональные выставки, работала в разных жанрах.

<sup>31</sup> Георгий Владимирович Голохвостов (1882–1963) – Полковник русской армии. С 1920 года жил в эмиграции в США, где снискал известность как общественный деятель и поэт. Наиболее известное из его произведений – поэма «Гибель Атлантиды».

<sup>32</sup> Андрей Николаевич Авинов (1884–1949) – график, живописец, искусствовед, путешественник, коллекционер. До революции состоял на государственной службе. С осени 1917 года жил в США, где зарабатывал как художник и музейный работник. Исполнял натуралистические зарисовки цветов, бабочек и птиц. Читал лекции. В Нью-Йорке имеется фонд А. Н. Авинова для изучения и распространения его наследия.

<sup>33</sup> Жак Луи Давид (1748–1825) – французский живописец, представитель неоклассицизма. Наиболее известная из его работ «Смерть Марата» (1793).

<sup>34</sup> Поль Сезан (1839–1909) – французский художник, постимпрессионист.

<sup>35</sup> Жан Франсуа Милле (1814–1875) и Теодор Руссо (1812–1867) – французские художники, представители Барбизонской школы (городок в лесу Фонтбло в центральной части Франции). В Барбизоне группа французских художников, в их числе Милле и Руссо, занимались пейзажной живописью.

<sup>36</sup> Татьяна Владимировна Косинская (1903–1981). Родилась в Риге в семье профессора В. А. Косинского. Училась в Высшем художественном училище в Праге, где увлеклась иконописью. В Риге совершенствовала мастерство у известного старообрядческого иконописца П.М. Софронова. В конце 1930-х годов работала над росписью двух храмов в Палестине. В 1940 году получила приглашение от епископа Берлинского Сергия для завершения росписи собора св. Владимира. В годы войны жила и работала в Праге. После войны жила в местечке Аньер под Парижем, где приняла монашеский постриг под именем Серафима. Свой жизненный путь завершила в США, в штате Калифорния.

<sup>37</sup> Оноре Викторен Домье (1808–1879) – французский художник, скульптор, мастер политической карикатуры.

<sup>38</sup> Возможно, Анри де Гру (1866–1930) – бельгийский художник-символист, скульптор и литограф.

<sup>39</sup> Жан Дзире Гюстав Курбе (1819–1877) – французский живописец-реалист. Один из крупнейших художников Франции XIX века. В письме, вероятно, имеется в виду его картина «Крестьяне Флаже, возвращающиеся с ярмарки».

<sup>40</sup> Альфред Сислей (1839–1899) – французский живописец-пейзажист английского происхождения, импрессионист.

<sup>41</sup> В 1928 году В. И. Синайский с дочерью, художником С. А. Виноградовым (1869–1938), в межвоенные годы жившим в Латвии, и писателем Леонидом Зуровым (1902–1971) посетили Псково-Печёрский монастырь (в то время находившийся на территории, принадлежавшей Эстонии). Рижский предприниматель Сергей Андреевич Кузубов (1894–1942) пожертвовал довольно значительную сумму на издание монографии о Псково-Печёрском монастыре. Е. Е. Климов действительно не участвовал в этой экспедиции. В. И. Синайский составил иллюстрированный общий культурно-исторический очерк о монастыре: Псково-Печёрский монастырь. Снимки с картин и рисунков академика Сергея Виноградова. – Типография акционерного общества «РИТИ», Рига, 1929.

См. также: Н. Синайская. Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского, стр. 91–96.

<sup>42</sup> Роман Александрович Дементьев (родился в 1873 году в Риге). Окончил медицинский факультет Варшавского университета. В межвоенные годы работал в Риге врачом-терапевтом. Принимал по адресу: ул. Садовникова, 28. В конце войны эмигрировал из Латвии. Позднее переселился в Австралию.

<sup>43</sup> Александр Иванович Макаровский (1888–1958) – краевед и историк Церкви. В межвоенной Эстонии работал учителем в Старом Изборске. Автор вводной статьи к альбому литографий Е. Е. Климова «По Печёрскому краю» (1938 год). Со слов А. Климова, сын Макаровских приезжал в Хайденхайм и произвёл на папу неприятное впечатление (о чём он пишет в дневнике).

См. также: Е. Е. Климов. Встречи. – Рига, Улей, 1993. Краевед, историк Макаровский, стр.45–49.

<sup>44</sup> Имеется в виду Татьяна Владимировна Косинская (см. 37).

<sup>45</sup> Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) – живописец, реставратор, искусствовед. В 1893 году окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но карьере юриста предпочёл искусство. Обучался живописи в России и за границей. В 1903 году обосновался в Москве. Участвовал в художественных выставках. Занимался искусствоведческой работой. В 1913 году был назначен попечителем Третьяковской галереи. С приходом к власти большевиков Грабарь сумел найти с ними общий язык. С 1921 года – профессор Московского государственного университета. Участвовал в реставрационных работах, в частности, «Троицы» Андрея Рублева.

Академик АН СССР (1943), академик АХ СССР (1947), Народный художник СССР (1956).

См. Е. Е. Климов. Встречи. – Рига, Улей, 1993. – Уроки Игоря Грабаря, стр.22–26.

<sup>46</sup> Вероятно, речь идёт об известном латышском художнике Конраде Убансе (1893–1981), который остался в Советской Латвии.

<sup>47</sup> Имеется в виду домашняя постановка отрывка из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Исполнителями ролей выступали дети Климовых. Алексей исполнял роль Гришки.

<sup>48</sup> Морис ван Эссе (Maurice Van Essche; 1906–1977) – родился и получил художественное образование в Бельгии и Франции. С 1939 работал художником сперва в Бельгийском Конго, затем художником и преподавателем в ЮАР. В начале 1970-х годов вернулся в Европу. Умер во Франции. Оставил богатую коллекцию африканских пейзажей.

<sup>49</sup> Рауль Лабарре (Raoul Labarre; 1902–1987) – бельгийский художник.

<sup>50</sup> Возможно, барон Фредерик Лейтон (1830–1896) – английский художник (а не бельгийский, как пишет Синайский), представитель викторианского академизма.

<sup>51</sup> Св. Вунибальд (Wunibald) – англосаксонский миссионер, который в IX веке основал монастырь на месте, где возник Хайденайм. Был канонизирован. Е. Климов расписывал часовню, посвящённую св. Вунибальду.

<sup>52</sup> Китцинген – город в Баварии, Германия. Е. Е. Климов устроил там выставку и также выпустил альбом литографий, посвященных этому городу – Kitzingen am Main. Original-Steinzeichnungen von E. Klimoff. (Kitzingen-Main, 1948).

<sup>53</sup> Уильям Тёрнер (1775–1851) – английский художник, мастер романтического пейзажа, предшественник французских импрессионистов.

<sup>54</sup> Альбрехт Дюрер (1471–1528) – немецкий живописец и график, один из величайших мастеров эпохи Возрождения. Имеется в виду список его работы.

<sup>55</sup> Мария Андреевна Ульянищева (ур. Кузубова; 1893–1989) – сестра владельца рижской фабрики по переработке волокна Сергея Андреевича Кузубова, депортированного в Сибирь 14 июня 1941 года. В 1944 году Мария Андреевна (вместе с частью семьи Кузубовых) эмигрировала в Германию, а впоследствии в США. Завершила свой жизненный путь в Сан-Франциско.

<sup>56</sup> Речь идёт об известном писателе Иване Сергеевиче Шмелёве (1873–1950), жившим в эмиграции с 1922 года. Он был в Риге летом 1936 года после смерти жены. Жил на даче, которую содержала Софья Терентьевна, и подружился со всеми Климовыми. Здесь речь идёт о письме, которое Шмелёв написал Софье Терентьевне, когда узнал о трагической кончине всех членов её семьи (отец погиб при бомбардировке Варшавы в 1939 году, а мать, сестра и все дети из православного приюта, которым они руководили, были расстреляны немцами во время Варшавского восстания в 1944 году. – *Комментарий Алексея Климова*).

<sup>57</sup> Речь идёт о рисунке по мотивам рождественского рассказа Н. Лескова «Запечатлённый ангел» (1872).

<sup>58</sup> Нина Александровна Евланова (ур. Рождественская; 1899–?) – дочь профессора Петербургской духовной академии. Состоя-

ла в браке с известным в межвоенной Латвии общественным деятелем Борисом Викторовичем Евлановым (1890–1943), репрессированным советскими властями в 1940 году и скончавшимся в тюрьме в 1943 году. Во время войны эмигрировала на Запад. Обосновалась в Бельгии, где и завершила свои дни. Была хорошо знакома с Н.В. Синайской.

<sup>59</sup> Борис Александрович Рождественский (1901–1960) – брат Н.А. Евлановой (Рождественской). С 1930 по 1956 год работал врачом в Конго. Умер в Брюсселе.

<sup>60</sup> См. 45.

<sup>61</sup> См. 10.

<sup>62</sup> Макс Яковлевич Лазерсон (1887–1951) родился в Митаве (Елгаве). Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1911 год). Помощник присяжного адвоката, публицист. С 1916 года – ассистент в Петроградском психоневрологическом институте. После Февральской революции работал в департаменте по делам национальных меньшинств МВД. С 1919 года читал лекции в Петроградском институте народного хозяйства. В 1920 году вернулся в Латвию. С 1922 по 1931 год был депутатом Сейма. Одновременно с политикой занимался юридической практикой. Преподавал в частных учебных заведениях. Был хорошо знаком с В. И. Синайским. Высоко котиrowался в юридических кругах, однако профессорская должность для него оказалась недоступной. Был арестован после переворота К. Ульманиса (15 мая 1934 года). Переселился в Палестину, а в 1938 году обосновался в США, где получил должность ассоциированного профессора в Колумбийском университете.

<sup>63</sup> Терентий Павлович Теодорович (1867–1939) – протопресвитер Польской Православной Церкви. Погиб 25 сентября 1939 года во время бомбардировки Варшавы. Отец супруги Георгия Евгеньевича Климова, Софьи Терентьевны.

<sup>64</sup> Михаил Григорьевич Курдюмов (1869–1924) – российский учёный-архивист. Подготовил к публикации и издал большое число документов по истории Отечества. После Октябрьской

революции много сделал для спасения архивных документов. Увлекался литературоведением. Примером является его книга «Сердце смятенное». О творчестве А.П. Чехова. – YMCA Press, 1934.

<sup>65</sup> Ксения Георгиевна Климова (ур. Александрович; 1899–1965, г. Квебек, Канада) – супруга Константина Евгеньевича Климова.

<sup>66</sup> См. 3.

<sup>67</sup> Вероятно, речь идёт о графе Петре Александровиче Валуеве (1815–1890) – русском государственном деятеле, авторе нескольких романов и дневников.

<sup>68</sup> Константин Андреевич Сомов (1869, Санкт-Петербург – 1939, Париж). Художник, график, портретист, иллюстратор. Образование получил в Санкт-Петербургской Академии художеств. Первая персональная выставка К. Сомова состоялась в 1903 году. Экспонировал свои работы и за рубежом. В 1914 году получил статус действительного члена Академии художеств. В 1918 году состоялась юбилейная персональная выставка Сомова в Третьяковской галерее. В 1923 году покинул Советскую Россию. С 1925 года и до своей кончины жил в Париже.

<sup>69</sup> Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – известный актёр, педагог, режиссёр. Племянник писателя А. П. Чехова. В 1928 году уехал из СССР. С 1931 по 1934 год работал в Риге: в Рижском театре русской драмы и в Латвийском Национальном театре. С 1939 года жил и работал в США. Умер в Беверли-Хиллз, штат Калифорния.

<sup>70</sup> Мстислав Валерианович Добужинский (1875–1957) – художник, мастер городского пейзажа, художественный критик. Участвовал в выставках с 1902 года. Член общества «Мир искусства». Первый директор Витебского художественного училища (1919 год). Работал над оформлением спектаклей Большого драматического театра в Петрограде (открыт в 1919 году). С 1922 года профессор Академии художеств. В 1924 году принял литовское подданство и уехал из СССР. В 1925 году организо-



вал в Риге несколько выставок своих работ. Работал в Литве, во Франции, в Англии. С 1939 года жил в США. Встречался и переписывался с Е. Е. Климовым. В 1976 году вышел первый том «Воспоминаний» М. В. Добужинского под ред. Е. Е. Климова.

<sup>71</sup> Вальтер Шубарт (1897–1942) – немецкий писатель, публицист, адвокат и философ. В 1929 году женился на русской эмигрантке Вере Марковне Энглерт (ур. Берман). С приходом к власти нацистов (1933 год) семья Шубартов уехала в Латвию: сначала в Вентспилс, где жили родственники жены, в 1935 году – в Ригу. Рижский период оказался весьма плодотворным для Шубарта. Из-под его пера вышло, пожалуй, самое значительное из его произведений «Европа и душа Востока». Вальтер и Вера Шубарт были арестованы органами НКВД в первые дни войны. В послевоенные годы книги В. Шубарта неоднократно переиздавались на немецком и других языках. На русском языке книга доступна в интернете.

<sup>72</sup> «Акрополь» – общество любителей искусства и старины, существовало в Риге в 1930-е годы и объединяло русских художников и людей, близких им по духу. Например, в 1934 году профессор Синайский был избран председателем общества, а Евгений Климов – секретарём. Вплоть до ликвидации общества в 1938 году В. Синайский и Е. Климов принимали деятельное участие в его работе. – ЛГИА, ф. 1747, оп.1, д. 6.

<sup>73</sup> Речь несомненно идёт о литографиях, сделанных Е. Климовым по зарисовкам, относящимся к итальянскому путешествию в 1934 году. Точная дата издания неясна, предположительно 1943 год. Литографии посвящены тосканскому городу Сан Джиминьяно (San Gimignano). На литографиях изображены старинные стены, башни и ворота города. (Странным образом литографии были изданы без печатной обложки и, следовательно, без общего названия, поэтому год издания неясен. – *Комментарий А. Е. Климова*).

<sup>74</sup> «Россиянин» – русская газета, издававшаяся в Лондоне с октября 1948 года до середины 1949 года под редакцией князя

Валериана Александровича Оболенского (1925–1977), внука последнего градоначальника Петрограда А. Н. Оболенского.

<sup>75</sup> «Часовой» – ежемесячный журнал для поддержания связи между бывшими русскими военными, оказавшимися в эмиграции. Журнал был основан в 1929 году. Первоначально издавался в Париже, с 1936 по 1988 год – в Брюсселе.

<sup>76</sup> Отец Евгения Климова – Евгений Александрович Климов (1868–1919). Родился в Петербурге. Окончил юридический факультет Петербургского университета, при этом не оставляя проявившегося ещё в детстве увлечения музыкой. Он прекрасно играл на рояле и виолончели. Однако занятость на службе, зачастую не приносившей удовлетворения, и заботы о семье (четверо детей) не дали возможности развернуться его музыкальному таланту. – См.: Воспоминания Е. Е. Климова. Мой отец. // Балтийский архив. Т.10. Рига, Даугава, 2005.

<sup>77</sup> Клавдия Сегирская (1894 г.р., Москва) – певица. В 1944 году эмигрировала из Латвии. Ольга, вероятно, её дочь (1924 г.р., Рига).

<sup>78</sup> Сергей Александрович Соболевский (1803–1870) родился в Риге. Библиофил, библиограф, автор шуточных стихотворений.

<sup>79</sup> Борис Генрихович Унбегаун (1898–1973) родился в России. По происхождению немец. Эмигрировал после гражданской войны. Образование получил в Люблянском университете и в Сорбонне. Крупный специалист по славистике. В 1935 году защитил докторскую диссертацию о русском языке XVI века. Во время войны был заключён в Бухенвальд. После освобождения вернулся к научной и педагогической практике. С 1965 года и до своей кончины – профессор Нью-Йоркского университета. Широко известен исследованием русских фамилий.

<sup>80</sup> Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969) – советский лингвист-русист и литературовед. Академик АН СССР (1946 год). Первую работу посвятил самосожжению старообрядцев. Снискал известность публикациями о стиле писателей-классиков и современников. Как лингвист известен своей книгой

«История слова». Под его редакцией была подготовлена «Грамматика русского языка». Участвовал в составлении «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова. Несмотря на заслуги, подвергался репрессиям со стороны советских властей.

<sup>81</sup> Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001) – княжна, писательница и мемуаристка. Долгое время жила в Бельгии. Во время Второй мировой войны участвовала в движении Сопротивления. Работала военным корреспондентом. С 1949 года жила в Париже.

<sup>82</sup> По-видимому, имеется в виду Александра Александровна Рождественская, мать Нины Александровны Евлановой (см. 58).

<sup>83</sup> Лео фон Кёниг (1871–1944) – немецкий художник. В конце XIX века принадлежал к *Berliner Secession* – объединению берлинских художников и скульпторов, отвергавших доминирование академического искусства.

<sup>84</sup> Франс Мазерель (1889–1972) – бельгийский художник, представитель левого экспрессионизма. Художник-график широкого профиля. Снискал известность в области книжной иллюстрации.

<sup>85</sup> Обераммергау – населённый пункт в Германии, в земле Бавария.

<sup>86</sup> Владимир Константинович Гортынский (1885–1951) – инженер, филистр русской студенческой корпорации «Ruthenia». Умер в Рио-де-Жанейро, Бразилия.

<sup>87</sup> В биографическом справочнике *Latvijas advokatūra 1919–1945. Biogrāfiskā vārdniīca. – Sast. Dr.hist. Ēriks Jēkabsons, Dr.hist. Valters Ščerbinskis. Rīga, Latvijas Valsts vēstures arhīvs, 2007* (Латвийская адвокатура 1919–1945. Рига, Латвийский государственный исторический архив, 2007) – адвокат под фамилией Шмидт не обнаружена.

<sup>88</sup> Василий Иванович Синайский, Ксения Алексеевна Синайская и Наталия Васильевна Синайская похоронены на кладбище *Forêt* в пригороде Брюсселя.

<sup>89</sup> Скорее всего, на похоронах профессора Синайского присутствовал Янис Мартиныш Лаздиньш (1875–1953). С 1929 по 1938 год он был послом Латвии в Бельгии и Люксембурге. На своём посту много сделал для популяризации Латвии и латышской культуры. После ухода с дипломатической службы остался жить в Бельгии. В молодости учился в Петербургской консерватории. Был первой скрипкой в Российском императорском придворном оркестре.

Преемником Лаздиньша в должности посла стал Микелис Валтерс (1874–1968). Однако после оккупации Бельгии нацистами он покинул страну и вряд ли участвовал в похоронах Синайского.

<sup>90</sup> Имеется в виду латышская эмигрантская печать.

<sup>91</sup> Галина Романовна Дементьева (1912–?) – дочь доктора Дементьева, выпускница естественнонаучного факультета Латвийского университета. Филистр русской студенческой корпорации «Sororitas Tatiana».

<sup>92</sup> Марис Ветра (настоящее имя Мориц Блумберг; 1901–1965) – с 1928 года солист (тенор) Латвийской Национальной оперы. В 1944 году покинул Латвию. Жил в Швеции. С 1946 года – в Канаде, где открыл частную оперу в Галифаксе. С 1953 года жил в Торонто. Писал мемуары.

<sup>93</sup> Имеется в виду книга профессора Синайского.

<sup>94</sup> О Нине Александровне Евлановой см. 59.

<sup>95</sup> Александра Чулкова (1903–?) – дочь известного в Риге нотариуса Михаила Степановича Чулкова (1870–1941).

<sup>96</sup> Лиелварде – посёлок (с 1992 года – город) на правом берегу Даугавы в 54 км от Риги, где находилась дача Синайских.

*Василий Иванович Синайский,  
студент Юрьевского  
(Тартуского) университета.  
Фото с сайта «Русские  
Латвии»*



*Василий Иванович  
Синайский, профессор  
университета Св. Владими-  
ра в Киеве. 1912 год. Фото с  
сайта «Русские Латвии»*

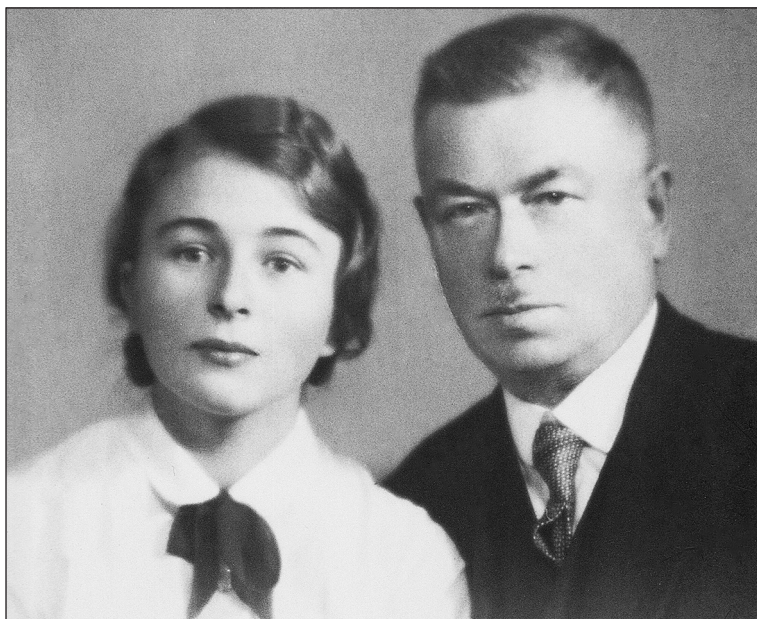


*Василий Иванович и Ксения Алексеевна Синайские  
в день их свадьбы. Киев, 1913 год.  
Фото с сайта «Русские Латвии»*



*Профессор Василий  
Иванович Синайский  
за своим письменным  
столом. Рига. Фото  
с сайта «Русские  
Латвии»*





*Василий Иванович Синайский с дочерью Наталией.  
Рига, 1934 год. Фото с сайта «Русские Латвии»*



*Дача профессора  
Синайского в Лиелварде,  
Латвия. Фото с сайта  
«Русские Латвии»*



*Жена профессора  
Синайского  
Ксения Алексеевна.  
Брюссель, 1946 год.  
Фото с сайта «Русские  
Латвии»*



*Дочь профессора  
Синайского Наталия.  
Брюссель, 1946 год.  
Фото с сайта «Русские  
Латвии»*

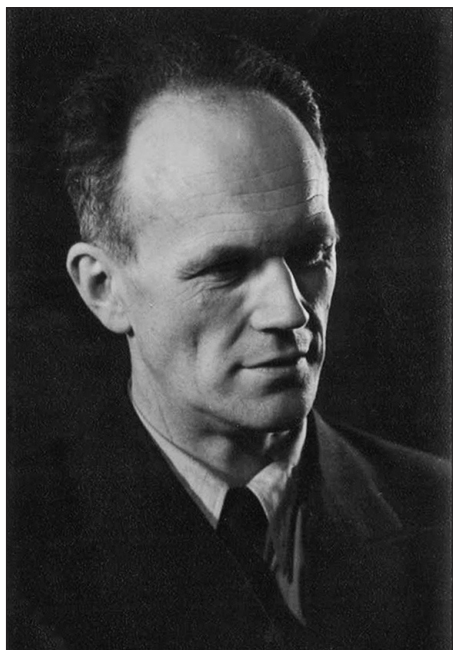




*Семья Климовых перед отъездом в Канаду. Бавария, 1949 год.  
Фото из семейного архива Климовых*



*Илья и Алексей Климовы. Бавария, 1948 год.  
Фото из семейного архива Климовых*

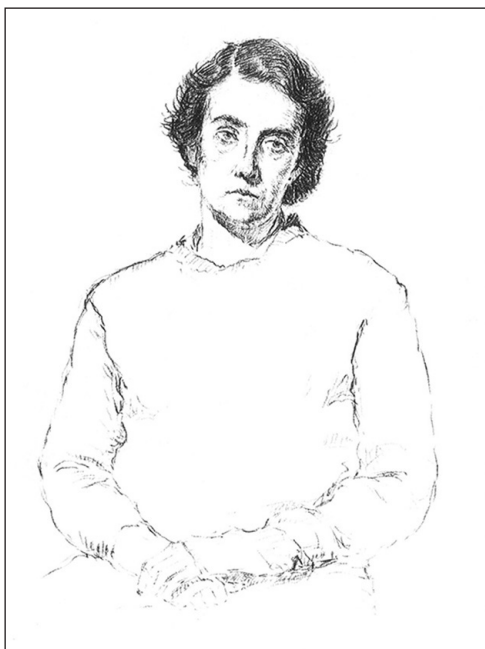
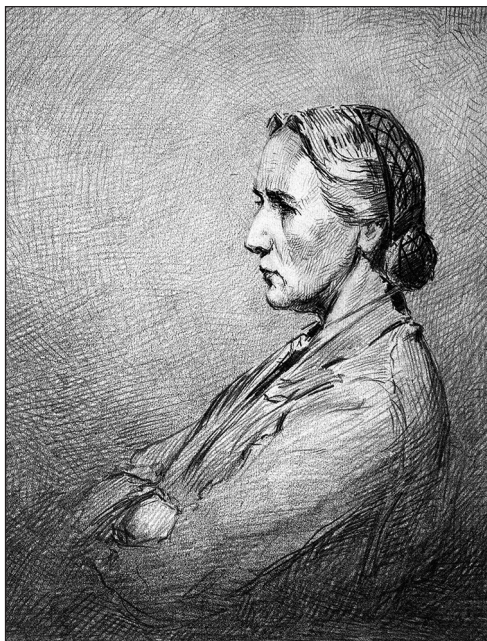


*Евгений Евгеньевич Климов,  
1948 год. Фото из семейного  
архива Климовых*



*Мария Александровна  
Климова. Рига, 1935 год.  
Рисунок Е. Е. Климова*

*Надежда Николаевна  
Рыковская. Хайденхайм.  
1946 год.  
Рисунок Е. Е. Климова*



*Мария Клементьевна  
Климова в Баварии.  
1945 год.  
Рисунок Е. Е. Климова*

# Николай Петрович Богданов-Бельский. Жизнь и творчество

*К 150-летию художника*

*Нина Лapidус,  
искусствовед*

*В мае 2016 года в здании Латвийского художественного музея «Биржа» в преддверии 150-летия замечательного русского художника Николая Петровича Богданова-Бельского (1868–1945) с большим успехом прошла выставка его художественных произведений. В просторном зале было представлено более пятидесяти живописных и графических работ из русского отдела Латвийского национального художественного музея, принадлежащих родственнице художника Дагмар Рааб, проживающей в Германии, из частных рижских коллекций. Выставку посетил Предстоятель Латвийской Православной Церкви Митрополит Рижский и всея Латвии Александр с духовенством и студентами Рижской Духовной семинарии.*

В конце XIX века на выставках российских художников, объединённых Товариществом передвижников, любителей искусства привлекли внимание картины с изображением жизни и быта крестьян и их детей. Автором был молодой живописец Николай Петрович Богданов-Бельский. Раскрывая в своих картинах патриархальный



*Николай Петрович Богданов-Бельский.  
1923 год. Из коллекции А. Педана*

уклад деревни, художник стоял на позициях реализма, что было характерно для русского искусства того периода, выразившегося в словах художника И. Н. Крамского «художник есть критик общественных явлений». Крамской и возглавил «бунт четырнадцати» отказавшихся в Санкт-Петербургской Академии художеств писать дипломные картины на заданную историческую тему. Вышедшие из Академии выпускники в противовес

официальному академизму создали Артель художников, с 1870 года – Товарищество передвижных художественных выставок. «Передвижники» ставили целью раскрытие в своём искусстве актуальных проблем общества. На первых передвижных выставках в своих картинах они показывали тёмные стороны уклада жизни простого народа, считая это правильным воздействием на улучшение не только нравов, но и общественного строя. Обращение не только к проблемам общества, но и историческим событиям, а так же изображение родной природы закрепило за Товариществом передвижников право быть ведущей демократической силой в искусстве того времени.

Николай Петрович Богданов-Бельский был представителем нового поколения художников, изображавших лучшие черты жизни простого народа. На выставках передвижников его работы были представлены в последнем десятилетии XIX века. Первой была картина «Будущий инок», экспонировавшаяся в 1890 году на 28-й передвижной выставке, проходившей в Санкт-Петербурге, Москве, а затем последовательно в других крупных российских городах. Она сразу же вызвала большой интерес любителей искусства, так же как и последующие живописные работы Н. П. Богданова-Бельского в ряду картин самых известных художников на ежегодно устраиваемых передвижных выставках. Его участие в них продолжалось на протяжении 28 лет. Картины художника привлекали внимание своей жизненностью и правдивостью. В них отсутствовала безысходность жизни изображённых, как это было у многих, особенно первых художников-



передвижников, но были глубокая любовь и сострадание к тем, из среды которых он вышел. Участвовал Богданов-Бельский и на выставках других художественных объединений, таких как «Общество поощрения художеств», «Общество любителей искусства». Но ведущую роль в воспитании российского общества он всегда отводил демократичному Товариществу передвижных художественных выставок.

В 1895 году Николай Петрович Богданов-Бельский официально стал членом Товарищества передвижных художественных выставок. Позднее он скажет: *«С удовольствием вспоминаю своё участие в выставках передвижников. Выставки эти имели большой успех. Между обществом и художниками была полная гармония. Одни и те же интересы, одна идеология объединяла нас с окружающей обстановкой. Под эгидой передвижнических выставок расцвел ряд видных представителей искусства. Русское искусство многим обязано им, у них была не только тенденция, но и большая живопись»*<sup>1</sup>.

Богданов-Бельский достаточно быстро занял ведущее место в ряду самых известных художников. Его картины покупались состоятельными любителями искусства, коллекционерами, членами Царской семьи. Иллюстрации картин широко представлялись в печати, школьных учебниках: букварях и хрестоматиях. Изданный в конце XIX века букварь, составленный известным учёным, педагогом В. П. Вахтеровым, с иллюстрацией на обложке картины «У дверей школы», многократно переиздавался. Художник стал особо популярным и среди учителей. Его называли «певцом деревни и прежде всего

крестьянских детей». В 1903 году Н. П. Богданов-Бельский был удостоен звания академика, в 1914 году избран действительным членом Российской Академии художеств.

Николай Петрович Богданов-Бельский родился 8 декабря 1868 года в бедной крестьянской семье деревни Шитики Смоленской губернии, Бельского уезда (ныне – Оленинский район Тверской области). *«Я ведь от земли, отца не ведал. Я незаконнорожденный от бедной бобылки, от того Богданов, а Бельский – от имени уезда, был пастушком»*<sup>2</sup>.

Фамилия «Богданов» была дана ему при крещении – Богом данная рождённому человеку не только для жизни, но и для её воспевания. Его родственники были крепостными помещика Сахарова. После отмены крепостного права дед Гавриил Иванович взял в аренду у того же помещика землю и стал обрабатывать. Занимался и ремеслом, был сапожником, мастерил конную упряжь, сёдла. Маленький внук, используя инструменты деда, пристрастился вырезать ножичком из репы и брюквы фигурки животных и солдатиков. Когда же руки окрепли, то резал и из дерева: липы, осины, ольхи. Это было любимым занятием мальчика. Однажды он вырезал какое-то подобие скрипки, и местный помещик купил игрушку за 20 копеек. Шестилетнему мальчику первый заработок принёс большую радость. Он дружил с детьми помещиков, однажды пришёл в один из домов и был поражен богатой обстановкой и особенно фарфоровыми фигурками птиц и зверюшек. И старался, вырезая, повторить их формы. Детство его было трудным. Жил он



в доме дяди и считался «лишним ртом». Хозяйство было большое, и его заставляли работать больше, чем родных детей. Он пас скотину, помогал в полевых работах. В душе осталась обида... Однако жизнь оказалась благо-склонной к мальчику, которому суждено было стать зна-менитым художником. Первоначально Николай Богда-нов учился у церковного звонаря Севастьяныча и знал только церковнославянские буквы. Мог читать Псалтирь. Затем пошёл в школу села Шопотово, открытую в арендо-ванной избе местного псаломщика. Позднее он скажет: *«Идти в школу для нас, школьников, было радостно, ибо там царила чистая и радостная атмосфера»*<sup>3</sup>.

В школе мальчик любил изображать на грифельной доске своих товарищей и классного учителя. Он мог бы остаться на всю жизнь в деревне, однако был замечен хо-зяином имения соседнего села Татево Сергеем Алексан-дровичем Рачинским (1833–1902). Биолог, математик, учёный, профессор Московского университета, автор многих статей о литературе, культуре, живописи, музы-ке и книги «1001 задача для умственного счёта», Рачин-ский много сделал для создания народных школ. Заме-чательного подвижника волновали вопросы воспитания и обучения крестьянских детей. В литературном сало-не его московского дома собирались учёные, литера-торы, художники, музыканты. В беседах участвовал и Л. Н. Толстой, вместе с профессором С. А. Рачинским они остро ставили вопрос о просвещения простого народа. В университете, где преподавал учёный, в результате ре-форм произошли изменения. Видя их реакционный ха-рактер, С. А. Рачинский в знак протеста подал заявление

об отставке. Он выехал в своё родовое имение Татеево Тверской губернии, вступил в должность учителя деревенской начальной школы и сделал школу образцовой. На деньги замечательного просветителя уже после его смерти было построено кирпичное здание школы, в которой помнили и развивали идеи просвещения народа.

Религиозный человек, С. А. Рачинский стремился к духовному воспитанию детей. Уроки начинались с молитвы, изучался церковнославянский язык. Велось эстетическое воспитание, школьников учили рисованию, музыке, пению. Школьный хор исполнял церковные песнопения. Совершались паломничества в святые места. Кроме основных предметов преподавались основы земледелия, строительства, пчеловодства. Свой опыт воспитания и обучения в церковно-приходской школе Рачинский пропагандировал в печати. И, как результат, во многих деревнях открывались такие школы.

Узнав о талантливом мальчике Николае Богданове, Рачинский приехал в школу соседней деревни Шопотово. В дохе и валенках, энергичный, улыбающийся, он выпрыгнул из саней, вошёл в школу и сразу же задал ученикам вопросы: «У сорока мышей сколько ушей?» и «Сидели три кошки, и против каждой кошки сидели ещё две кошки. Сколько сидело кошек?». Ученики были в восторге.

Состоявшееся знакомство изменило жизнь Николая Богданова. Войдя в класс, профессор сразу же дал ему задание – нарисовать с натуры школьного учителя. «Впервые мне с натуры пришлось рисовать человека», – вспоминал художник. Но он справился, все нашли сходство с

моделью. Понравился рисунок и Рачинскому. Вскоре он прислал мальчику цветные карандаши, альбом и перочинный ножик, чему Николай несказанно обрадовался. Было прислано и приглашение посетить школу в Татеве.

В назначенный день Николая встречали ученики этой школы, одетые в белые рубашки, плисовые штаны, высокие сапоги – «особый татевский стиль». Напоили мальчика чаем, показали окрестности. На следующий день Рачинский предложил ему нарисовать с балкона своего дома ближайшую церковь. Профессора интересовало, справится ли мальчик с перспективой. И тот, волнуясь, успешно выполнил задание. А затем в классе нарисовал в профиль самого Рачинского. Взяв понравившийся рисунок, профессор пригласил маленького художника в свой дом. Рисунок одобрила и мать профессора Варвара Абрамовна Рачинская, родная сестра поэта Е. А. Баратынского. В гостях была баронесса Елизавета Антоновна Дельвиг, родственница поэта, друга А. С. Пушкина. Все похвалили рисунок. Мальчик интуитивно чувствовал, что решается его судьба и что ему, возможно, больше не придётся пасти коров. Став известным художником, он скажет: *«Многим, если не всем, я обязан этой семье, под покровом которой прошло всё моё дальнейшее воспитание. Семья Рачинских была связана с лучшими людьми того времени. Знакомство моё связало меня на всю жизнь с кругом высококультурных и талантливых людей науки и искусства, ввело в среду высоких нравственных и эстетических интересов»*<sup>4</sup>.

В 1900 году Богданов-Бельский напишет портрет С. А. Рачинского, который экспонировался на 31-й пере-

движной выставке в восьми российских городах. В настоящее время портрет находится в Смоленском художественном музее.

Поступив в школу Рачинского, Николай жил в интернате. Это была единственная в России школа с общежитием. Его часто приглашали в дворянский, с большими колоннами, дом среди дубов и лип, с красивым садом, цветущими клумбами, посреди которых возвышались два бюста великих людей России – поэта Пушкина и композитора Глинки. В гостях у хозяев бывали их интересные друзья и знакомые, атмосфера была наполнена беседами об искусстве, музыке, театре. Обсуждали и положение крестьян. Мальчик прислушивался, всё было ему в новинку.

После года обучения в школе села Татево С. А. Рачинский отправил Богданова-Бельского в 1882 году в рисовальную школу Троице-Сергиева монастыря. Подросток охотно постигал уроки профессионального рисунка под руководством иеромонаха Симеона. Учился грунтовать доски для создания икон. Способный к художеству, он начал сам писать иконы, и его мастерство отмечалось и его руководителем, и другими монахами. С 1884 года дальнейшее обучение Николая Богданова проходило, по решению С. А. Рачинского, при его поддержке и финансировании, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Профессора училища, знаменитые художники, связанные с Товариществом передвижных художественных выставок, на своих уроках и в воспитании проводили демократические идеи. Профессор класса жанровой живописи И. М. Прянишников, заметив большие

способности Николая Богданова, уделял ему больше внимания, чем другим ученикам. За первую жанровую картину «Знахарь» Николай получил премию Общества поощрения художеств. В пейзажном классе он учился у В. Д. Поленова, который на ученической выставке положительно отметил этюд Николая Богданова: *«В вашей картине меня пленяет простота и внутренняя красота пейзажа. Ваш лес живёт и дышит»*<sup>5</sup>. Пейзаж был куплен московским фабрикантом и коллекционером Сапожниковым.

Педагоги знакомили своих питомцев и с выставками картин современных художников. Для Николая это стало стимулом для активной работы. Обучение подходило к концу, выпускники получили темы дипломных работ. Николай Богданов должен был написать пейзажную картину. Как всегда на каникулах, он отправился в село Татёво к Рачинскому. Шло время Великого Поста. Службы в старинном храме, пение, чтение на клиросе, окружение верующих помогли юноше обрести состояние веры, умиротворённости, покоя. За два месяца до подачи конкурсной картины в училище он спохватился: пора было немедленно приступить к работе. Сама обстановка диктовала ему сюжет картины, да к тому же потерялся местный мальчик. Стояла холодная зима. Мальчика нашли через две недели в лесном заснеженном шалаше с краюхой хлеба: он хотел стать отшельником. Это событие окончательно определило тему картины, которую конкурсант назвал «Будущий инок». В выборе темы помог ему и совет С. А. Рачинского.

Внимание Богданова-Бельского привлёк мальчик Семён Дорофеев, чей портрет находился среди других портретов учеников школы, ранее написанных художником. Именно Семён стал главным персонажем картины. Мальчик любил читать религиозную литературу, слушать рассказы о монастырях. Повзрослев, юноша ушёл в монастырь. Для образа странника позировал местный крестьянин. Сюжет с двумя персонажами наполнен необычной теплотой. Странник-монах с котомкой за плечами и подросток в светлой рубашке сидят за столом в тесном пространстве крестьянского дома. На лице мальчика мечтательность, в глазах отражена вся гамма чувств, вызванная рассказом странника-монаха о той жизни, в которой служат Богу. Странники на Руси заходили в крестьянские дома селений и деревень, рассказывали о тех краях, где побывали. Они приносили информацию о жизни далёких сел и городов тем, кто в силу привязанности к земле многого не мог видеть и знать. По словам художника, дети в мечтах переносились, казалось, в сказочные неизведанные дали: «Я и сам был таким. Сам я не раз заслушивался этими рассказами». По окончании работы над картиной художник вспоминал: *«В душе воскресло всё, чем я жил долгие годы детства и отрочества в деревне <...>. Перед концом работы у меня сделался обморок»*<sup>6</sup>.

С картиной «Будущий инок» произошла история, которую рассказал сам художник. Когда она была полностью закончена, её положили в сани. Ехали по заснеженной дороге. У Ржева сани опрокинулись, вещи разлетелись по глубокому снегу. Собрали, поехали дальше. Решили

проверить, есть ли картина, но её не оказалось. Долго возвращались, нашли картину в снегу. Наконец доставили в училище. Богданов-Бельский вспоминал: *«Отвёз в Москву и... проснулся «знаменитым». Поздравляли товарищи, профессора, допытывались, какими путями я смог достичь такой экспрессии в лице «будущего инок». Я и сам не знал. Объясняю это моим тогдашним религиозным настроением»*<sup>7</sup>.

Выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, Николай Богданов получил в 1898 году за конкурсную картину «Будущий инок» большую серебряную медаль и звание классного художника. Подписана картина полным именем: Богданов-Бельский. С конкурсной выставки Московского училища она была куплена за 300 рублей московским миллионером и коллекционером Козьмой Терентьевичем Солдатенковым для своей галереи. И сразу же Богданову-Бельскому были заказаны два варианта картины, один из которых предназначался литературному и художественному критику В. В. Стасову. Но история с картиной «Будущий инок» в 1889 году не закончилась.

В феврале 1890 года К. Т. Солдатенков представил её на передвижной выставке Товарищества передвижников в Санкт-Петербурге. Как правило, перед открытием экспозицию осматривали Александр III и императрица Мария Фёдоровна, намечая приобретения для своего Императорского Русского музея. Выбор царских персон выпал на картину «Будущий инок». В такой сложной ситуации Богданов-Бельский попросил своего покровителя С. А. Рачинского связаться с обер-прокурором

Святейшего Синода К. П. Победоносцевым и объяснить государыне обстоятельства. Обер-прокурор телеграфировал К. Т. Солдатенкову, и тот ответил, что *«почтёт за счастье, если государыня примет от него понравившуюся ей картину»*. Однако при встрече с художником в Москве *«налетел на меня, как буря, раскричался и требовал, чтобы я немедленно вернул ему 300 руб. Денег у меня, конечно, не было, и я напомнил старику о его телеграмме <...>, в конце концов мы помирились»*,<sup>8</sup> – вспоминал художник.

При жизни Богданова-Бельского один из вариантов картины 1890 года находился в его латвийской квартире, о чём свидетельствуют фотографии интерьера.

По окончании Московского училища Николай Петрович в 1889 году совершил по морю поездку на Святой Афон. Вначале художник на корабле по Чёрному морю прибыл в Константинополь, в то время столицу Турции. Здесь он написал заказные портреты русского дипломата А. Нелидова и его жены. Его привлёк южный городской колорит: узкие улицы, шумный базар. И на этом фоне собор Святой Софии, символ былого величия православной Византии, поразил художника размерами, оригинальностью архитектурных конструкций и словно парящим в воздухе большим куполом. Собор был превращён в мечеть с минаретами, но красоту и оригинальность архитектурных первоначальных конструкций не утратил.

Дальнейшее путешествие художника продолжилось по морю в монастыри Святой горы Афон греческого Халкидского полуострова в Эгейском море. Здесь вдоль бе-



рега и у подножья Святой горы два десятка монастырей: греческие, болгарский, сербский, монашеские поселения, скиты, много маленьких келий. Самые многочисленные обители – Свято-Пантелеимонов монастырь, Андреевский и Ильинский скиты – русские. Афонские обители хранят византийское предание и древние святыни православного христианства. Жизнь отрешённых от мира монахов наполнена молитвой. Длительные богослужения, послушание, скромность, труд, скудная трапеза. Богданов-Бельский присутствовал на службах, общался с монахами. Он был потрясён выходом ночью с зажжёнными свечами десятков старцев на литию – «усердную молитву», вызывающую успокоение от страстей, умиротворение, душевную гармонию. Свет в ночи останется в памяти художника, и позднее он использует своё видение в картинах в качестве изобразительного элемента. На Святом Афоне художник пишет маслом виды монастырей, цветущие долины, раскинувшиеся между гор, море. Знакомится с послушником, ещё не принявшим постриг. Монашеская одежда, длинные волосы и борода впечатляют художника. Его новый знакомый – Филипп Андреевич Малявин, крестьянин Рязанской губернии, приехавший на Святой Афон «для спасения души». С большой страстью к живописи он пишет иконы, его здесь называют богописцем, своим рисунком он поразиł Богданова-Бельского. Позже, в 1894 году, они встретятся в мастерской И. Е. Репина в Санкт-Петербургской академии художеств.

Вернувшись со Святого Афона в Санкт-Петербург, художник представил на передвижной выставке 1891 года

три картины: «На досуге», «Бесприютные» (куплена К. Т. Солдатенковым для его художественной галереи) и «Тайная молитва» (приобретёна Великим князем Константином Константиновичем).

Популярность молодого автора росла. В его работах по-прежнему отражалась жизнь простого народа. Созданная им картина «Последняя воля» – это художественно-живописный рассказ о крестьянской семье, собравшейся у постели умирающего отца. Картина была представлена на передвижной выставке 1894 года, экспонировалась в Санкт-Петербурге, Москве и ещё шести российских городах.

Вместе с тем художника волновала школьная тема. В картине «Новая сказка» 1892 года изображены сидящие на полу дети, внимающие чтению товарища. Богданов-Бельский глубоко чтит своего наставника С. А. Рачинского, который, по словам художника, «вывел его на дорогу жизни». В 1895 году в картине «Устный счёт. В народной школе Рачинского» в образе учителя в строгом чёрном костюме, окружённого учениками – крестьянскими детьми, художник представил самого Сергея Александровича. Мальчики стараются решить задачу. Наклонившись к учителю, один из учеников шепчет ответ. Особенно выразительны лица и жесты двух мальчишек в лаптях и белых рубашках, изображённых на первом плане. Картина с передвижной выставки Товарищества была приобретена знаменитым московским коллекционером П. М. Третьяковым.

Поступив в 1894 году в Высшее художественное училище при Санкт-Петербургской Академии художеств, Бог-

данов-Бельский год занимался в мастерской Ильи Ефимовича Репина. Знаменитый мастер живописи поначалу не хотел брать уже известного художника, но Богданов-Бельский убедил профессора и охотно работал под его руководством. И вместе с тем создавал жанровые картины. За написанную в 1895 году и проданную с выставки картину «Воскресное чтение в сельской школе» Николай, по совету И. Е. Репина, отправился учиться в парижские художественные студии Фернана Кормона и Филиппо Коларосси, где упорно занимался живописью и рисунком. Участие на двух студийных конкурсных выставках принесло ему серебряную медаль. Он посещал парижские музеи Лувр и Люксембургский, знакомился с росписями Пантеона, где похоронены известные французские деятели. На выставках знакомился с картинами предвестников импрессионистов – барбизонцев. Знакомство с современным французским изобразительным искусством дало ему новые знания и способствовало большей активности в создании картин.

По возвращении на Родину художник обратился к пейзажной живописи. В 1897 году написал картину «Мальчик со скрипкой», изобразив человека в окружении природы. И всё же пока у него преобладали жанровые картины. В том же году художник написал картину «У больного учителя» с реальным персонажем – учителем школы села Татево Аркадием Аверьяновичем Серяковым. В другой картине, ныне принадлежащей Государственному Русскому музею, «У дверей школы», не решаясь войти, стоит в дверях уставший от дальней дороги подросток в лаптях, в запylённой рваной одежде, с холщевыми

котомками. В глубине класса за партами ученики. Образ мальчика у дверей олицетворял крестьянских детей с их стремлением к образованию. В свободное время художник посещал выставки, галереи, знакомился с искусством других мастеров живописи. Картины, представляемые им на выставках, раскрывали правду жизни народа. В созданной в 1909 году живописной работе «Горе» изображён у стены крестьянского дома горюющий по умершей жене мужчина в окружении растерянных детей. Постепенно художник отходит от коричневого традиционного колорита и интерьерных образов, палитра высветляется, картины приобретают новые качества.

Жанр портрета и пейзажа слились в картине 1892 года «За чтением письма». Здесь изображена читающая молодая женщина на фоне зеленеющих берез. Также в природном окружении изображена в картине «В лесу» крестьянская девушка в красном сарафане и фартуке. За её спиной кузов для лесного пчеловодства. Художник по-прежнему постоянно обращался к своей главной теме воспитания и образования крестьянских ребятишек. Это картины «За книжкой», «Проба голосов», «Ученицы», «Между уроками» и многие другие.

С детства Николай Петрович был глубоко религиозным человеком, пел в церковном хоре. Став художником, он в картинах обращался к теме Церкви, неразрывно связывая её с жизнью русского народа. В картине «Венчание», представленной в 1905 году на 33-й передвижной выставке, художник ведёт рассказ, используя элементы-символы, которые подчеркивают традиционность события. Перед аналоем стоят жених и невеста с перекину-

тыми через плечи вышитыми полотенцами. На головы молодым уже надеты венцы. Рядом посажённые и подруга невесты. Зимней одеждой присутствующих деревенских жителей подчёркнуто время венчания – после Рождественских праздников. Священник у аналоя читает молитву. Зажжённые свечи символизируют духовный свет таинства. Эффект света был использован и в картине «Соборование», поступившей в 1902 году в Петербургский Императорский Русский музей. Сюжет близок картине «Последняя воля», с семьёй у постели умирающего отца. В этих картинах воплощена православная церковная традиция соборовать тяжелобольного человека.

В начале XX века художник обратился к отображению важнейших российских событий. Сюжет на тему русско-японской войны раскрыт в картине 1905 года «Вести с войны. За чтением газеты». В тесной избе с низким закопчённым потолком седобородые старики слушают информацию, которую читает в газете молодой учитель. Сыновья их – участники военных действий на дальневосточной границе. Известия плохие, российские войска отступают. Свет из оконца освещает тревожные лица крестьян. Сдерживая плач, белокурый мальчик закрыл рот шапкой.

Аграрная реформа, проведённая председателем Комитета министров П. А. Столыпиным, стремительно претворялась в жизнь. Происходила продажа казённых, удельных и отчасти помещичьих земель. На смену крестьянской общине приходят собственники. Земельные реформы принесли многим крестьянским семьям

разорение. Эта тема была использована художником в картине «Переселенцы», с крестьянской семьёй в тревожных думах. События отображены и в картине «Одинокий». В старом тулупе, лаптях, с котомкой за спиной сидит старый крестьянин у дороги, на краю поля с зеленеющими озимыми. Не получив земли или потерявший её, он в поисках лучшей доли вынужден уйти из деревни. Что ждёт его на неизведанных российских просторах? Художник видел расслоение крестьянства: наиболее состоятельные скупали земли и дома. На картине «Новые хозяева», выполненной в 1913 году, изображены новые хозяева: крестьянская семья пьёт чай, сидя за столом в интерьере бывшего дома помещика. Члены семьи расположились вокруг стола на стульях с гнутыми спинками красного дерева. На стене оставшиеся от прежних владельцев часы и портрет чиновника. Рядом круглая труба демократичной железной печи и упряжь на стене – они принесены новой семьей. Хорошо передано настроение персонажей. Портретная характеристика каждого из них индивидуальна, а объединяет их настроение молчаливой сосредоточенности. Оставаясь верным тёпловому чувству к маленьким детям, художник изобразил двух трогательных персонажей – девочку и мальчика. Глава семьи – крестьянин с бородой, рядом светлая головка наклонившейся к блюдцу девочки. Напротив, спиной к зрителю, маленький мальчик пьет чай из блюда. По другую сторону хозяйка разливает заварку из барского чайника. Среди более взрослых детей можно видеть и работника. Картина была представлена на передвижной выставке 1913 года и иллюстрирована в журнале «Нива»

рядом со статьёй, посвящённой творчеству Н. П. Богданова-Бельского. Авторитетный И. Е. Репин восторженно выразил своё отношение к картине, которую художник позднее повторил в варианте с небольшими изменениями. Картины этого периода, с глубокой психологической характеристикой, посвящённые простым людям, наполнены тёплым чувством автора.

В первом десятилетии после обучения в парижских студиях, повторного посещения французской столицы и знакомства с оригиналами импрессионистов, колорит картин художника высветляется, он стремится уйти от коричневых тонов. Он повествует о своём увлечении «плэнэризмом», о введении в картины «воздуха, фигур среди пейзажа, света». В картинах присутствует световоздушная масса, и это вносит колористическую свежесть в передвижнические картины.

Поездка в Финляндию в 1905 году ознаменовалась созданием пейзажей. Живописный край Карельского перешейка привлёк художника, он пишет с натуры водопад Иматру, находящийся в верховье реки Вуоксы, которая впадает в Ладожское озеро. Передаёт красоту природы и в других пейзажах. В тот период много путешествует, посещает Рим, Милан, Неаполь, Венецию, знакомится с итальянской архитектурой и историей, посещает музеи и галереи. Продолжает познавать законы живописи современного искусства, которые вскоре использует в своей работе. Созданные им с натуры картины засветились чистотой несмешанных красок, ярким колоритом, вибрирующие мазки придали изображению эффект движения.

Характерна картина «Понте-Векио. Флоренция», представленная в 1906–1907 годах на передвижной выставке. Художника всегда привлекали люди искусства, и он стремился создать портретную галерею известных российских деятелей. На даче под Петербургом он изображает основоположника музыкального образования, основателя Санкт-Петербургской консерватории композитора Антона Григорьевича Рубинштейна (1829–1894). Создает портреты историка и библиографа Николая Платоновича Барсукова (1838–1906), заслуженного профессора, юриста, преподавателя Петербургского университета Василия Ивановича Сергиевича (1935–1911). Близки ему дети, изображенные художницей Елизаветой Меркурьевной Бём, урожденной Эндауровой (1843–1943). Он пишет её портрет. Позднее, в 1915 году, создает два портрета Фёдора Ивановича Шаляпина, один – в образе «Демона». Оба портрета были представлены в мае 2016 года на рижской выставке Богданова-Бельского в Художественном музее «Биржа». Ему позировал кавказский наместник генерал И. И. Воронцов, императрица Мария Фёдоровна – мать Николая II. По заказу выполнены портреты самого императора в Петербурге, а затем в Ливадии. В 1911 году в крымском имении Кореиз Богданов-Бельский написал портрет князя Феликса Феликсовича Юсупова, будущего участника убийства приближенного к царской семье Григория Распутина. И здесь же, в имении, в 1914 году, после венчания князя Юсупова с внучкой Александра III Ириной Александровной, урожденной Романовой, художник написал её портрет. Образ наделён скромностью и застенчивостью. Очаровательная



молодая дама высшего света с живым выражением глаз, в светлом платье, позировала на верхней галерее входа в парк имения Юсуповых. За ограждением из балясин на берегу тянутся к голубому небу стройные кипарисы, сверкает на солнце зеленовато-голубое море, пенится у берега белыми кружевами. Тончайшие краски, световые эффекты, взаимосвязь созданного образа с природным окружением – свидетельства великолепного владения художником живописным мастерством. «Дама на балконе. Портрет И. А. Юсуповой» находится в Омском художественном музее.

Работая над заказными царскими образами, изображениями вельмож и их детей, Богданов-Бельский не стал придворным или салонным художником. Вместе с тем он продолжал создавать образы известных российских деятелей и простых людей. В 1903 году за представляемые на выставках картины художник получил звание академика. Императором Николаем II была собственноручно утверждена его двойная подпись, которой художник подписывал картины с самого начала своего творчества. С 1914 года он является действительным членом Российской Академии художеств.

По признанию Николая Петровича, его тянуло в деревню, только там мог он создавать значительные картины. В летнее время Богданов-Бельский выезжал в расположенное недалеко от села Татево имение Давыдово, в построенный им дом-мастерскую, где всецело отдавался искусству. Вернувшись из Парижа в Петербург, где у него была квартира с видом на Неву, художник в 1907 году отправился в Тверскую губернию, Вышневолоцкий

уезд (позднее – Удомльский район). В этом крае, оставив городские мастерские, поселилась группа художников: В. К. Бялыницкий-Бируля, С. Ю. Жуковский, А. В. Моравов, А. С. Степанов и другие. Красота тверской природы привлекла Николая Петровича, и свой восторг он выражал в многочисленных картинах. В живописном полотне 1914 года «На работу» изображена берёзовая роща, через которую едут две крестьянки верхом на конях, впряжённых в деревянные бороны. Картина была представлена на 43-й передвижной выставке в Москве и Петрограде в 1914–1915 годах. Вариант картины находится в Латвийском национальном художественном музее. На тверской земле у художника была большая возможность работать над образами крестьянских детей, и эту тему он сделал главной в своём творчестве.

По приезду они с женой снимали комнату в усадьбе Пожинки, затем жили недалёко от станции Островно Тверской губернии, в усадьбе Гарусово, на берегу озера Удомля, воспетого И. И. Левитаном в картине «Над вечным покоем». В двухэтажном доме Ушаковых, потомков графа Аракчеева, условия позволяли жить и зимой. Художники по вечерам собирались вместе, беседовали, предавались воспоминаниям, устраивали концерты. Николай Петрович, обладая приятным баритоном, исполнял народные песни, романсы. Подыгрывая на балалайках, вместе с А. Моравовым пели дуэтом. Утром на весь день уходили работать на природу. Богданов-Бельский изображал в своих картинах местных ребятишек из ближних селений, одаривал их конфетами, орехами. А они старались отблагодарить художника первой земля-

никой. Его доброта и жизнерадостность привлекали детей, и они охотно позировали. Художник создавал картины с натуры и на основе этюдов.

Небольшая картина «Девочка с фонарём», представленная на упомянутой выше рижской выставке 2016 года, выполнена в 1908 году. На картине изображена маленькая девочка на балконе дома Ушакова. Старейшая жительница села Островно Агафья Ниловна Иванова вспоминала, как по приглашению художника она, пятилетняя, с подружкой поздним вечером позировали художнику. Тяжёлый для неё фонарь был привязан к ветке: «Я только руку поднимала...». Агафья Иванова рано осталась без родителей, воспитывалась в приюте при Вышневолоцком женском Казанском монастыре. Художник изображал её более взрослой в картинах «Деревенские друзья», «На перевозе», «Виртуоз» и других. Вторая картина с сюжетом девочки с фонарём изображает более взрослую девочку на открытом балконе, оттенённым тёмным фоном боковой стены и зелени. Жёлтые блики рассеянного света фонаря, поставленного на барьер, падают на её лицо, руку, скользят по одежде, освещают пространство. Игра света и теней создаёт пленэрные эффекты. И это было новым достижением живописца.

Его моделью в Островно становится Наталья Антонова Топорова, которая и сама могла писать картины. В жизни художника она сыграла большую роль, посвятив ему 16 лет. В Островно художник написал несколько картин с её образом. В «Среди цветов» она сидит на скамье в белом кружевном платье с книгой в руке на фоне жёлтых хризантем. В другой картине – «Ждёт» – она изображена

в полупрофиль у решётки сада. В картине «Именины учительницы» 1910 года Торопова в образе учительницы сидит за столом, застеленным белой скатертью, разливает чай крестьянским ребятишкам. Переданная атмосфера чаепития маленьких героев привлекает непосредственностью. Каждый из них индивидуален, сосредоточен. В тот период художник представлял свои полотна не только на российских выставках, но и международных, вместе с другими живописцами. «Именины учительницы» экспонировалась в Риме и Мюнхене в 1911 году, затем картина была приобретена и увезена в Лондон. Её эскиз находится в Латвийском национальном художественном музее и был представлен на выставке Богданова-Бельского в мае 2016 года в Латвийском художественном музее «Биржа».

Тема учительницы и крестьянских детей раскрывалась художником неоднократно. В усадьбе Гарусово он написал картину «Подношение», представив её на передвижной выставке в 1908 году. Девочка и мальчик с корзиной яиц настороженно ждут хозяев помещичьего дома. Наблюдая, насколько колоритны крестьянские ребятишки, художник одну за другой создавал правдивые картины с образами детей, находящихся в согласии с природой. Они ловят рыбу, возвращаются из леса с корзинами грибов или ягод, гребут вёслами, стоя на плотках или лодках, играют на балалайке или мандолине. Зимой везут на санках хворост из леса, катаются с горок. На основе живописных этюдов и рисунков создавались большие картины: «Весна. Переправа», с пробирающимися по плетню в весеннюю распутицу деревенскими школь-

никами. «На облаве» – ребятишки с палками на заснеженном пригорке ждут зверей, повадившихся в усадьбу, возможно, лисиц. В Гарусово школьная тема становится важной в творчестве Богданова-Бельского. В картинах изображались дети в классе за партой, поющие в школьном хоре у иконы Богоматери, под покровом Которой проходит обучение. В живописной работе «Деревенские друзья» 1912–1913 годов две сидящие на диване девочки в платочках слушают игру своей подружки на мандолине. В памяти Агафьи Ниловны Ивановой, которая позировала для картины, сохранились воспоминания о том, что родители были довольны дружбой детей с Николаем Петровичем. Для позирования ребятишек переодевали в чистые рубахи и поили чаем с баранками, чтобы они потом не отвлекались из-за голода. *«Смешливые ребятишки были. Палец покажешь – смеются. Ты хоть их не смеши, – говорил мне Николай Петрович»*<sup>9</sup>.

В тяжёлые годы Первой мировой войны, как и в русско-японскую войну, Богданов-Бельский не остался в стороне от переживаемых событий. В картине «Весточка от сына», представленной на 43-й передвижной выставке, молодая барышня читает родителям-крестьянам письмо с фронта. Передано подавленное состояние стариков. На следующей выставке 21916 года, прошедшей в Петрограде, привлекла внимание картина «Телеграмма от Верховного Главнокомандующего», в которой художник продолжил тему. Оставив лошадей в поле, крестьяне слушают бородатого товарища, читающего информацию о ходе войны. Это те же несчастные родители, отправившие сыновей на войну.

В декабре 1916 года в Петрограде на 3-й выставке этюдов, эскизов, рисунков Богданов-Бельский представил пять картин с детской темой, пейзажи, жанры. На 45-й передвижной выставке 1916–1917 годов, прошедшей в Москве, а затем в Петрограде, экспонировались три его картины, одна из них – «Из недавнего прошлого. С прощением» – иллюстрирована в июньском номере журнала «Нива». В передней помещицкого дома сидит на диване крестьянин с заявлением в руке, рядом его сын-подросток.

Последняя 46-я выставка Товарищества передвижников состоялась в 1918 году в Петрограде. Выполненные в Удомельском крае картины художника были посвящены местным школьникам: «За уроком», «Школьница», «Первые уроки», «Приготовление уроков». Представлены и написанные в Удомле пейзажи, жанровые полотна. Выставки принесли художнику материальный успех, необходимый в тот непредсказуемый период. По словам художника, желающих купить картины было много, и цены держались довольно высокие: *«Тогдашняя публика старалась вложить революционные деньги в какие-нибудь ценные вещи, чтобы отчасти спасти свои капиталы»*<sup>10</sup>.

В первые послереволюционные годы в художественной жизни России происходят коренные изменения. Закончилась привычная жизнь художников-реалистов с постоянными выставками, почитателями, положительными отзывами в печати. На смену пришли новые веяния, многочисленные авангардные группировки. Богданов-Бельский вместе с женой Натальей Антоновной пока живут в Островно. Занимаются огородничеством, иначе

не выжить. Здесь же и другие художники. В. К. Бялыницкий-Бируля вскоре выехал в Москву: его двухэтажный деревянный дом с мансардой «Чайка», где жили художники, реквизировали, открыв там Государственные художественные мастерские для обучения ремеслу ребят окрестных селений. Административными делами занялся художник В. В. Рождественский. Н. П. Богданов-Бельский вошёл в состав педагогов вместе А. Е. Архиповым, А. С. Степановым, В. А. Жуковским, К. А. Коровиным. Последний прибыл из Москвы с семьёй. Его дом-мастерская в Охотино, построенный им в том же краю, был разграблен революционно настроенными местными деятелями.

«Огородническая» жизнь не устраивала Николая Петровича. Они с Натальей Антоновной выехали в Петроград и ранней осенью 1921 года – в Латвию. В своём письме к И. Е. Репину, проживавшему в этот период в своём доме на территории Финляндии, художник сообщил о том, что из написанных в 1917–1921 годах картин ничего не было выставлено в России. С большими трудностями и ухищрениями ему удалось вывезти картины в Ригу, где он проживал с 15 сентября 1921 года.

Латвийский период жизни и творчества Богданова-Бельского охватывает почти четверть века. Как и в русский период, жизнь его проходила в труде: он был занят созданием многочисленных картин, в которых оставался верен демократическим принципам. В новых условиях художник быстро завоевал известность, став достаточно обеспеченным человеком. Стремление к материальному благополучию, дававшему возможность для

творческой работы, заставляло его расставаться с созданными картинами, большинство из которых рассеяны по Прибалтике и странам Западной Европы, где проходили выставки Богданова-Бельского. Но картины, сохранившиеся в музеях и частных коллекциях, а так же репродуцированные в прижизненных альбомах, иллюстрированные статьи о выставках, помогают представить деятельность Богданова-Бельского в латвийский период.

Художник обосновался в Риге, надеясь на успех и возможность творческой работы. Он сразу же вошёл в культурную среду города, наполненную выставками, концертами, театральными постановками, литературными вечерами. В августе 1921 года в Латвийском оперном театре прошли гастроли Ф. И. Шаляпина. В феврале следующего года с литературной программой выступил А. Толстой, состоялись концерты артистов В. Качалова и А. Неждановой. Обществом русского студенчества был устроен «Вечер русской народной музыки, песен и поэзии». В концертном зале консерватории исполнялась музыка П. И. Чайковского. В оперном театре решался вопрос о постановке «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского. Наряду с латышскими художественными выставками устраивались экспозиции и русских художников: К. А. Коровина, Ф. А. Малявина, К. С. Петрова-Водкина.

На художественной выставке «Независимые» Н. П. Богданов-Бельский представил две привезённые картины: «На облаве» и «Весна. Переправа». В опубликованном в газете отзыве о выставке критик считал их наиболее самостоятельными, хотя и отмечал приблизительность в рисунке, неслаженность в передаче масс. Обе картины,



с изображением крестьянских детей, проникнуты лиричностью повествования.

Персональная выставка академика Н. П. Богданова-Бельского состоялась в декабре 1921 – январе 1922 годов при поддержке директора Городского художественного музея Вильгельма Пурвитиса. Они были знакомы ещё по Петербургу. К выставке художник готовился всю осень и представил в большом зале пятьдесят две работы. Жанровые картины, пейзажи с крестьянскими детьми, портреты, натюрморты, большинство из которых были выполнены в России, составили интересную экспозицию, сразу же сделавшую художника популярным среди рижских любителей русской живописи. Также были выставлены портреты президента Латвии И. Чаксте, президента министров З. Мейеровица, известного режиссера Московского художественного театра К. С. Станиславского, непревзойденного певца Ф. И. Шаляпина, К. А. Коровина за работой. Представлена и картина «Симфония», символизирующая время революционных перемен, одна из последних работ, выполненная в 1918 году в Островне в двухэтажном доме В. К. Бялыницкого-Бирули. Изображены четыре девушки у рояля, одна из них играет. С высоты из окна мансарды видно раскинувшееся внизу озеро. Авторы в своих статьях о выставке по-разному оценивали искусство художника. Русские газеты отмечали большое значение выставки в рижском масштабе, где нет «большого стиля» и любители искусства отвыкли от действительно сильной живописи. Увлеченному новыми модернистскими течениями критику В. Третьякову картины казались устаревшими. Но,

отмечая старые традиции в живописи, он увидел и новые, импрессионистские тенденции и профессиональную хорошую живопись. Другие критики писали о понимании широкими слоями общества искусства художника, близкого городской и сельской интеллигенции. Выставка показала поиски и находки художника, стремившегося свою основную детскую тему соединить с новыми веяниями в искусстве. *«В своих многочисленных ландшафтах настоящей выставки (крестьянские девочки на заснеженном пригорке, «Облава зимой», «Лодка в камышах» и других) Богданов-Бельский усваивает импрессионистическую технику и лучистость и предстает перед нами в совершенно новом свете»*<sup>11</sup>.

С выставки несколько картин были проданы, что давало художнику возможность спокойно работать. С наступлением весны он находился в окрестностях Риги, Огре, Кемери, создавая «на пленэре» светлые солнечные картины: «Из сказок мая», «Цветущая яблоня», «Сирень цветёт» и другие. Работа на природе дала ему новые живописные возможности, позволявшие передать многообразие мира, показать человека, находящегося в согласии с природой. Многочисленные этюды, законченные живописные полотна и жанры подготавливались для следующей выставки, прошедшей в середине февраля 1923 года в том же Городском художественном музее. В газете писалось: *«Его картины просты, все понятны, приятны по технике и тёплому чувству, вложенному в них... Он остаётся по-прежнему больше наблюдательным рассказчиком, чем живописцем»*<sup>12</sup>.

Эти две выставки принесли Богданову-Бельскому признание любителей русского искусства. Картины, написанные в первые годы пребывания художника в Латвии, продолжили и развили творческую линию живописца. В поисках близких ему образов он с начала 1920-х годов в весенне-летнее время жил и работал в восточном регионе Латвии – Латгалии, открыв для своего творчества богатый край с реками, озёрами, берёзовыми рощами, сосновыми борами. И главное, нашёл здесь крестьянских ребятишек, ставших главными персонажами его картин. Они были так похожи на тех, кого он воспел в картинах русского периода!

В первые годы пребывания в Латвии художник в основном останавливался в имении Лоборж (Лабваржи), хозяева стали ему друзьями. Мария Александровна и её муж Алексей Константинович Воцинины открыли в доме пансионат для творческих людей. Хозяйка была племянницей поэта и писателя Александра Михайловича Жемчужникова, бывшего губернатора Виленского края, занимавшегося литературной деятельностью и последние годы жизни. Ему и принадлежал дом изначально. Он один из создателей знаменитого Козьмы Пруtkова – литературного псевдонима своих братьев Алексея, Владимира и двоюродного брата Алексея Константиновича Толстого, автора популярных романов «Князь серебряный» и «Смерть Иоанна Грозного».

Имение расположено между озёрами в десяти километрах от Режицы (ныне – Резекне). Двухэтажный с балконами каменный светлый дом посреди сада, переходящего на террасах в парк, был удобен для жизни, работы и

отдыха. Здесь творчески работали поэты, писатели, музыканты, художники, в основном из Риги. Вечером после работы собирались в гостиной, беседовали, предавались воспоминаниям о России. Играли на рояле. Николай Петрович, владея приятным баритоном, исполнял романсы. Он был и хорошим рассказчиком: вспоминая своих знаменитых знакомых, увлечённо и вдохновенно говорил о них.

Этот край стал для художника источником вдохновения. Красивая латгальская природа с озёрами, хуторами и деревнями, крестьянские дети, в основном из семей старообрядцев, давали ему возможность неустанно работать, быстро писать. Здесь он задумал создать серию картин «Дети Латгалии» с реальными персонажами. Местные ребята охотно позировали художнику, помогали нести зонт, ящик с красками, холсты. А он говорил: *«Люблю их загорелые лица и лепет. Они точно ласточки щебечут, рассказывая мне что-нибудь из своих походов»*<sup>13</sup>.

Как и прежде в России, непосредственный чистый детский мир захватил художника, и он трудился, создавая за весенне-летний сезон десятки картин. Полна настроением тихого летнего вечера одна из созданных в Лоборже картина «Вечер. Удильщик», с изображением маленьких рыболовов на озёрном мостике. Мастерство живописца-колориста – в отсветах на воде от заходящего солнца и розовых облаков, в отражении в зеркале воды белых стволов берёз. Это результат чувственного восприятия художником реального состояния природы. Изображённые в природных условиях латгальские дети

талантливы: они играют на балалайках и мандолине, поют в церкви, занимаются за столом при свете настольной лампы, читают сказки. Однако жизнь их далеко не безоблачна: помогая родителям, они пасут коров, везут из леса на санках дрова, собирают в лесу грибы или ягоды, ловят рыбу на озере. И взрослеют в единении с красивой чистой латгальской природой.

Общаясь с детьми, художник чувствовал их детскую непосредственность, искренность, религиозность и старался передать это в картинах. Он едет работать над серией «Латгальские дети» в селения Жоготы, Зофино, Фелицианово, Балиново. Он представляет свои работы на персональных выставках в рижском Городском художественном музее, в Латвийском художественном фонде и Латвийской академии художеств, в помещениях рижского Верманского парка и зале кинотеатра Сплendid Палац (Splendid Palac). Устраивались выставки в других латвийских городах: Лиепае, эстонских Таллинне и Тарту. Картины экспонировались на совместных выставках с российскими художниками-эмигрантами в европейских странах.

В декабре 1923 года Богданов-Бельский морским путём из Лиепаи отправил более десяти своих картин в Америку на выставку русского искусства. Среди них были картины: «На облаве», «У больной учительницы», «Деревенские мальчишки», «За работой», «Начало марта», «С фонариком», «К бабушке в гости», «Портрет К. С. Станиславского» и другие. Один из организаторов выставки художник И. Э. Грабарь оценил их как «лучшие из всех и самые свежие по краскам». Готовили выставку московские

художники, основатель «Союза русских художников» С. Виноградов, художник И. Грабарь, известный издатель И. Сытин. Они ставили задачу показать в развитии искусство российских художников, в том числе и эмигрировавших, а вместе с тем материально помочь нуждающимся. Выставка открылась в марте 1924 года в Нью-Йорке в большом помещении двенадцатого этажа небоскреба. Представленные многочисленные произведения покорили американцев национальным колоритом, живописным мастерством. Газеты, журналы с иллюстрированными картинками были заполнены отзывами о выставке, информацией о художниках. После закрытия разделённая выставка прошла по другим северным и южным американским городам. И везде её сопровождал успех. С. А. Виноградов в сентябре 1924 году приехал на постоянное место жительства в Ригу.

Третья персональная выставка Богданова-Бельского прошла с 29 марта по 4 мая 1925 года в Рижском городском художественном музее. Жанры с латгальскими детьми, морские пейзажи, виды Старой Риги, Огре, водопад в Кокнесе, река Персе, дубы в окрестностях Кемери, лесная дорога, ведущая к заливу в Юрмале, пейзажи с цветущими яблонями и вереском у Слоки, натюрморты с сиренью, розами, хризантемами. И рядом латгальские дети с балалайками, пастушки, рыбаки... Посетителям выставки нравилась манера письма художника: яркая живопись, чистые краски, положенные на холсты не смешанными, сочными мазками. Обзорные статьи в газетах и журналах были наполнены восторженными отзывами. *«Настоящая радуга красок! День, сумерки, май-*

*ское утро и майский ласкающий вечер*»<sup>14</sup>, – писала газета «Сегодня». В книге посетителей поклонники художника оставляли восторженные отзывы. Всё нравилось на выставке любителям искусства, среди которых на открытии присутствовали министр иностранных дел Латвии, датский консул, представители разных иностранных государств, деятели культуры, журналисты.

В экспозиции привлекла внимание картина «Бывший защитник Родины», для которой позировал бывший российский генерал Личитский, легендарный участник Брусиловского прорыва Первой мировой войны. Сгорбленный человек в генеральской шинели и папаше сидит в лиловых сумерках на фоне решётки городского заснеженного сада. Свет керосиновой лампы освещает его лицо, на столике газеты на русском и латышском языках. Образ генерала олицетворял судьбу российских эмигрантов, покинувших Родину после революционных событий, рассеянных в прибалтийских и европейских странах. На выставке были представлены несколько портретов рижан, которые художник написал по заказу. Это портреты А. Пелтенбург, сестры актрисы русского драматического театра М. Германовой, Антонины Эрхардт, её мужа Мартина Эрхардта: их судьба пересечётся с судьбой художника. И всё же из 83 представленных картин больше всего было пейзажей и изображённых на природе латгальских ребятишек.

Благодаря выставкам имя художника стало известным в Риге, о нём уже сложилось мнение как о человеке уравновешенном, с прямым и цельным характером, умевшим дружить с людьми. Говорил он обдуманно и

доброжелательно, в нём отмечалось чувство собственного достоинства. Он дружил с эмигрировавшими из России художниками-академиками Сергеем Арсеньевичем Виноградовым и Константином Семёновичем Высотским. Все трое в весенне-летние сезоны жили и работали над картинами в Латгалии. С. Виноградов воспевал латгальскую природу, а К. Высотский изображал зверей, фотографируя их в природных условиях.

Богданов-Бельский переписывался с русскими художниками, нашедшими приют в европейских странах, там же участвовал с ними на общих выставках. В Риге он жил в центре города на углу Романовской (Лачплеша), стены большой комнаты квартиры украшали его картины. Жил один: Наталья Антоновна выехала в середине 1920-х годов на Запад, вначале сообщала ему в письмах о себе, русских художниках, потом её след потерялся. Николай Петрович принимал корреспондентов, о нём и его выставках активно писали газеты на русском и латышском языках. Второй номер 1925 года рижского журнала «Перезвоны» опубликовал воспоминания художника о его жизни и творчестве, на страницах напечатали его портрет и иллюстрации картин, выполненных в основном в русский период творчества. Художник рассказал о большой роли в его воспитании и образовании С. А. Рачинского, замечательного подвижника, усмотревшего в мальчике художественные способности. Вспомнил и И. Е. Репина, его значения в своём художественном становлении.

В Риге Николай Петрович вёл активную общественную жизнь: он являлся членом Русского клуба, одним из



организаторов русского литературно-театрального общества, инициатором празднования дня святой Татианы, возрождённого в среде русских студентов в 1923 году. Общение с молодыми людьми позволило ему создать галерею их портретов, которые вывешивались в дни праздника в клубе Стрелкового общества. Кроме того, художник преподавал рисунок на созданных по его инициативе Русских университетских курсах, принимал участие в «Кружке ревнителей русской старины». Обучая молодёжь, вёл художественную студию, которую в 1926 году передал С. А. Виноградову: у академика был большой опыт в Московском Строгановском художественно-промышленном училище.

Отказавшись от педагогической работы в университете, Богданов-Бельский полностью посвятил себя творчеству. В окрестностях имения Лоборж с июня по июль 1926 года он написал десять картин: «У костра», «Деревенские гости», «Мечтатель» и другие. Затем художник выехал на рижское взморье в Асари, написал там шесть картин и снова отправился в Латгалию, в имение Жоготы, расположенное недалеко от Резекне. Вернувшись осенью в Ригу, он создал несколько картин с видами улочек Старого города. Всё это свидетельствовало о его неукротимой творческой энергии.

В летний сезон 1927 года они с С. А. Виноградовым жили в имении Лоборж. Натурщики – детвора из соседних деревень – встречали его с радостью. Однако из-за плохой погоды пришлось отказаться от работы на природе и трудиться в закрытых помещениях. Богданов-Бельский пишет картины «Будущий министр», «Школьник»,

«За книгой». Появляется живописный вариант «В гостях у учительницы» с местными персонажами. Дети за столом пьют чай, для образа учительницы позировала местная молодая женщина.

Работая много и плодотворно, художник стремился представлять картины на выставках не только персональных, но и вместе с художниками-эмигрантами европейских стран. В январе 1927 года в Копенгагене состоялась совместная выставка работ русских художников. Участвовали из Риги С. Виноградов, К. Высотский, из Польши С. Жуковский, московский художник И. Грабарь, ученик И. Репина Э. Прен, который организовывал зарубежные выставки, и другие эмигрировавшие из России художники. На открытии было много любителей искусства, известные деятели культуры, журналисты. Посетила выставку датская королева. Полотна Богданова-Бельского во всём многообразии изображали латгальских ребятишек. Рижский корреспондент осветил в газете «Сегодня» это событие, передав свой восторг «о подлинной художественной ценности картин неподдельной России». В датских художественных журналах были помещены многочисленные репродукции картин, особо выделяли в статьях искусство Богданова-Бельского. В одной из газет представленная художником картина «Бывший защитник Родины» была названа «исторической». По приезде в Ригу в беседе с корреспондентом рижской газеты «Сегодня» Богданов-Бельский назвал результат выставки в Копенгагене прекрасным и рассказал о дальнейших планах: намечались выставки в Лондоне, Гамбурге, Гааге, Брюсселе и Стокгольме.

С успехом в марте-апреле 1928 года прошла выставка в центре чехословацкой столицы Праге, в большом выставочном зале. Участвовали самые известные художники: И. Репин, Ф. Малявин, К. Коровин, С. Виноградов, Н. Богданов-Бельский, К. Высотский и другие, обосновавшиеся в европейских странах. Многообразие жанров, высокий профессионализм, национальное своеобразие, яркость живописного колорита покоряли посетителей. В Пражскую национальную галерею поступило несколько картин художников, у Богданова-Бельского – «Бывший защитник Родины». Многие работы были куплены любителями искусства, среди которых немало российских эмигрантов. Приобрели картины президент страны Т. Г. Масарик и министр образования М. Годжа, который остановил свой выбор на картине Богданова-Бельского «Будущий министр», написанную в имении Лоборж. Как сообщал художник в Ригу, помимо названных было продано ещё шесть картин.

Но успех не всегда сопутствовал ему. Во многом это было связано с политической и экономической ситуацией в Европе. В газетах писалось об отсутствии стабильности, экономическом кризисе, безработице, недовольстве народных масс. И всё же в январе 1930 года в Берлине была устроена общая художественная выставка произведений художников-эмигрантов. Богданов-Бельский отправил из Риги двадцать три картины. С выставки он писал в Ригу, что его картинами интересуются. Лейпцигский журнал приобрел у художника право на репродуцирование картины «Сказка», в мюнхенском издательстве должны были печататься большие репродукции

картин «Симфония», «Чаепитие» и написанного в 1927 году латвийского варианта «В гостях у учительницы». Богданов-Бельский видел, что некоторым посетителям откровенно не нравятся изображенные на его картинах дети, для немцев это другой мир. Он пишет в Ригу: *«Критика моих картин, вероятно, будет плохая, так как почти все здешние критики левого толка»*<sup>15</sup>. И действительно, наряду с положительными отзывами были статьи, усматривающие смешное и экзотичное в изображении латгальских крестьянских ребятишек, отличающихся от «вылощенных» немецких детей...

Из Берлина художник уезжает с обидой. Экономический и политический кризисы в европейских странах влияют и на устройство подобных выставок. Устроитель выставок Эрик Прен не видит перспективы, у населения нет денег, и картины покупаются плохо. По возвращении из Берлина Богданов-Бельский поехал в латгальский край, продолжив работу над серией «Дети Латгалии». Он создал десятки картин с детскими персонажами. Работал не только в летний сезон, но и в зимнее время, и не только в Лоборже, но и в Жоготах, в Зофино, расположенном близ небольшого города Лудзы, в селе Фелицианово. Природа везде живописна: озёра, леса. Местное население в большинстве своём говорит на русском языке. Здесь художнику легко общаться и свободно работать. *«Я езжу туда не отдыхать, а работать, ибо сильны воспоминания детства и переживания юношеских годов. Я так много лет провёл в деревне, так был близок к сельской школе, так часто наблюдал крестьянских детей, так любил их за даровитость и непосредственность,*

что они, как-то сами собой, сделались героями моих картин...»<sup>16</sup>.

25 декабря 1931 года в Риге отмечали 45-летие творческой жизни художника. В феврале 1932 года в Городском художественном музее открылась его персональная выставка. На открытии присутствовали члены правительства, выставку почтил своим присутствием президент Латвии А. Квесис. В экспозиции были представлены портреты известных людей города, но большинство картин были посвящены крестьянским детям. Корреспондент газеты «Сегодня» П. Пильский писал: *«Кажется, будто вся земля, как цветами, испещрена и населена детскими всходами, пестротой и суею, радостью, наивностью и прелестной непосредственностью»*<sup>17</sup>.

Городской художественный музей приобрел картину «Летний день». Светлый день, на голубом небе за деревьями клубятся белые облака. Девочки в ярко красно-синих юбках, светлых кофтах, сидя на траве в саду, играют в шашки. В положительных газетных отзывах о картинах отмечалось мерцание сиреневых и фиолетовых тонов, благодаря которым произведения приобретают благородство и изысканность. И это было новым в живописной палитре художника. Особым настроением наполнена картина с поющими девочками «В церкви», созданная в маленькой домово́й церкви имения Лоборж.

1932 год стал для художника знаменательным. В январе Николай Петрович венчался с Антониной Максимилиановной Эрхардт в рижском православном соборе Рождества Христова. Он переехал в квартиру жены на улицу Гертрудес, 16, кв. 10. Не имея своих детей, Николай

Петрович любил сыновей Антонины Максимилиановны – Герта и Клауса. Они отвечали взаимностью. Жена до конца своей жизни восхищалась своим талантливым мужем. Его персональные выставки прошли в соседних балтийских государствах, в феврале 1933 года в эстонской столице Таллинне. В отзыве, опубликованном в латвийской газете «Сегодня», автор писал: *«Стоя перед отдельными полотнами Богданова-Бельского, посетитель не поставлен в необходимость вникать в их смысл: здесь всё ясно, само собой понятно, просто, спокойно, красиво»*<sup>18</sup>. На открытии выставки присутствовали президент Эстонии Константин Пятс и члены правительства. КATALOGи на эстонском и русском языках и многочисленные открытки были раскуплены. В местных газетах отмечались красота и неподражаемость манеры художника в передаче солнечного света, игры бликов и рефлексов.

Открыв выставку, художник уехал в Ригу, но в апреле вернулся работать над местными темами. Из Таллинна он отправился в небольшой городок Изборск, входивший тогда в состав Эстонии, где осмотрел сохранившуюся, не тронутую политическими событиями древнерусскую архитектуру. Он изображает дома, монастырские здания, пишет портрет протоиерея П. Жемчужина в интерьере храма. Дальнейший путь художника лежит в Псково-Печёрский монастырь, оставшийся на территории Эстонии после российских революционных событий. Здесь он пишет с натуры картину «Никольская церковь», изображает виды монастыря. В картине «В церкви» пять девочек стоят с зажжёнными свечами перед храмовым подсвечником. На них с иконы смотрит Богоматерь с

младенцем Христом: под Её сенью проходит воспитание детей. Иллюстрация картины была помещена в мартовском номере рижской газеты «Сегодня». Протоиерей А. Троицкий посвятил картине стихотворение:

Откуда-то звучит Священное Писание,  
и где-то слышится божественный напев.  
Внимают чутко им в торжественном молчании  
пять юных дев.

В их юные сердца, незримый, западает  
на почву мягкую евангельский посев.  
Пречистой Девы лик любовно осеняет  
пять чистых дев.

И озаряются в них детской верой очи,  
светильники в руках.  
Так, духом просветлев,  
встречают Жениха, грядущего в полночи,  
пять мудрых дев.<sup>19</sup>

Картина была представлена в числе шестидесяти шести картин на выставке в Тарту, которая проходила в апреле 1934 года в здании художественной школы. Экспонировались также картины, выполненные за короткое время пребывания в эстонском Изборске, одна из которых – «У заутрени» – изображала протоиерея П. Жемчужина. Каталог был отпечатан на эстонском языке. Художника здесь знали по старым популярным хрестоматиям и современным изданиям. Два года назад от

учеников русских школ он получил поздравление с юбилеем и сейчас был уверен в успехе выставки. Казалось, для небольшого эстонского города событие было значимым, однако посещаемость оказалась невысокой.

Наибольший успех выставок Н. П. Богданова-Бельского был в Риге и в европейских городах, где обосновалась основная масса российских эмигрантов. Весьма достойно прошла персональная выставка художника в январе 1935 года, устроенная в павильоне «Цветы Зюзорич» в центре сербской столицы Белграде. На вернисаже присутствовало много русских эмигрантов, которые помнили выставки передвижников. Дружеский настрой вносило присутствие представителей местных сербских культурных обществ. Писатель и журналист Милан Гроль, открывая выставку, отметил необыкновенную энергию художника, преодолевшего неблизкий путь от Риги до сербской столицы. В печати публиковались портреты художника и иллюстрации картин. Белградский Союз русских писателей и журналистов устроил чествование Богданова-Бельского. Также с большим успехом выставка прошла в Сараево и Дубровнике.

В Белграде художник много работал. На одной из картин он изобразил панораму города, расположенного на высоких берегах Дуная и его притока Саввы. Голубая лента реки с перекинутым через неё мостом уходит вдаль к многоэтажным городским строениям, среди которых на фоне гор у горизонта возвышаются купола православных церквей. Он запечатлел также и интерьер белградской церкви Святой Троицы, построенной в 1924 году русскими эмигрантами при поддержке сербского прави-



тельства. Руководил строительством архитектор Валерий Сташевский. В храме похоронен генерал Врангель, последний командующий белогвардейским движением.

В сентябре 1935 года от В. А. Лукомского, поверенного сербского Патриарха Варnavы, художник получил приглашение приехать в Дубровник для написания портрета Святейшего Владыки (1880–1937). Воспитанник Санкт-Петербургской Духовной академии, он был неутомимым борцом за Православную Веру, единство и неделимость сербского народа. Помогал русским беженцам, которые называли его «Русским Патриархом». Художник принял приглашение. Они с женой из Белграда отправились в Хорватию.

Закончив портрет Патриарха, Богданов-Бельский написал несколько пейзажных картин с изумительным по красоте, переходящим в парк цветущим садом с ярко-красными розами по краям дороги, уходящей в глубину. Запечатлел в пейзажной картине Адриатическое море с лазурными водами у берегов Дубровника (Рагузы), здание гостиницы, где они с женой остановились. Картины «Берег Рагузы», «Вход в старую церковь Рагузы», «Старые ворота Рагузы» и другие были представлены в марте 1936 года на рижской 5-й персональной выставке картин Богданова-Бельского в Дансинг-Палас, на улице Элизабетес, 55. В каталоге выставки значилось шестьдесят четыре работы. Такое количество картин, выполненных в поездках, по-прежнему подтверждало творческую активность Николая Петровича. Выставка была посвящена знаменательному событию – 50-летию творчества художника. Латышские известные художники

Ю. Мадерниекс и Г. Шкилтерс в газетных отзывах высоко оценили технически великолепно исполненные картины, разработанные безупречно в реалистически-импрессионистическом духе.

Но само чествование Н. П. Богданова-Бельского прошло ещё до выставки, в январе, в Рижской правительственной гимназии, с участием многих общественных организаций. Художнику пришло множество писем, поздравительных телеграмм, приветствий с пожеланиями здоровья и долгих лет творчества. Телеграммы прислали многие латышские художники, поздравившие Богданова-Бельского с «очень богатой художественной деятельностью». Архитектор С. А. Антонов огласил послание общества «Акрополь»: *«Путь, пройденный Вами в течение полстолетия Вашей художественной деятельности, был не только служением искусству, но и через искусство людям»*<sup>20</sup>. На банкете поэт Лери прочитал посвящённое художнику стихотворение:

Полвека красками живыми  
сверкает дорогое имя.  
И эти краски до сих пор  
как прежде восхищают взор...

Пускай живёт Богданов-Бельский  
на радость нам ещё сто лет  
и пусть по милости Господней  
свои творения творит...<sup>21</sup>

Н. П. Богданов-Бельский был награждён правительством Латвии орденом «Трёх звезд». Юбилейная выстав-

ка была открыта не только в Риге. В 1938 года она с большим успехом прошла также в Лиепайском городском музее.

Николай Петрович не оставался равнодушным к положению молодых русских художников, мечтая о таком местном меценате, каким был российский пейзажист А. И. Куинджи. Вместе с молодыми художниками Богданов-Бельский не раз представлял свои картины на выставках, что привлекало любителей искусства и делало творчество начинающих живописцев более известным и перспективным.

Вместе с ними он работал и на природе в латгальском крае. В 1936 году художник жил и трудился в имении Балиново, расположенном в 14 километрах от Режицы (ныне – Резекне). Имение принадлежало семье Афанасьевых, хозяин в прошлом был кадровым офицером царской армии. В их пансионе в летнее время отдыхали творческие люди из Риги, художников привлекали живописные окрестности с озёрами и лесами. Богданову-Бельскому нравилось имение с цветущими яблонями, кустами сирени в хозяйском саду, мельницей на берегу озера. Впечатления ложились на холсты. Местные ребяташки позировали художнику. Здесь он написал картины: «На именинах учительницы», «Сельская школа», «Концерт» – с мальчиками на фоне берёзовой рощи. Один из них играет на гитаре. Всех детей художник знал по имени, одаривал конфетами и пряниками.

В его картинах в озёрной воде купаются мальчишки из окрестных селений. В озере у большого валуна ловят рыбу сын Афанасьевых Алёша и его дружок Женя

Воронцов, на противоположном берегу на фоне леса выстроились в ряд деревенские дома. Алёша и Женя приехали на Рождество в Ригу по приглашению владельцев фарфорового предприятия Кузнецовых. В летний период семья выезжала на отдых в Балиново. Побывали мальчики и в гостях у Николая Петровича. Алексей Михайлович Афанасьев, обосновавшийся в Америке в 1940-е годы, через много десятилетий в журнале «Русский паломник» опубликовал свои воспоминания о пребывании Богданова-Бельского в имении их семьи. На обороте обложки журнала помещена фотография Николая Петровича и двух семилетних мальчиков – Алёши Афанасьева и Жени Воронцова. Художник сидит в кресле в халате, тапочках: он после серьёзной операции. Рядом на полу, положив ему руку на колено, сидит Алёша, за ними стоит Женя. Слева сверкающая огнями и игрушками новогодняя ёлка. На стене вариант картины «Деревенские мальчики», где один, опираясь на палку, сидит на прясле, другой стоит рядом. За полем на горизонте виднеется лес. Фотограф газеты «Сегодня» запечатлел всех их на своём снимке. Была опубликована и статья о пребывании мальчиков в гостях у художника. Воспоминания Алексея Афанасьева внесли новые сведения о творческом пути художника в последние годы перед событиями 1940 года, которые изменили ровное течение жизни латвийского народа.

После установления в Латвии советской власти художник написал «Портрет А.М. Горького». Один из двух вариантов поступил в рижский драматический театр, другой – в мемориальный музей писателя в Москве.

В апреле-мае 1940 года в Городском художественном музее прошла 7-я персональная выставка художника. Из представленных пятидесяти семи картин большинство было выполнено в последние годы: весенне-зимние, летние пейзажи, написанные с натуры на рижском взморье, в Лигатне, Гулбене, Кемери, семейные портреты Кузнецовых, картины школьной и детской тем, натюрморты. В январе 1941 года художник участвовал на Первой выставке изобразительного искусства Латвийской ССР в Рижском городском художественном музее. Латышскими и русскими художниками были представлены двести восемьдесят работ.

Во время войны художник продолжал работать над картинами. В январе 1942 года он двумя живописными работами «Детский хор» и «Сельская школа» участвовал на общей художественной выставке, устроенной в Рижском городском художественном музее, который тогда назывался «Музей немецкой земли». В декабре 1943 года, к 75-летию со дня рождения художника, рижская газета «Русский вестник» опубликовала его воспоминания «Мой путь в искусстве». В том же году в Риге на немецком языке был издан альбом-монография «Bogdanoff-Belsky. Leben und Werk des russischen Malers» («Богданов-Бельский. Жизнь и творчество русского художника») автора Зиедониса Лигерса. Текст издания украсили репродукции картин.

Наступление советских войск заставило Богданова-Бельского и его жену немецкого происхождения покинуть Латвию. Художник понимал: снисхождения ему не будет и из-за его отрицательных высказываний в печати

о большевиках, и из-за сыновей его жены, служивших в гитлеровской армии. Они с женой выехали в сентябре 1944 года в Потсдам, тяжелобольным Антонина Максимилиановна привезла Николая Петровича в Берлин, в клинику знаменитого профессора Ф. Зауэрбруха. Операцию под налётами советской авиации художник не перенёс. Он скончался 19 февраля 1945 года.

## ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ Н. П. БОГДАНОВА-БЕЛЬСКОГО:

Антонина (Антония) Максимилиановна Эрхардт-Богданова-Бельская (немка по происхождению, урождённая Emmeline Valerija Antonie Hëflinger, 1893–1969) – жена художника с 1932 года, происходила из семьи рижского фабриканта Максимилиана Хёфлингера.

Она и её первый муж Мартин Эрхардт (Karl Martin Erhard, 1891–1940, совладелец фирмы «Братья Эрхардт»), и их сыновья – одни из первых рижских моделей Н. П. Богданова-Бельского. Художник создал «Портрет Мартина Эрхардта» вскоре после прибытия в Ригу в сентябре 1921 года.

В тот же период он написал и портрет Антонии в тёмном платье, обнажающем плечи. В её руке тёмные очки. Миловидная молодая женщина позировала художнику для миниатюры «Госпожа А. Э.» (на коричневом фоне металлического овала, датирована 1925 годом). В конце 1920-х годов Антония изображена художником в белом платье на фоне леса. Обнажённая рука легла на перекинутый через спинку скамьи цветастый платок. Созданный образ красивой женщины полон нежности. На светлой скатерти стола – роза и книга.

В мае 2016 года эти портреты были представлены на выставке художника в Латвийском художественном музее «Биржа», как и детские портреты сыновей этой семьи Герта (1919) и Клауса (1922). Дружба с семьей Эрхардт

помогала Н. П. Богданову-Бельскому получать заказы от их состоятельных друзей.

Однако семейная жизнь Мартина и Антонии не сложилась. По словам их родственницы из Германии, внучки Антонии, преподавателя немецкого университета Дагмар Рааб, в 1925 году Мартин, имевший психическое расстройство, выехал из Латвии в Европу, сведения о нём немногочисленны. Дружба Антонии и Н. П. Богданова-Бельского художника продолжалась. Обаяние молодой женщины, её хорошее знание русского языка привлекали художника. Выезжая в весенне-летний сезон в Латгалию для работы над образами местных крестьянских детей, он в письмах сообщал ей о своём окружении, погоде, работе. Отношение друг к другу привели к их единению. 

14 января 1932 года православный по вероисповеданию Николай Петрович и лютеранка Антония Максимилиановна были обвенчаны в Рижском Кафедральном соборе Рождества Христова. Художник поселился в семье жены, его любовь к детям воплотилась в отношении к сыновьям жены. Они любили своего отчима, называя его «Дядя профессор». Летом следующего года художник изобразил любимую жену сидящей на поляне в сосновом бору. Русский цветастый платок покрывает её волосы, окутывает фигуру. Внимательный взгляд, выразительное лицо говорят о таланте портретиста, создавшего образ в гармонии с окружающей природой. Окружённый вниманием и заботой, художник постоянно работал.

Политические события 1939 года побудили многих прибалтийских немцев выехать в Германию. Семья Бог-



данова-Бельского оставалась в Риге. Клаус был ещё гимназистом, оставался с семьей в Риге. Окончивший гимназию Гергист поступил учиться в Вене, но уже с первого курса был призван в немецкий Вермачт.

В начале 1940-х годов Богданов-Бельский отправился в латгальскую провинцию работать над эскизами. Он фотографировал ребяташек, природу с целью воплотить увиденное им в полотна.

С наступлением советских войск в сентябре 1944 года художник и его жена выехали на пароходе в Данциг (ныне – Гданьск), затем в Познань. Художнику 76 лет, и обострение его болезни после операции в рижской больнице заставило жену обратиться в отделение клиники Берлинского университета к знаменитому хирургу профессору Ф. Зауербруху, получившему ранее российское медицинское образование. Казалось, есть надежда на выздоровление, и художник, судучи больным, не расставался с кистью. Он написал портрет маленькой дочери врача Хартмана, который 13 февраля 1945 года вместе с профессором Зауербрухом оперировал художника.

Несмотря на ухудшение собственного здоровья, Антония Богданова-Бельская, также став пациенткой, до конца была рядом со своим знаменитым мужем. 19 февраля 1945 года Николай Петрович Богданов-Бельский скончался. На берлинском русском кладбище Тегель, недалеко от маленькой православной часовенки, нашёл последний приют знаменитый русский художник, приносящий своим искусством радость и в наши дни радость. Православный деревянный крест в последние годы заменён памятником из серого гранита.

Картины, отправленные с помощью друзей художника из Риги в Германию, поступили к Антонине (Антонии) Богдановой-Бельской. На фотографии на стене её небольшой квартиры в баварском городе Байройт рядом с другими полотнами можно видеть картину «Будущий инок», авторское повторение первого одноименного живописного произведения, сделавшего художника с первых шагов знаменитым и определившим путь юноши в искусстве.

13 сентября 1953 года директором немецкого замка Мёрс была устроена выставка Н. П. Богданова-Бельского из картин, сохранившихся в его семье. Полотна на подрамниках были представлены в помещении замка, другие, из-за трудности оформления, на прищепках во дворе замка. Выставка вызвала восторг прессы и посетителей. Её посетили 50 тысяч человек. После смерти матери наследство художника – архив, картины – перешли старшему сыну Герту. В 1968 году в Бамберге им была устроена выставка Богданова-Бельского. Герт писал о художнике статьи, публикуя в местной прессе.

В Риге последняя выставка произведений Н. П. Богданова-Бельского была открыта в мае 2016 года в центре Старой Риги в здании Художественного музея «Биржа». Большой выставочный зал был наполнен картинами художника, в числе которых находилась и ранняя живописная работа «Будущий инок». В талантливо созданных живописных произведениях воплощена частица души художника. Они близки и понятны широкому кругу читателей его таланта.

## Примечания:

1. Н. И. Мишеев. Академик Н. П. Богданов-Бельский // Перезвоны, 1925, № 2, с. 28.

2. Н. П. Богданов-Бельский. Мой путь в искусстве // Русский вестник, 1943, 4 декабря, № 13 (79).

3. Там же.

4. В. Гадалин. Друг детворы Н. П. Богданов-Бельский. Машинописный текст. Копия у автора.

5. Г. И. Гроссен. Богданов-Бельский. Нью-Йорк. 1974. Машинописный текст. Копия у автора.

6. Цитируется по: Д. Л. Подушкова. Академик живописи Н. П. Богданов-Бельский // Краеведческий альманах «Удомельская старина», 2003, № 31.

7. Н. И. Мишеев. Академик Н. П. Богданов-Бельский // Перезвоны, 1925, № 2, с. 26.

8. Н. П. Богданов-Бельский. У передвижников // Русский вестник, 1943, 4 декабря, № 13 (79).

9. Цит. по: Д. Л. Подушкова. Академик живописи Н. П. Богданов-Бельский // Альманах «Удомельская старина». 2003, № 31 (компьютерный текст).

10. В. Вегенов. Н. П. Богданов-Бельский у передвижников // «Русский вестник», 1943, 4 декабря, № 13 (79).

11. В. Линковский. Творчество Богданова-Бельского // Сегодня, 1921, 10 декабря, № 282.

12. Т. (Третьяков Виктор). К выставке картин Богданова-Бельского // Сегодня, 1923, 16 февраля, № 37.

13. Аз (Л. Назинцев). 45-летие художественной деятельности академика Н. П. Богданова-Бельского // Сегодня, 1931, 15 января, № 11.

14. Юргали (Галич). На выставке картин Н. П. Богданова-Бельского // Сегодня, 1925, 31 марта, № 73.

15. Письмо к А. М. Эрхардт. Копия у автора.
16. Гадалин В. Друг детворы Н. П. Богданов-Бельский. Машинописный текст. Копия у автора.
17. Петроний. На выставке Н. П. Богданова-Бельского // Сегодня, 1932, 15 февраля, № 46.
18. А. Ш. (Шульц) Успех выставки академика Н. П. Богданова-Бельского // Сегодня, 1933, 13 февраля, № 43.
19. Лери (Клопотовский). Художнику-юбиляру. Стихи, прочитанные автором на банкете в честь 50-летия службы искусству Н. П. Богданова-Бельского // Сегодня вечером, 1936, 27 января, № 21.
20. Как чествовали Н. П. Богданова-Бельского по поводу 50-летия его службы искусству // Сегодня вечером, 1936, 27 января, № 21.
21. Лери (Клопотовский). Художнику-юбиляру. Стихи, прочитанные автором на банкете в честь Н. П. Богданова-Бельского // Сегодня вечером 1936, 27 января, № 21.

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                                                                                                                                                                                      |            |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <i>Татьяна Пулле. Дорога к храму .....</i>                                                                                                                                                                                                                           | <i>5</i>   |
| <i>Сергей Цоя. Православные духовные учебные заведения<br/>Рижской епархии в начале XX века .....</i>                                                                                                                                                                | <i>17</i>  |
| <i>Константин Климов. О том, что вспомнилось<br/>(окончание).....</i>                                                                                                                                                                                                | <i>121</i> |
| <i>Письма профессора Василия Ивановича Синайского<br/>художнику Евгению Евгеньевичу Климову (с 1946 по<br/>1949 год). бликаторы: Оксана Дементьева и<br/>Татьяна Фейгмане).....</i> | <i>190</i> |
| <i>Нина Лapidус. Николай Петрович Богданов-Бельский <br/>Жизнь и творчество .....</i>                                                                                               | <i>342</i> |

